ПИОНЕР

ФЕВРАЛЬ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1961 г.

ПИОНЕРЫ ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ

Один из первых пионеров, генерал-майор Борис Андреевич Фролов, и пионер Сережа Артемов, ученик Московского суворовского военно-музыкантского училища. Снимок сделан И. Невелевым 19 мая 1960 года на Красной площади.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 38-й

Слушай, пионерия!

17 октября 1961 года открывается XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Съезд партии — это самое важное событие в жизни нашей страны.

Все советские люди — и коммунисты, и комсомольцы, и беспартийные — с нетерпением ждут съезда, все встречают его замечательными делами.

В те дни, когда делегаты съезда соберутся в Москве, исполнится первый год пионерской двухлетке.

Ленинградские пионеры предложили всем пионерам страны начать соревнование: кто лучше встретит съезд, кто больше успеет сделать за первый год двухлетки.

Пусть в день открытия съезда каждая пионерская дружина на торжественной линейке доложит коммунистам своего города или села о своих пионерских победах. Право зажечь над школой пятиконечную красную звезду получат те дружины, которые завоюют почетное звание «Дружина «Спутник семилетки».

Лучшие из лучших будут рапортовать съезду Коммунистической партии о своей работе.

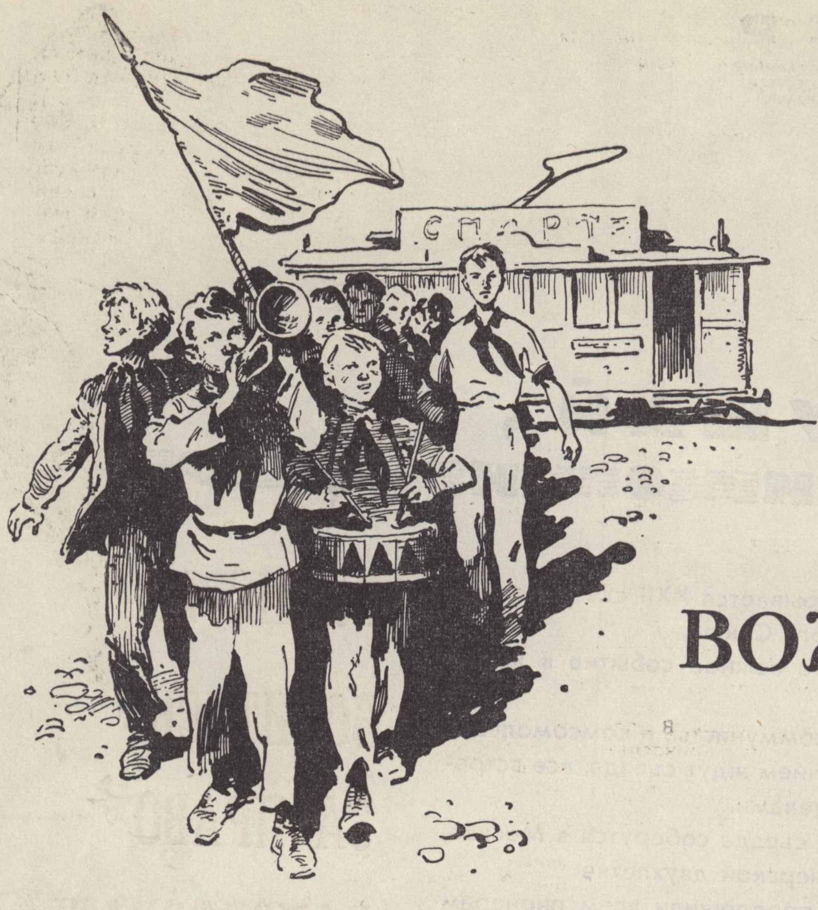
Право рапортовать съезду коммунистов — это самая большая награда для членов детской коммунистической организации.

Добивайся этой чести!

ПИОНЕРЫ! БОРИТЕСЬ ЗА ПРАВО РАПОРТОВАТЬ СЪЕЗДУ ПАРТИИ О СВОИХ УСПЕХАХ!

№ 2 ФЕВРАЛЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1961 ГОД

Николай БОГДАНОВ

КОГДА Я БЫЛ ВОЖАТЫМ

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки С. Забалуева.

11. КАК ЭТО ЧУДЕСНО — САМИМ ДОБЫВАТЬ СЕБЕ ПИЩУ!

Рассвет застал весь лагерь мирно спящим. Только дядя Миша все еще сидел у костра, ковыряя в углях палочкой. То ли ему не спалось от нахлынувших воспоминаний, то ли он решил покараулить первый сон нашей детворы в лагере.

Он проверил, хорошо ли постелена солома, посоветовал входы в шалаши занавесить одеялами: и для тепла и от комаров. Одеяла, что потолще, велел подстелить, а теми, что полегче, накрыться. Ребята так и сделали. Укрылись, улеглись потесней да так заснули, что проспали почти до обеда.

На первый раз я не решился потревожить их сон ранней побудкой.

— Пусть спят сколько влезет,— сказал дядя Миша.

Не барабан и не горн, а только пригревшее солнце выманило наших подопечных из шалашей.

Многие не сразу сообразили: «Где я?», «Что это?».

«Ах, это мы в лагере! А это наш вожатый раздувает самовар. А вон и дядя Миша. Все вспомнили».

— Ну, как рыба, вожатый? Много попалось?

— А я еще не смотрел. Вас ждал. Пойдемте вместе.

Никогда еще ни одну вершу не вынимал рыбак из реки при стольких свидетелях. А вдруг пустая? Нагнулся я, нащупал под водой прутья, приложил ладонь: что-то стучит там, толкает. Развязал лычки, освободил от корней да как подниму над рекой. Тру-ту-ту! От брызг радуги. Живое серебро забилось, заиграло на солнце под радостные крики и дикарскую пляску ребят.

Дядя Миша снял хвостовое кольцо, стягивающее концы прутьев, и на зеленую траву выскользнула груда сверкающей плотвы.

Стали считать. И вот чудо — на каждого по одной. Двадцать семь штук. Только дяде Мише да вожатому не хватало...

— Это в одну вершу столько, а если их десять поставить?

— А если двадцать семь — каждому сплести по одной?

— Ребята, да ведь мы рыбой можем прокормиться!

— Ну-ну,— успокоил страсти ребят дядя Миша,— это ведь не всегда так бывает. Иной раз и в десяток верш ни одной рыбки... Нам повезло. Пришла стайка и вся за муравьиными яйцами полезла.

За неимением сковороды плотву мы испекли. Каждую рыбешку выпотрошили, оставив в чешуе, брюшко посолили. Потом надели на ивовые прутья и, как на вертеле, поворачивали над углями. Немного оказалось еды в плотвичке, но удовольствие получили ребята огромное.

* * *

Когда из деревни пришагал Иван Данилыч, его так и облепили. Желающих постичь науку корзинщика оказалось больше, чем он ожидал.

Каждый хотел сплести именно вершу.

За день сплели три штуки. Не совсем ладные, не такие ажурные, как у дяди Миши, но все же верши. На каждое звено по одной. И каждое звено для своей добыло муравьиных яиц.

Устанавливали верши под берегом после долгих совещаний, советов с дядей Мишей, с Иваном Данилычем.

Забавно, что во все эти верши за ночь опять попалось ровно двадцать семь рыб, не больше не меньше.

— Дядя Миша, почему это?

— Наверное, водяной подсчитал вас, когда купались, и решил выдавать по штуке на каждого!

— Ну да, водяных нет!

— Это только в сказке.

— А мы и живем, как в сказке!

12. КАК МЫ АГИТИРОВАЛИ БАТРАЧОНКА ВАСЬКУ

Вскоре появились у нас и неожиданные огорчения.

В первые же дни нашего житья в лагере мы обнаружили рядом с нами некое угнетенное существо — батрачонка Ваську.

Он пас стадо на берегу реки. Несколько коров вместе с молодняком. Стадо принадлежало огороднику Зеленину, местному кулаку.

Васька пас это стадо с рассвета до заката. В полдень бабы, приходившие доить коров, приносили мальчишке скудный завтрак.

Батрачонок был тощ, нескладно длинен, с унылым, вытянутым лицом. Один его вид сразу вызывал жалость.

Однако были у Васьки качества, которые приковали к нему сердца ребят. Он умел удивительно громко щелкать кнутом.

Этот длинный кнут, толстый в начале и потоньше к концу, слушался только своего хозяина. Покорно свивался у его ног колечком. Вдруг по мановению его руки развивался и, как выстрел, щелкал перед носом сунувшейся в огород коровы, удерживая ее в стаде.

А в руках наших ребят этот же кнут вел себя словно какое-то коварное, злобное существо: то обвивался змеей вокруг туловища, то больно хлопал по ушам. И уж никак не хотел щелкать.

Умелое владение пастушеским кнутом придавало Ваське в глазах ребят какое-то особое, ни с чем не сравнимое преимущество и позволяло ему — деревенскому — поглядывать на городских свысока.

Ребята начали разговаривать с ним как-то заискивающе и чересчур многословно, а он с ними не разговаривал, а изрекал.

И его дикие деревенские глупости звучали как непререкаемые истины.

Выяснив, что он круглый сирота, что кулак его нещадно эксплуатирует, что он неграмотный, суеверный и не разбирается в политике, наши пионеры загорелись желанием сделать Ваську сознательным.

Особенно поразило ребят, что этот батрачонок любит своего эксплуататора-кулака.

— Вася, ну неужели ты его любишь больше, чем Советскую власть?

— А как же, чего мне власть, какая от нее сласть, а он меня кормит.

— Так ведь ты на него работаешь!

— А чего же не работать? Я здоровый.

— Он тебе не дает учиться!

— А мне и не хотца.

— Он тебе и денег за труд не платит.

— А мне они зачем? От них одно баловство.

— Так он же тебя бьет!

— Значит, надыть. Меня и мамка била.

Вот поди-ка поговори с ним! Ребята дрожали от негодования, встретив такого несознательного батрака.

Много душевных сил потратили они на его перевоспитание, и все напрасно. Не помогали никакие подходы. Решили показать Ваське Москву, свозить в воскресенье в театр.

— Вася, ты в театре никогда не бывал? Поедем с нами.

— Чего я там не видал, я лучше в церкву пойду.

— Ну, театр же лучше церкви: там настоящие артисты!

— А я их не знаю... Мне в церкви веселей: там девки, бабы в хору поют, все знакомые.

На все у него был свой ответ. Свое твердое убеждение.

Батрачонок Васька.

И сколько его ребята ни прикармливали, ни приваживали, волчонком смотрел. По-видимому, кулацкое влияние на него было сильней нашего.

Васе очень нравилось дразнить нас.

Угостят его ребята конфеткой или печеньем, примет с удовольствием. А когда съест, сядет на крутом обрыве над ручьем и начнет частушки петь:

Пионеры — лодыри,
Царя, бога продали.

И дальше какую-то бессмыслицу, по его мнению, очень для нас обидную.

Ну, просто не парень, а заноза. И что с него возьмешь — батрачонок, даже отлупить как-то неловко.

Пытались прогонять, а он в ответ:

— Не имеете права: земля теперь общая. Игде хочу, там и топчу.

Пытались унимать, а он свое:

— Слобода слова, чего хочу, то и кричу!

Такие противные ребята даже мне редко встречались. При одном его виде у меня надолго портилось настроение.

13. КАК ХОДИЛИ НАШИ ФУРАЖИРЫ

Постепенно наше вольное, сказочное житье вошло в норму. Звонкий горн играл по утрам побудку, по вечерам — отбой. Ребята четко строились на линейке к подъему и спуску флага. Мы выработали распорядок дня, применяясь к обстоятельствам. Тут были и физзарядка и беседы у костра, предусмотренные планом райбюро пионеров. Были и не предусмотренные правилами, но весьма необходимые дела.

В моем понятии не совсем укладывались такие «мероприятия» пионерской жизни, как прогулки и экскурсии. Ведь мы не барышни, чтобы прогуливаться так, для развлечения, а пионеры. Никогда в своей жизни я не бродил среди природы просто так, чтобы на нее полюбоваться. В луга ходил на покос, в поле — на пахоту, в лес — по дрова, по грибы, на речку — рыбу ловить.

Чего же бродить попусту? Интересно с какой-то целью.

Скукой веяло на меня от многих экскурсий, когда тебя водят и показывают: это вот — то-то, а это вот — то-то. Интересно что-то узнавать самому, в действии.

К действенному познанию окружающего привела нас сама необходимость. На третий или четвертый день у нас вышел весь хлеб. Быстро истощились чай, сахар, конфеты и прочие запасы, захваченные из дому.

На свежем воздухе ребята оказались такими прожорливыми, что убыль захваченного с собой продовольствия превзошла все ожидания. До воскресенья нам не дотянуть.

— Что делать, как же быть, дядя Миша?

— Так хочется пожить здесь еще!

Михаил Мартыныч ласково посмотрел на самых заботливых наших звеньевых, Маргариту и Шарикова, и сказал:

— В подобных случаях во время гражданской, когда наши отряды отрывались от своих баз, нам предписывалось изыскивать продовольствие на месте.

— Ну как это делалось?

— Очень просто: продовольствие для людей и коней добывали наши фуражиры — специально выделенные очень боевые, сметливые и ловкие бойцы. Мне, как имеющему каторжный, бродяжий опыт, не раз поручали водить отряды фуражиров. У меня действительно такое было чутье, что мой нос за три версты на запах печеного хлеба приводил. Избу, в которой хлебы пекли, я издалека отличал.

— И я, и я! Я вчера почуяла, как вкусно печеным хлебом пахнет! — Маргарита покрутила носом.— Ну, прямо даже голова закружилась!

— Это в совхозе,— подтвердил Шариков,— там каждый день свежий хлеб пекут.

— Найти еду — это нехитро,— сказал дядя Миша,— а вот как ее взять? Вот тут и начинается политика и дипломатия. Помните, как отставной солдат у жадной старухи суп из топора варил? Как пастушок в таком же случае действовал: «Бабушка, подлей молочка,— видишь, каша остается!» А потом: «Бабушка, подложи кашки, жалко молоко зря оставлять...» Конечно, в гражданскую войну у чужих мы и силой брали, а у своих умели попросить. «Мы, мол, вас от белых спасаем, добываем вам землю и волю, так вы нас покормите... На некормленных конях разве мы беляков догоним?» Ну и выручал народ. И спрятанное врагами помогали найти и свое последнее отдавали...

— Так ведь то гражданская война!

— Теперь за так не дают, даром не выпросишь.

— Так и мы не даром — штыком и клинком работали... Попытка не пытка, давайте попробуем. Пошлем на разведку наших фуражиров.

— Пионеры-фуражиры? Идет! Ой, как интересно!

Первый отряд наших фуражиров повел на разведку сам дядя Миша.

И, конечно, не оплошал. Из первого же похода наши фуражиры явились с четырьмя буханками свежего хлеба. На его неотразимо вкусный запах сбежался весь отряд.

— Как удалось, где?

— В совхозе, по чутью нашли!

— Ох, дядя Миша — дипломат! Знаете, как он эти буханки «уговорил»... Не даром, конечно, нет, вы только послушайте.

И тут следовал коллективный рассказ, беспорядочный, перебиваемый, уснащенный незначащими подробностями о том, как чутье привело наших фуражиров к пекарне. Как проникли в нее в качестве пионерской экскурсии. Как облизывались на свежий хлеб. Как неловко было просить. И как, наконец, уже в конце разведки дядя Миша ловко подвел к этому разговор с директором совхоза. Рассказывали ему о пионерах, о нашем походе и что у нас принцип — все сами: строим жилье, добываем пищу. Это ему очень понравилось. Он же коммунист. Он тоже за это.

— Правильно,— говорит,— нам барчат не надо, кто не трудится, тот не ест.

Мы все ждем, когда же насчет хлеба-то. И вдруг дядя Миша говорит:

— Вообще, в природе почти все можно добыть: грибы, ягоды, орехи, рыбу, дичь... Вот только хлеба да соли... Ну, это нетрудно. Можно выменять на те же ягоды, например. Или вот на корзинки. Мы умеем плести отличные. Пожалуйста,— вы нам свежий хлеб, а мы вам корзинки.

— А зачем нам корзинки? — спрашивает директор.

— Ну как же, а вишни в город возить?

— Какие вишни?

— Да из вашего вишневого сада. На вишни в этом году урожай, уже краснеют.

Директор только рукой махнул:

— У нас их деревенские ребятишки оборвут. Забора нет. Пустое! Да и собирать некому: у нас все рабочие заняты... Совхоз-то молочный. Снабжаем молочными продуктами больницы, детские учреждения, туберкулезный санаторий... Это главное.

— Да что вы,— говорит дядя Миша,— разве детям, больным туберкулезом, вишни не нужны? А собрать мы вам соберем... Да и охранять поможем.. А главное — корзинки... Пожалуйста... за буханку хлеба мы вам такую корзинку сплетем — чудо! Вишенки одна к одной доставите.

Хлеб совхозной выпечки был хорош. Съели мы его, не уронив ни крошки. Но и наши корзины были неплохи. Плели мы их всем отрядом. Относило звено «Спартак», назначенное в фуражировку. Восемь штук. Четыре за съеденный хлеб и четыре за новые буханки.

По дороге подробно обследовали запущенный, заросший чудовищной крапивой и высоченными лопухами сад. Сквозь заросли были проложены тропы. Очевидно, деревенские мальчишки следили, скоро ли поспеют вишни.

От бывшего забора остались только кирпичные столбы. Доски давно растащили на дрова. Охранять такой сад не просто... Поставить новый забор дорого стоит. А в саду и яблони есть. И яблок на них немало.

— А что, если взяться караулить сад за яблоки?

Этот вопрос обсуждался вечером у костра.

Теперь каждый день шагали по окрестности наши фуражиры и докладывали, где что есть и что можно добыть.

— Яиц по деревням сколько угодно: у всех кур полно. И добыть нетрудно: надо ведра, кастрюли, старые умывальники паять-чинить. Это мы с Котовым сможем, только съездить домой за инструментом,— докладывал Ваня Шариков.— Мне отец все, что нужно, одолжит.

— А за рекой в лугах есть озера, в которых полно карасей. Только их взять нельзя: очень заросло все кувшинками, осокой и всякими водорослями — никаким бреднем не вытянешь...

— Может, попробуем, ребята? У Ивана Данилыча бредень есть, хотя и старенький.

* * *

— Товарищи, внимание. Наша разведка открыла огородников. Видите, плетни у реки — эти земли принадлежат артели «Красный огородник». А вот там, за парком, там огороды кулаков-зеленщиков. И между ними идет борьба. Кулаки эти знаменитые, они еще старую Москву овощами снабжали. И сейчас поставляют в Охотный ряд редиску, морковь, огурцы. Наживаются. Высокие цены берут. Окружающие деревни на них батрачат, как в старые времена. А «Красный огородник» — это бывшие красноармейцы и бедняки организовались, снабжают свежей зеленью рабочие столовые... И идет между ними и кулаками классовая борьба!

Трудно приходится артельщикам: кулаки сильны, нелегко одолеть их. Просят пионеров помочь морковь продергивать, редиску рвать.

— Какая же это помощь против кулаков?

— А что же, будем бить кулака редиской!

Взрыв хохота покрывает доклад фуражиров.

В конце концов решаем пригласить на совет отряда «красных огородников», пусть расскажут сами, чем мы им сможем помочь.

* * *

— Товарищи, обнаружена колдунья! Самая настоящая, горбатая, с клюкой, и галка на плече. За ней бродит черная кошка с фосфорическим взглядом. Живет она на самом краю света, в самой развалющей избушке.

— Знает всякие заговоры, наговоры, волшебные травы.

— Деревенские говорят, у нее разрыв-трава есть — замки железные отворяет.

— И не то говорят. Мальчишки видели, как она черной свиньей обернулась и у одного, который над ней посмеялся, ночью ухо отгрызла!

— А другому все пальцы на ногах отдавила. Обернулась колесом да как покатила вдруг по улице...

— Ну, этого не бывает!

— Надо разоблачить ее. Устроить показательный суд для борьбы с темнотой, вот здорово будет!

— А может, она и не колдунья, а просто лекарственные травы знает.

— Она их собирает и в аптеку сдает, мы же через аптеку про нее и узнали. Нам же сказали, что она нам покажет, чего надо собирать...

За нужные травы в аптеке деньги платят, вот мы и хотели узнать, как это делается.

— А все-таки это колдунья. Мы как заглянули в избушку, да как увидели ее, и бежать. А она с клюкой за нами. Да как закричит — у нас прямо ноги подкосились.

— Ой, как страшно, девочки!

— Эх вы, труханули, а еще звено имени Розы Люксембург! Роза, она же бесстрашная была!

* * *

— Товарищи, есть предложение насчет молока: батрачонок Васька предлагает нам потихоньку выдаивать кулацких коров... А он будет сваливать это на ужей. В деревне думают, что ужи на заболоченных местах подкрадываются к коровам и высасывают молоко. Васька за их счет давно молочком пользуется!

— Ну, то Васька, его кулак эксплуатирует, а он, где может, кулака надувает...

— А нам что, обманывать кулаков нельзя, что ли?

— Жалко ужей!

— При чем тут ужи?

— Так ведь их же всех перебьют за это, а они полезные!

— Хороши мы будем пионеры, если поддержим суеверие!

— Эх, в совхозе, вот где молоко! Сладкое-сладкое. От таких красивых коров.

— Симментальской породы.

— Но оно все для больных. Нам только попробовать дали.

— Постойте, ребята, а вы знаете, что молоко у коровы на языке? Если лучше кормить — больше молока. Вот принести бы им самой-самой лучшей травы, они ее пожуют-пожуют да и прибавят удой.

— Верно, пусть нам только эту прибавку и отдадут! Объясним это директору. Ведь он же коммунист!

Так мы искали, предлагали, думали. И наш поиск давал результаты. Иногда самые неожиданные.

14. КАК МЫ БИЛИ КУЛАКОВ РЕДИСКОЙ

Вдруг явились к нам на огонек представители артели «Красный огородник». Сели у костра. Председатель, молодой парень в буденовке, бледный, с красным шрамом на лице. И толстенький, круглолицый, красноносый его заместитель, «спец по сбыту».

— И прямо вам скажу, ребята, попали мы с нашим спецом впросак. Я за то, чтобы снабжать нашим продуктом столовые, больницы, детдома. Ну, словом, городскую пролетарию. А он нас тянет в Охотный ряд. С кулаками конкурировать — там, дескать, за овощ дороже дают. А мы, артельщики-то, бедны. Нам деньги нужны на разживу. Ну и заключил он с охотнорядскими зеленными торговцами договор на поставку того-сего: петрушки, укропа, салата, редиски. Выгодный договор, цену нам дали вдвое против казенных учреждений. И одна только маленькая оговорочка в этом договоре: в случае, если мы не доставим в срок столько-то и того-то, с нас штраф, плати неустойку. Потому что, мол, на ранние овощи цена скользящая. Чем позднее, тем дешевле... Вот и попались мы, как птички в силок, в эту удавку. Не можем выполнить поставки в срок, да и все... Погнались за ценой, пообещали всего много, а и мало-то поставить не можем. Такую нам подножку дали местные кулаки-огородники, старые поставщики Охотного ряда. Сманили они всю рабочую силу. Девчонкам малым, и тем хорошую цену платят. Наличными. Только бы работали не у нас, а у них.

Ну, просто зарез получился, недаром пословица говорит: дурак огурцом зарезался. А нас вот завтрашний день должна зарезать редиска! Завтра ей последний срок: не доставим — платим неустойку...

— Ведь хотел-то я как лучше для артели,— вставил «спец по сбыту»,— а, вишь, кулачье нас перехитрило. Сговор у них с охотнорядцами, не иначе!

— Не связывайся с нэпманами, держись за пролетариат! — усмехнулся дядя Миша.

— На будущее это я понимаю, теперь-то как быть?

— Помогите, ребята, вас ведь вон какая артель. Что вам стоит редиски на две телеги нарвать!

Ребята на просьбу «красных огородников» откликнулись бурными возгласами:

— Побьем кулака огурцом!

— Морковью!

— Редиской!

Наутро по зову горна, под гром барабана отряд шагал на выручку «красных огородников».

На головах ребята несли корзинки, у артельщиков даже тары для овощей не хватало. Оказывается, наш милейший Иван Данилыч плел свои великолепные двуручные корзинки для кулаков-зеленщиков. За хорошую цену. И мы ему в том немало помогали, увеличив производительность ловких рук старика чуть не вдвое. Лозинки ему резали, а это самая канительная для старика работа...

Вот какая вышла петрушка.

* * *

...Вот оно, наше первое поле битвы с классовым врагом — огород. Вместо окопов — грядки. А в них пышные султаны морковной ботвы, огуречные плети, ватаги сорняков, густые кущи редиски.

В наступление, отряд!

Одно звено выдергивает, другое таскает в корзинках к ручью, третье связывает в пучки, полощет и складывает на телеги. Принимает капризный товар сам «спец по сбыту».

Работа спорилась. Никто не отлынивал: ведь мы не просто редиску дергали, мы помогали нашим красным артельщикам вырываться из лап хитрого классового врага.

И когда три телеги с зеленью поехали на Москву, мы бросали вверх панамы и кричали «ура» в честь одержанной победы.

Выкупались тут же, в бочагах овражного ручья, а когда вышли на берег, смотрим, из деревни поспешают женщины, несут на палке дымящийся котел. В нем оказался гороховый суп.

И радостные трели горниста огласили поле победной битвы:

Бери ложку,
бери бак,
если нету,
беги так!

Это все наш дядя Миша! Михаил Мартыныч заранее сговорился с председателем, и пока мы сражались с редиской, артельные кашевары тоже не зевали.

Домой возвращались с трофеями. Каждый нес пучок редиски, торжественно, как скальп врага. К грохоту барабана присоединился новый звук: Костя Котов ловко бил железным половником по медному котлу.

Мы не только его очистили до дна, но и сумели одолжить у наших новых друзей на время.

* * *

Подошло воскресенье — срок нашего возвращения в Москву.

— Ребята, а может быть, еще поживем недельку?

— А чего же? Теперь мы с горячей пищей. Так мы все лето можем прожить.

— Что вы скажете, дядя Миша?

— Что скажут ваши родители, вот вопрос.

— И райбюро пионеров. И районо,— добавил я. Ведь мы улизнули под видом экскурсии, никакого лагеря нет, это все так, озорная проделка, отчаянная вылазка.

Как быть, что делать, как превратить наше «шалашество» в признанный пионерский лагерь? Как сказку сделать былью?

15. КАК МЫ ОТСТАИВАЛИ СВОЮ СВОБОДУ

Быть или не быть нашему самодеятельному лагерю, мы решали всем отрядом. И решили очень быстро: за то, чтобы «быть», поднялись все руки, а Франтик поднял две.

Уговорить начальство мне казалось делом несложным. А вот что делать с родителями, согласятся ли они с нашей затеей?

— Ну должны же они понимать, что у нас свобода, а в свободной стране нельзя угнетать своих детей. Верно, дядя Миша!

— Хотим мы жить в шалашах, ну и пусть, если нам так хорошо, им-то что, жалко?

Дядя Миша слушал, слушал и вдруг говорит:

— А вам их не жалко?

Ребята, разжигавшие в себе бунт против родительской власти, после этих слов как-то сразу осеклись.

— Они теперь ждут не дождутся, как вы в воскресенье домой явитесь. Сердца, небось, изболелись. Как-то там наша Раечка да как Ванечка... Не голодно ли им, не холодно ли?.. Не случилось бы чего?.. Эх, вы еще не были родителями, друзья, вы не знаете, что такое тревога за детей.

— Так ведь нам тут хорошо и не опасно, чего же тревожиться?

— Но они-то этого не знают, не видят. Да и соскучились. Кто любит, тому разлука — скука. Неужели вы этого не знаете? Ведь соскучились тоже, признайтесь. У многих сердечки ноют: как там папа, как мама, как бабушка?

Задумались мои пионеры.

Общими усилиями выход был найден. Решили написать всем ласковые письма. Объяснить, что есть возможность отдохнуть за городом подольше. И главное, пригласить в гости в следующее воскресенье.

И началось великое писание.

Писали, переписывали, советовались друг с другом, читали, зачеркивали и снова писали.

— Ты своей маме побольше про природу, про красоту, она это любит, я знаю. Она же безвыходно в квартире,— советовала Рая-тоненькая Рае-толстой.

— А моей маме главное про хорошее питание. «Всегда свежее молоко, парное». Вот это сразу сагитирует!

— А моим главное, что я толстею.

— Моим — про свежий воздух, не то что в Москве или на швейной фабрике. И что я не простужаюсь, ну ни разу не кашлянула...

Собрав ворох писем, мы решили доставить их с курьерами. Для этого выделили Костю, Ваню Шарикова и Маргариту, бывшую Матрену. Она должна была обойти родителей девочек, а Ваня и Костя — родителей мальчиков. Вручить письма. Ответить на вопросы: как они там, не нужно ли чего? И хотя нам все нужно, чтобы не пугать, просить только чаю да сахару. Чтобы родители думали, будто остальное у нас все есть.

Толстый Шариков в очках, при его немногословности и солидности производит неотразимо хорошее впечатление, а Маргарита умеет обращаться со взрослыми, как с большими детьми.

Дядя Миша согласился остаться еще на денек, и я поехал с ребятами, чтобы помочь им в трудных слу-

И началось великое писание писем.

чаях и договориться в райбюро пионеров. Кроме того, у меня были некоторые соображения насчет крупы и хлеба.

Соображения эти были простые: использовать мою студенческую стипендию, отложенную для поездки домой на каникулы (этим летом уже все равно не попаду), и закупить пшена и гречи.

Стипендия у меня хранилась, как в сберкассе, у самого старшего студента общежития, Алеши Кожевникова, все три червонца — деньги по тому времени немалые. На червонец мы, студенты, ухитрялись месяц жить.

Правда, обедали изредка, больше чай пили. Кипяток мы брали на Курском вокзале бесплатно. Чай-сахар потребляли экономно. А что касается хлеба, тут мы устроились весьма ловко.

Напротив общежития помещалась большая частная булочная. Владел ею какой-то нэпман. Мы свели знакомство с молодыми продавцами. Они тянулись к нам всей душой. Брали читать книжки. Двоих, Федю и Егора, мы готовили к поступлению на рабфак. Славные были ребята! Они-то нам и помогли решить хлебную проблему.

Дело в том, что в каждой булочной к вечеру скапливались всевозможные хлебные обрезки. Продавцы сбрасывали их в корзины и потом продавали на корм скоту, по самой низкой цене.

Мы договорились, что будем забирать одну корзинку себе. И ребята старались, конечно, наполнить ее чем получше. Бывало, явимся после закрытия булочной, подхватим корзинищу за две ручки и — через улицу в общежитие. Откроем, а в ней чего-чего только нет! И обрезки ситного с изюмом, и куски кулича, сдобы, минского, рижского — на все вкусы. Пируй, студенты!

Зашел я в общежитие. Пусто, почти все разъехались на каникулы по домам. Только Кожевниковы остались.

Сам Кожевников где-то у беспризорников. Он пишет про них книгу. Встретила меня Наташа — жена Кожевникова — с Юркой на руках. Эге, да они разбогатели, Кожевниковы! На балконе сушатся пеленки. А ведь когда Юрка появился на свет, у них такой роскоши не было. Завертывали мы парня в старые газеты. Намнем их, бывало, чтобы помягче было, завернем мальчугана и нянчим по очереди. И парню тепло, и нам удобно. Намокнет газета — выбросим, в новую завернем. Ни со стиркой, ни с сушкой не возиться.

— Шибко грамотный вырастет! — смеялись студенты, любуясь Юркой.

— Избалуете вы его. Привьете аристократические замашки. Ни один принц так часто костюмов не меняет,— шутила Наташа.

Рассказал я Наташе про наше житье. Про все проблемы. Пригласил побывать в гостях, нарисовав на стене комнаты весь маршрут.

Забежал в булочную. На счастье, наши друзья, Федя и Егор, были на месте. В белых шапочках, в халатах, как молодые доктора, только не в клинике, а за прилавком.

Хозяин, у которого летом дела шли хуже, находился тут же и поглядывал на меня искоса. Но мы успели перекинуться словом, насчет хлебных обрезков.

После этого я отправился в райбюро пионеров доложить о наших планах остаться еще на недельку в походе. И попытаться увлечь Павлика идеей самодеятельного пионерского лагеря, где пионеры все делают сами, даже добывают пищу.

Выслушав мое горячее объяснение, Павлик загорелся.

— Самодеятельный лагерь — поддерживаю! — вскрикивал он, повертывая на голове кепку.— Пойдем сообщим в районо. Пусть это будет инициатива комсомола!

Слушая мое сообщение, работники районо все ждали, когда же я чего-нибудь попрошу. У них все-таки скребли кошки на душе. Средства, предназначенные на организацию трех лагерей, отдали одному. Это ведь не очень хорошо. Могут спросить: сколько лагерей намечали организовать? Три. А сколько открыли? Один! И теперь, опомнившись после гипноза Вольновой, деятели районо отнеслись к моему плану организации еще одного лагеря доброжелательно.

— Так что же вам от нас нужно? — спросил наконец заврайоно.

— Да ничего.

— Так совсем ничего?

Это даже Павлика смутило.

— Может быть, ты хочешь, старик, чтобы мы тебе отдали пару палаток? — прищурился мой друг Павлик.

— Нет.

— Походную кухню, которую мы достали для показательного, действуя по твоим следам, у самого Буденного?

— Обойдемся.

— Так что же?

— Да, право же, ничего. Не мешайте ребятам пожить, как им хочется, и все!

При этих неосторожных словах Павлик так и вскинулся:

— Что это за анархизм такой — жить, как вам хочется? Вы что, кто вы такие? Нет, вы будете жить так, как это нужно!

— Кому нужно?

— Пионерорганизации, вот кому. Согласно принятым установкам. Где у вас план работы? Какой распорядок дня? Как же мы будем вами руководить, если мы не знаем, что вы там собираетесь делать? Мы должны знать все заранее, чтобы вовремя подсказать, остановить, поправить.

И, видя мое смущение, смилостивился:

— Пойдем, я тебе покажу, какие планы представила Вольнова. Это же роскошь. С диаграммами, с выкладками. Вот, брат, работает — не подкопаешься!

С наслаждением человека, любующегося истинным произведением искусства, Павлик расстелил передо мной планы идеальной лагерной жизни показательного отряда, изображенные Вольновой графически. С применением акварельных красок.

Она предусмотрела все. Лагерь был нарисован как картинка: расположение палаток (в центре командирская), показано расстояние до реки, до леса, до пунктов снабжения. Распорядок дня по часам. Столько-то на игры, столько-то на купание, столько-то на обед, столько-то на ужин, столько-то на трудовую деятельность, столько-то на политзанятия. Клеточки под рубрикой «купание» были голубые, «обеды и ужины» — коричневые, «прогулки и экскурсии» — зеленые, «политзанятия» — красные, «часы труда» — черные, «мертвый час» — желтые.

Жизнь пионеров, расписанная по часам, играла всеми цветами, как веселый калейдоскоп.

Перед этим удивительным творчеством Вольновой я стоял несколько обалдевший, как деревенский простак перед барским великолепием.

Увидев, как я потрясен, Павлик довольно расхохотался.

— Вот, брат, учись. Я у нее учусь, а уж вашему брату среднему вожатому!.. София,— многозначительно добавил он,— означает мудрость.

— Когда же она вывозит свой отряд?

— Как только все подготовит, организует, чтобы все как следует.

— Что-то долго она. Мои ребята уже купаются, а ее показательные все еще городскую пыль глотают...

— Купаются? — насторожился Павлик.— А вопрос непотопляемости у тебя как? У Вольновой все это продумано, предусмотрено, и в плане на этом месте ноль целых! Ну так вот, давай твой план. Чего стесняешься? Написал коряво... Понимаю, после такого тебе со своим и показаться неловко. Ну уж ладно, развертывай.

— Сейчас разверну... В основе нашего плана лежит: первое — физическая закалка, оздоровление ребят путем пребывания на свежем воздухе, второе — политическая зарядка путем изучения политграмоты на местной действительности и бесед у костра, третье — трудовая закалка путем работы в совхозе и...

— Постой, постой, что это ты заладил?

— Так это я развертываю план, только устно.

Павлик вначале рассердился:

— Да как же я его зафиксирую, подошью к делу?..

Потом расхохотался до слез:

— Ну ладно, давай уж помогу, раз не способен. Садись, говори — все, что надо, напишем.

Сели мы рядком за стол и начали писать.

Составив план работы нашего отряда, Павлик подобрел и пообещал посетить лагерь и помочь, если что нужно.

Дело оставалось за небольшим — получить с Кожевникова три червонца и вернуться в лагерь со всем, что удалось собрать ребятам у родителей, прихватив корзинку хлебных обрезков из булочной.

По одному виду Кожевникова — такой он был небритый и грустный! — я понял, что денег у него нет.

— Но скоро будут. Моя книжка о беспризорниках вот-вот появится. Печатается в типографии. И как только появится, мы разбогатеем... А пока что надо было у кого-нибудь одолжить взаймы. Маленькая, но семья...

Идея самодеятельного пионерского лагеря ему понравилась: ведь это же замечательно, таким способом можно вывезти на природу тысячи городских ребятишек, детей бедноты. Сколько их слоняется по пыльным улицам! Предоставленные самим себе, они попадают под влияние беспризорников, воришек, настоящих уголовников...

— Эврика! — воскликнул он.— Есть способ легко и просто заработать большие деньги. Для этого твоим мальчишкам и девчонкам надо стать на лето офенями!

Офеня! Я вспомнил, какую радость доставлял нам в детстве приход мальчишки — разносчика дешевых книжек и лубочных картинок, с волшебным коробом за спиной. И его улыбающееся лицо и его загадочное и ласковое не то прозвище, не то имя запомнились на всю жизнь.

— Если раньше офени-коробейники делали доброе дело, распространяя по деревням сытинские народные издания, почему бы твоим пионерам не перенять эту благую миссию? Я вам помогу и книжки с картинками достать. Я знаю одного издателя, Мириманова, ему позарез нужны агенты-продавцы... Он затоварился. За полцены отдает. Продадите книжку за гривенник — пятачок ему, пятачок себе.

Коммерция показалась мне выгодной.

— А книжки у него вполне приемлемые. Он рассказы Ушинского издает. Много познавательных. «Как рубашка в поле выросла», «Как пчела мужика кормила»... «Чудеса из глины» — это о горшечном производстве... Ну, там отберем.

Сказано — сделано. И вот мы у Мириманова.

В мрачном полуподвале, где помещались редакция и склад изданий, нас встретил худой, как кащей бессмертный, старик. Сам редактор, сам издатель, сам продавец своих книжек.

Кожевникова он знал. А меня долго и подозрительно прощупывал своими колючими глазами. Боялся обмана. По-видимому, старика надували не раз.

— Пионеры,— бормотал он невнятно,— это хорошо... Это организация с будущим... Такие распространители детских книг — для моего дела находка... Но как же без залога?

Все дело заключалось в том, чтобы уговорить его поверить нам товар на слово.

Не без скрипа, но старик согласился. Мы выдали издателю нечто вроде векселя и набрали у него кипу самых разноцветных книжек.

— Ну вот вам и деньги! — радовался Кожевников.

Вечером пришли в общежитие Федя и Егор. При-

тащили полную корзинищу хлебных обрезков. Принесли гитару. Мы вдосталь попели песен и помечтали, как они приедут к нам в Коломенское в ближайшее воскресенье.

Я был счастлив: все удавалось мне, как по волшебству, и будущее представлялось в самых радужных красках... Я казался себе неким добрым чародеем, который может вывезти городскую детвору из пыльных улиц и переулков на лоно природы.

Удачны были и походы ребят по квартирам родителей.

В лагерь мы возвращались перегруженные добычей. Наши трофеи едва уместились на задней площадке трамвая. Здоровенная корзина, полная хлебных обрезков, и три заспинных мешка с чаем, сахаром, конфетами и печеньем — результат обхода пап и мам. Да еще чемодан со слесарными и паяльными инструментами, захваченный Шариковым из дома. Да пачки книжек Мириманова.

Все обошлось как нельзя лучше. Письма произвели на родителей нужное впечатление, письмоносцы — тоже.

Все папы и мамы заявили о своем желании побывать у нас в воскресенье. Правда, при одной мысли о предстоящем нашествии званых гостей меня бросало в жар.

Взвалив на спину мешки с подарками, мы с Маргаритой зашагали в лагерь, а Шарикова оставили дожидаться подмоги. Корзиницу с хлебными дарами и пачки книжек можно было дотащить лишь артелью, что и проделало звено «Спартак».

— А ты чего же скучаешь? — спросил незнакомец у Игорька.

16. КАК МЫ ПОДРУЖИЛИСЬ С ЧЕЛОВЕКОМ, ДОСТАЮЩИМ ЗВЕЗДЫ С НЕБА

— Ура! Живем еще неделю!

— До воскресенья дотянем, а там видно будет.

В отличном настроении разбирали ребята наши трофеи. Дядя Миша от души хохотал, узнав о студенческом способе добывать дешевый хлеб.

— Вот уж действительно, нужда научит калачи есть,— говорил он, доставая из-под кусков целые бублики и калачи, положенные добрыми продавцами!

В тот же вечер мы проводили дядю Мишу в Москву.

Но мы не остались одни. На второй день после его отъезда счастливый случай привел к нам еще одного друга.

Стоял жаркий, солнечный денек. Ребята мои затеяли удалую игру: ныряли в речку и сидели под водой, кто кого пересидит.

Один только Игорек держался в сторонке. Плавать-то я его кое-как научил. Раза два бросал с берега на глубокое место, как меня самого учили, и, видя, что он не может выгрести на мелкое место, приходил на помощь.

Немало наглотавшись воды, Игорек наконец стал выплывать на мель. А потом и сам стал бросаться с берега в глубину.

Но участвовать в таких играх в воде он побаивался...

Увлекшись игрой, мы не заметили, как к нам подошел какой-то прохожий. В военной гимнастерке и в галифе, с полевой сумкой через плечо, он шел с непокрытой головой, держа в руке шапку-кубанку, и, поглядывая вокруг, улыбался.

Заметил Игорька, одиноко сидевшего в сторонке. Подошел и спросил без предисловий, как старый знакомый:

— А ты чего же скучаешь?

Игорек только пожал своими худыми плечиками: мол, где мне. Не надеюсь на победу в такой игре.

Прохожий нахмурился:

— А хочешь, я сообщу тебе одну тайну, и ты всех победишь?

Ну, кто же не захочет узнать такую тайну! Игорек с прохожим зашли за кусты, о чем-то пошептались. И вдруг выходит наш «пионерчик» и заявляет:

— А ну давайте я всех перенырну!

Ребята засмеялись: задору много, да силы мало. Особенно смешно было таким здоровякам, как Шариков и Котов. Набрали они побольше воздуха в широкие груди, нырнули поглубже и сидят под водой. Упорно сидят. Пузыри пускают, а наружу не показываются. Но долго на дне не просидишь. Стали показываться один за другим. Самые упорные вылезли с синими губами, как у утопленников.

А Игорька все нет.

Меня уже страх взял: не нырнул ли «пионерчик» насовсем. Но прохожий делает знаки, чтобы я не волновался. И вот, когда уже прошли все сроки, появился Игорек. Он сидел недалеко от берега, вблизи тростников. Выскочил из-под воды и как ни в чем не бывало посмеивается...

Что за чудеса! Никогда бы мы не догадались, как это ему удалось сделать, если бы мимо, по течению не проплыла длинная круглая камышинка.

Так вот оно что! Прохожий доверил Игорьку старинную тайну запорожцев. Когда-то казаки, скрываясь в плавнях, подкрадывались к врагу именно этим способом. Срежут полый внутри, трубчатый стебель куги, возьмут его в рот, нырнут в воду и затаятся. И дышать можно, и самого не видно...

Нелегко это сделать. По первому разу воды наглотаешься. Нужно так нежно и плотно держать губами стебель, чтоб и его не сдавить и воду не пропустить в рот.

Многие ребята пробовали, да не у всех вышло. А Игорек наш с тех пор так в себе уверился, так расхрабрился, что во все игры не боялся вступать.

Вот как подействовал на него прохожий.

Кем же он оказался, этот человек в военной форме, с полевой сумкой через плечо?

Оказывается, он пришел к нам не просто так, а по важному делу. Отыскав вожатого, он вручил бумагу за подписью и печатью. В ней говорилось, что Детский отдел Госиздата направляет к нам некоего А. П. Голикова для прочтения своей рукописи, предназначенной для издания. Нам предлагалось дать отзыв на его книгу.

За нами дело не стало. Решили читать книгу по-пионерски, у костра в этот же вечер. Набрали кучу дров, расположились полукругом. Нашего гостя усадили на пенек. И разожгли костер. А чтобы огонь не потухал, были посажены дежурные с сучками и сухими палками наготове.

С любопытством все наблюдали, как наш гость открыл военную полевую сумку и достал из нее стопу бумаги... рукопись!

Он расправил ее на колене, как военную карту.

Перед нами — писатель. Даже не верится. Ребята почему-то представляли себе писателей в виде старцев, с бородами, как у Льва Толстого. А я, признаться, совсем недавно, до приезда в Москву, думал, что писатели — это люди, давно умершие и оставившие нам мудрые книги.

И вдруг вот этот веселый, безбородый, круглолицый товарищеский парень — тоже писатель.

Значит, и он чем-то необыкновенен. Ребята как завороженные смотрят на стопу бумаги, всю исписанную. Сколько же надо терпения, чтобы исписать столько страниц, тут открытку родителям и то никак не напишешь!.. А какая поверх стопы обложка — нарисована цветными карандашами — синим и красным! А как таинственно выведены на обложке три загадочные буквы: «РВС»!

Все застыли в предвкушении чего-то необыкновенного, было слышно только сдерживаемое дыхание да шелест страниц.

Вначале все посматривали, как он перелистывал рукопись, раздумывая, начать ли сначала или прочесть только выдержки, наблюдали за выражением его лица, разглядели, что на каждой страничке в правом углу изображена красная пятиконечная звездочка.

А потом, как только услышали, что речь идет про гражданскую войну, про тайну двух мальчишек, спасающих раненого красного командира, забыли обо всем на свете, захваченные могучим чувством сопереживания.

Жиган, Димка, смешной Топ встали вдруг перед нами как живые, заговорили своими голосами, вовлекли в свои отчаянные дела.

По какому-то удивительному волшебству мы стали участниками всех их проделок и приключений. Вместе рубили полчища крапивы, понимающе смеялись, когда прихваливались лишку, испытывали страх и радость.

Словом, все так увлеклись, что наши дежурные позабыли про свои обязанности: подкладывать дрова в костер. Наверное, вообразили, будто у них в руках не сучки и палки, а наганы да сабли... Костер наш угасал, угасал и, наконец, погас совсем.

И никто не заметил. Ни дежурные, ни ребята, ни вожатый. Не заметил погаснувшего костра и сам писатель. Он продолжал читать в темноте, при мерцании звезд, как при ярком свете.

Оказывается, он не читал, а рассказывал нам свою повесть наизусть, только для видимости перелистывая страницы.

Когда негромкий голос его умолк, нам показалось, что повесть еще не кончена. Ребята сидели не шелохнувшись. Наверное, фантазия каждого продолжала необыкновенную жизнь героев.

В том, что мальчишки оставлены были автором как бы на полпути и повесть, как жизнь, не оканчивалась на последней странице, была какая-то особая притягательная сила.

Невольно и я поддался искушению пофантазировать о том, что же могло случиться дальше с Жиганом и Димкой на путях и дорогах гражданской войны.

Когда я очнулся, над нами ярко сверкали звезды, а в костре остыл даже пепел.

— Ребята,— сказал вдруг наш волшебный гость,— а вы умеете отличать Полярную звезду?

Умели, да не все. И он стал учить, как находить ее по ковшу Большой Медведицы.

С опушки коломенского парка она видна была в высоком небе правее Москвы.

— Это замечательная звезда. Она всегда указывает север. По ней можно правильно определить свой путь. По ней мы, бывало, в военных походах ходили и никогда не сбивались. Самая верная звезда на свете!

Посмотрели ребята на Полярную звезду, и она показалась им лучше всех, какой-то своей.

Так этот необыкновенный волшебник слова взял и приблизил к нам звезду!

Мнения о своей рукописи он спрашивать не стал. Ему и так было все ясно. Возможно, в эту памятную ночь он и увидел в пионерах неисчислимые легионы своих верных, благодарных читателей, для которых призван писать.

— Вот так и жили ребята тогда, когда я был красным командиром,— сказал он, засовывая рукопись в полевую сумку.— А как живете вы, люди?

17. КАК МЫ ВЫЯСНИЛИ, ДЛЯ ЧЕГО ЖИТЬ НА СВЕТЕ

Ребята наперебой стали рассказывать о нашей привольной жизни, полной интересных забот и приключений. О наших друзьях и врагах. И когда дошли до походов фуражиров, наш новый друг расхохотался.

— Ну вот, конечно же, не то!

— Что значит не то?

— Не туда попал, братцы... Я шел в какой-то необыкновенный лагерь, где пионеры живут в легендарных палатках Первой Конной, пробитых осколками и пулями. Подарил их сам Буденный. Командует этими пионерами какая-то необыкновенная, мудрая девушка, прекрасная, как идеальный человек будущего. Ребята живут у нее, как при коммунизме: без всякой нужды и заботы. А тут за буханку хлеба изволь сплести корзинку!

И он рассмеялся до слез.

— Что же тут смешного? — обиделся я.

— А смешное здесь то, что сейчас некоторые чудаки представляют себе коммунизм таким же простым и близким делом, как мы в гражданскую войну — мировую революцию. Помню, у нас на митинге одной части даже резолюцию вынесли: «покончить с мировым капиталом в текущем 1920 году». Да и я примерно так думал. А вот когда «в разум взошел», как говорится, понял, что путь наш долог и труден и много еще на этом пути поляжет красных бойцов... Не одно поколение...

Разговор этот продолжился бессонной ночью в моем шалаше.

Когда мы, улегшись по военной привычке ногами в глубь шалаша, а лицом к выходу, с первых же слов узнали, что земляки, мы уже не могли заснуть.

То я рассказывал о себе, то он.

Его Арзамас и мое родное Сасово рядом. Ведь это наши железнодорожники послали на помощь большевикам Арзамаса бронепоезд во время кулацкого восстания. Мы даже могли встретиться еще тогда, в девятнадцатом году.

Но разница в годах велика. Он старше на целых два года. А это было так много в то время! В шестнадцать лет можно было уже добровольцем в Красную Армию вступить. А в четырнадцать — только в отряды ЧОНа, если ты комсомолец.

И вот он уже ветеран гражданской войны, командир в отставке, а я еще комсомолец, вожатый.

—...Красная Армия, Красная Армия — дом родной, милая семья. Взяла мальчишкой, вырастила, воспитала, образовала, человеком сделала... Начал путь бойцом — окончил командиром полка!

...Мечтал остаться в армии на всю жизнь... Но контузии и ранения... Болезнь. И вот он уволен в запас... И чувства, как у брошенного на поле боя раненого коня... Гремят трубы победы, гарцуют кони, унося вперед всадников и знамена... А он, ненужный ни бою, ни плугу, стоит, поджав перебитую осколком ногу, смотрит и плачет. Да, кони плачут... И ждут, не пристрелит ли кто из жалости...

Он помолчал и подгреб под себя свежее сено.

В сене испуганно примолкли сверчки.

— И это на меня все напало оттого, что по наивности, по молодости я воображал, будто все счастье в бою, будто жизнь изменяют к лучшему саблей... Уж очень оно это наглядно получалось... Ура-ура! Враг бежит. Угнетатели свергнуты. Заря свободы занялась, омытая кровью героев... И наступивший мир — только передышка перед новым боем... И ты весь напряжен, ты готовишься к новой схватке, весь в ожидании, когда заиграют трубы поход... Ни скуки у тебя, ни безделья... Ты тренируешь коня и точишь саблю... И вдруг тебе говорят: отойди в сторонку, товарищ инвалид, помахал сабелькой — хватит. Сдай коня, амуницию... Тебе этакого переживать не приходилось?

— Нет... Я как-то всегда был в коллективе.

— Счастливый, а я вот, оставшись один, слонялся по многолюдной Москве, и единственный мой военный товарищ — маузер — оттягивал карман, напоминая, что он всегда со мной...

Шагал по Москве и все думал: для чего жить?

Пытался писать, вспоминая дым военных костров. Но получалось что-то горьковатое, словно жалоба. На что? Кому? И зачем это напечатали?

В этом не было цели.

Было обидно. Но не жаловался, а написал даже на имя наркома благодарственное письмо Красной Армии. И нежданно нарком вызвал меня.

— Сам Фрунзе?

— Да, насилу меня разыскали, жил я в Москве где придется, у знакомых и незнакомых... И знаешь, что мне сказал Фрунзе? Выслушав мой рассказ про всю мою жизнь, нарком приказал остаться в строю!

— Как же в строю, если не в армии?

— Вот в том-то и дело, это военная тайна.

И тут мой необыкновенный друг перешел на шепот.

И поведал мне такое, чего бы я никогда не придумал. Оказывается, для выполнения нового боевого задания он решил притвориться детским писателем, а на самом деле воспитывать новую краснозвездную армию из нашей советской детворы. Подготовить неисчислимые резервы красных борцов... Но все это в такой тайне, что он даже имя себе возьмет другое.

И доверительно сказал мне:

— Вот если тебе будут попадаться книжки, на которых стоит имя Гайдар,— знай: под этим именем скрывается командир будущих армий...

— Почему Гайдар?

И об этом узнал я в ту легендарную ночь.

...Гражданскую войну заканчивал он у границы далекой Монголии. Во главе сводного конного полка добивал последние банды белых. И вот там монгольские всадники частенько искали у нас защиты и помощи от налетов белых. Прискачут, бывало, монгольские партизаны и спрашивают:

— Нужно командира! Где ваш командир?

А командир у них называется «гайдар»,— по-ихнему, «всадник, скачущий впереди». Ведь все они конники и испокон веков воевали в конном строю.

И наши бойцы не раз, указывая на своего красного командира, говорили:

— Вот наш гайдар!

И стало это слово прозвищем...

— Ты понимаешь, как это здорово, когда пишет книгу не просто писатель, а командир читательских армий!

Весь этот разговор для меня был еще волшебней и значительней, чем даже книга с таинственным названием «РВС».

И я дал слово: тайны не разглашать.

А что касается нашего отзыва на книгу, который мы хотели написать в редакцию, будущий Гайдар сказал:

— Не нужно... Это важно было не для них, а для меня... Стоит, старик, жить на свете, ей-богу, стоит, когда ты нужен людям. Вот этим ребятишкам, которые спят блаженным сном и не ведают всего, что знаем мы... Не ведают всего, что им предстоит... И если мы с тобой привьем им свою любовь и ненависть, свою мечту переделать этот мир к лучшему,— мы недаром проживем на земле!

Ради этого стоит жить на свете!

18. КАК МЫ НАШЛИ ЭМБЛЕМЫ И СИМВОЛЫ И КАК ВОЗНИК «ПИЛ»

На этом не кончилось. Наш гость так увлекся пионерами и пионерством, что забыл о Москве, о делах и включился в нашу жизнь, словно в необыкновенную игру, в которую ребята, как равного, приняли взрослого человека.

Разговорились о красочности, необходимой пионерскому движению. О его эмблемах и символах. Общие он принимал все: символику красного знамени, красного галстука с тремя концами, символизирующими дружбу трех поколений — коммунистов, комсомольцев и пионеров. Но считал, что у каждого отряда должно быть и что-то свое, ему присущее,— не только имя героя, которое носит отряд, но и свои эмблемы и символы. Даже у каждого звена что-то свое.

— Вот, например, зерно могучего дуба,— говорил он, держа на ладони желудь.— Дуб — священное дерево наших предков — славян. Символ силы и единения. Какое звено возьмет его себе?

— «Спартак»! «Спартак»! В этом звене Котов, он самый сильный.

— А вот орех — символ твердости... Русские могучую крепость однажды назвали «Орешек»... Попробуй разгрызи его, сломаешь, враг, зубы... Мал, да хитер орешек...

— Так это звену Либкнехта, там Игорь!

— А вот вишневая косточка с припаянной ножкой... Вначале был белый цветок, затем вкусный красный плод, теперь это — зерно, из которого подымется новая вишня...

Символ вишни был не совсем понятен, но его охотно приняло девичье звено «Красная Роза» по имени Розы Люксембург, пламенной революционерки.

— Чем хорошо,— говорил Аркадий,— не надо тратить лишних слов, объяснять, кто ты такой и за что стоишь,— показал орех, и каждый посвященный знает про тебя все! А кому не нужно знать, тот пусть и не знает...

И не всегда надо кичиться, носить знак на груди... Это в торжественных случаях... А так всегда лучше его хранить не на виду.

И он спрятал орех в карман Игорька...

— Как же могут ребята жить без игры в войну! — сказал он мне.— Эх, вожатый-увожатый! Если нет беляков,— рубайте крапиву. И пусть позеленеют деревянные сабли!

Крапивы в старом, заброшенном парке была великая сила.

И однажды Аркадий затеял с ребятами такое крапивное побоище, что из парка доносились до меня пугающие вопли.

— Зачем же так кричать-то? — спросил я.

— А это обязательно: на страх врагам, на радость себе. И, кроме того, очень грудную клетку расширяет.

Он был потен, весь в паутине и смоле. Показал, как ползать по-пластунски, скрытно подходить к противнику и быстро «сматываться». Лазил по зарослям, бегал и, налетев на острый сучок, отодрал подметку своего щегольского хромового сапога.

— Чепуха,— сказал он, горестно рассматривая ущерб,— от мальчишек я узнал, что в деревне есть замечательный мастер сапожно-башмачной починки... Зовут его «матрос».

Знакомство с этим матросом дало толчок еще одному увлекательному делу, которое мы назвали «ПИЛ».

* * *

Увидев кучу книжек Мириманова, предназначенных для продажи по деревням, ребята пожалели, что у нас в лагере нет библиотечки, нет книг. Сказали об этом Аркадию.

— А зачем вам книги, разве вы безногие?

— ?

— Вот безногому сапожнику я пришлю. Книгу про Цусиму. Пришлю вам, а вы ему отнесете.

— А почему не нам?

— Потому что вам в лагере надо побольше заниматься не чтивом, а ПИЛом.

— А это что такое?

— Поиском интересных людей. Ведь иной человек интересней книжки. Только надо его раскрыть. Вот, например, этот сапожник. Прихожу к нему в деревню сапоги чинить, а он не желает. Он празднует. Напился, на гармошке играет, песни поет — никто не подходи! Что за история, никаких праздников — ни революционных, ни святых угодников — в этот день нет. Оказывается, в этот день потонул его родной корабль, на котором он был матросом. Погиб в бою с японским флотом при Цусиме. И вот бывший матрос справляет по нем и по товарищам своим погибшим тризну. Выпивает и поет песнь про «Варяга»... Поет и плачет, а люди над ним смеются. Не видят слепые люди, что перед ними герой, интереснейший человек, русский матрос, побывавший в Японии. Для них он просто сапожник. А ведь это только вывеска человека. А вы копните его, найдите к нему ключ. И перед вами такое раскроется...

— А мы колдунью нашли.

— Тоже интересная книжка!

— А может, Иван Данилыч тоже не просто старик-корзинщик, а что-нибудь такое...

— Наверняка!

— Ребята, давайте объявим ПИЛ!

— И сами будем писать книжки.

— Причем пишите на березовой коре чернилами из дубовых орешков.

— Почему?

— Потому что сделать из бересты книжку и добыть из дуба чернила не так просто. В такую книжку такими чернилами всякую ерунду не запишешь, а только самое главное.

И он показал, как делать из бересты книжки. И научил, как из сока белых шариков, растущих на обратной стороне дубовых листьев, можно сделать отличные чернила. Для этого в банку такого сока надо опустить горсть старых гвоздей.

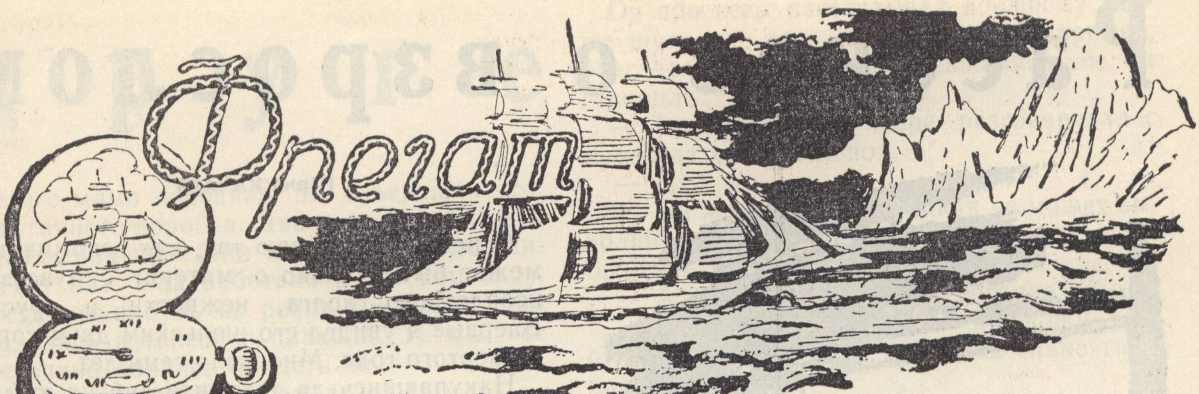
За всеми этими делами и забавами удивительно быстро летело время. Роковой родительский день приближался.

Я поделился с Аркадием своими тревогами.

Лицо его округлила улыбка.

— Ничего, все обойдется!

(Продолжение в следующем номере.)

Фрегат

Павел ХАЛОВ

Кто он и откуда,
ну, никто не знал...
Иногда мальчишек
в гости приглашал.

И, смеясь, пощипывал
редкие усы
и всегда показывал
странные часы.

Там над циферблатом
бронзовый фрегат,
бронзовые пушки
в портики глядят,

бронзовая вахта
встала по местам,
бронзовый
на мостик
вышел капитан.

Капитан волнуется,
прикусив губу,
в бронзовую смотрит
зоркую трубу:

завтра,
завтра утром,
ровно к десяти,
бронзовую девочку
должен он спасти.

Девочка промолвит:
— Вы пришли как раз,
так давно-давно я
ожидаю вас...

Стал я очень взрослым,
сам носил усы.
Затерялись в детстве
странные часы.

И давно на кладбище
мой сосед-чудак...
Но забыть кораблик
я не мог
никак.

По зеленым водам —
счет
теряю
дням —
носят пароходы
взрослого меня.

Настоящий
ветер
мне навстречу бьет.
Настоящий боцман
мне спуску не дает.

От буксирных тросов —
их из стали вьют —
на ладонях раны
спать мне не дают.

Уж пора привыкнуть,
да покоя нет,
будто дал кому-то
в детстве
я
обет,

будто завтра утром,
ровно к десяти,
должен я кого-то
от беды спасти.

И промолвит кто-то:
— Вы пришли как раз,
целых восемь лет я
ожидаю
вас...

Рисунки А. Брея.

Расказ о взрослом

Юрий КАЧАЕВ

О нем я вспоминаю так, как вспоминают, может быть, только о матери: с чувством неоплатного долга, нежности и грусти. Впервые я увидел его июльским днем сорок четвертого года. Мне было семь лет.

Накупавшись до того, что зуб на зуб не попадал, я прибежал домой и во дворе столкнулся с высоким, костлявым парнем. Старенькая гимнастерка висела на нем, как на колу, из ее воротника торчала худая шея с острым кадыком. Оглядев меня, незнакомец неизвестно чему расхохотался. Я хотел обидеться и не мог: такая белозубая и веселая была у него улыбка.

— Значит, ты и есть мой сосед? — сказал потом парень и хлопнул меня по спине.

— А ты кто? — спросил я.

— Я-то?.. Сын Ольги Васильевны. Петр.

Парень протянул мне теплую жилистую руку и подмигнул.

Так вот он какой, этот Петр! А я всегда думал, что он маленький и тихий, потому

Рисунок Н. Борисовой.

друге

что его мама походила на взъерошенного, испуганного воробья. Два года назад Ольга Васильевна приехала из города и поселилась у нас. Она работала в детском саду. Когда кто-нибудь из ребят хулиганил, она сердилась и тоненько плакала. И мы все постоянно боялись обидеть ее.

А сын оказался совсем другим.

— Где твои ордена? — спросил я.

— Какие ордена?

— Ну, ты же с фронта приехал...

Крупное, горбоносое лицо Петра сморщилось, и к глазам побежали смешливые стрелки морщинок.

— Орденов, брат, нету. Есть только две медали. Потом покажу.

— А чего же тогда моя мама говорила, что ты герой?

— Я геро-ой?! — Он высоко поднял темные брови и захохотал. Но смех вдруг перешел в долгий, натужный кашель, сотрясавший все его тело. Лицо Петра сразу осунулось и стало серым, как моя парусиновая рубашка.

— Ты простудился,— сказал я.— Надо выпить чаю с малиной.

— Ага,—согласился Петр.—Чаю с малиной. Хорошо!

Вечером он учил меня играть в шашки. Ольга Васильевна с моей мамой сидели рядом и молчали. Потом все разошлись спать. Ночью Петр страшно кашлял. Кашель, как пустая бочка, катался по дому и не давал заснуть. И Ольга Васильевна почему-то плакала.

На следующий день я повел Петра на Гусиное озеро удить карасей. Это было странное место: у берега не шевелились даже верхушки камышей, а на середине озера всегда прыгала беспокойная рябь.

— Отчего это? — спросил я Петра.

Он осторожно оглянулся по сторонам и шепотом ответил:

— Здесь ветер живет.

— А какой он?

— Ветер-то? У него толстые-толстые щеки, не чета твоим, и борода до самых пят. Вот он и боится к берегу подойти...

— Почему?

— Да потому что в камыше с такой бородой запутаться легко.

Он обо всем рассказывал по-своему. Даже шутил не так, как другие. Например, разглядев мой розовый лупившийся нос, он говорил:

— Ты знаешь, я вчера разговаривал с председателем сельпо...

— Ну?

— Он жаловался, что никак не может выполнить поставки на кожу. Вот, мол, если бы твой сосед помог.

— А как? — терялся я в догадках.

— Вот чудак! Да у тебя же кожи хоть отбавляй! На пятачке лезет, на спине тоже клочьями!

Когда наконец шутка доходила до меня, мы оба от души смеялись.

После рыбалки мы часто ходили воровать картошку. Петр оставался караулить, а я, зарываясь носом в теплую землю, полз на поле и торопливо вырывал десяток молодых клубней. Подстегиваемый страхом, я летел назад, и мы пекли картошку в золе. Она пахла дымом и была необыкновенно вкусной, эта ворованная картошка. Только осенью я узнал от Ольги Васильевны, что крали мы со своего участка. А Петр так здорово притворялся, будто трусит не меньше меня!

В сентябре я пошел в первый класс. Учился не ахти как. Мне было до смерти скучно перекладывать с места на место палочки, которые мы с Петром смастерили из березовых прутьев. Палочки напоминали о лесе, где можно было во все горло распевать песни собственного сочинения и зорить сорочьи гнезда. Все уроки напролет я думал только об этом. И скоро стал приносить двойки по арифметике. Мама ставила меня в угол на кухне, лицом к русской печке, и я каждый раз с нетерпением поджидал своего друга и спасителя. Появившись дома, Петр сердито басил:

— Ну, елки-моталки! Опять солдат на часах!

Потом подходил к маме и просил ее:

— Выпусти, Лиза. Уж лучше я его на гвоздь повешу.

Гвоздь мне нравился больше. Это было занимательнее. Петр брал меня за штаны и вешал на толстый костыль, вбитый в стену. Штаны имели один карман и одну лямку. Сшитые из чертовой кожи, они свободно выдерживали мой вес. Поболтавшись на стене минуты две, я с помощью Петра снова перекочевывал на пол.

Однажды, вызволив меня из угла, Петр показал мне древний, засаленный учебник

арифметики. В двух местах на нем были дырки — совсем небольшие, словно кто-то проткнул книжку карандашом.

— Это от моего фронтового товарища,— тихо сказал Петр.— Не знаю почему, но он всегда носил ее с собой. Его убили в Белоруссии. А мне осталась книжка...

Петр отошел к окну и долго молчал. Потом добавил еще тише:

— В школе он, как и ты, терпеть не мог арифметику...

Вряд ли я понял тогда смысл этих слов. Скорее всего подействовал тон, каким их произнес Петр. Мне стало неловко и стыдно до слез.

Я не слышал от Петра ни одной нотации. Но каждое слово, оброненное им, западало в душу. Может статься, потому, что я любил его...

Иногда в сумерки Петр садился у окна. Сидел подолгу, сгорбившись и поглаживая пальцами виски. Глаза у него тогда становились пустыми, а лоб прорезали жесткие морщины. В такие минуты мне тоже делалось пусто и тоскливо. Но стоило прийти Ольге Васильевне, как Петр менялся: попрежнему шумный и веселый, он бегал по комнате, хохотал и, как ребенка, носил мать на руках. Только уголки губ его как-то странно дрожали, будто он делал над собой нечеловеческое усилие...

Помню, как-то Петр вернулся домой необычно возбужденным. Присел к столу и улыбнулся Ольге Васильевне.

— Работать буду.

Ольга Васильевна замахала руками, а он погладил ее по голове и повторил:

— Буду, мама. Завклубом... Жизнь-то короткая, и ту зазря проживешь.

С тех пор он стал пропадать в клубе. После уроков я бежал туда же и часами просиживал у Петра на коленях, завернувшись в полу его колючей шинели: в клубе не было дров. Здесь собирались солдатки и девчата, голодные, с голубыми от холода руками. Петр читал им газеты, рассказывал о фронте, а потом они репетировали пьесу.

В Новый год устроили небольшой концерт. Мы с Петром сидели в первом ряду. Девчата на сцене плясали под гармонь. А потом наша учительница играла на скрипке:

> Ивушка-ива, зеленая моя!
> Что же ты, ивушка, невесела стоишь,
> Невесела стоишь, ничего не говоришь?..

Я слушал и смотрел на Петра. По его лицу к подбородку все время сползали редкие тяжелые капли...

К весне Петр заболел. Теперь он кашлял целыми сутками и почти не поднимался с постели. Кожа на лице и руках посветлела и стала, как марля. Каждое утро он просил включить радио. Слушая сводки Совинформбюро, он прижимался щекой к спинке кровати и деревянно улыбался.

— Скоро, теперь уж скоро...— слышал я его горячечный шепот.— Я обязательно дождусь... Нельзя мне помереть так вот...

В обед он отдавал мне свой хлеб.

— А ты ел? — спрашивал я его.

Он кивал головой и подмигивал мне:

— Целую булку уплел. Мать приносила.

— Ну и еще съешь!

— Не хочу, малыш. Не в коня корм. А тебе надо расти...

Он умер в День Победы, вечером девятого мая, когда река ломала льды. Я был так потрясен, что даже не мог плакать. Вместе с мамой и девчатами я бегал в столярную мастерскую заказывать гроб.

Через три дня хоронили моего друга. Моего большого друга. На улице еще не просохло, и у меня мерзли босые ноги. Над кладбищем гулял ветер — с толстыми-толстыми щеками и с бородой до самых пят.

На могиле притаптывали землю вокруг памятника. На нем кособочилась надпись, вырезанная ножом:

«Здесь покоится прах бойца Петра Векшина».

БАНКА

Виктор БОРОЗДИН

Рисунки Д. Пяткина.

Я люблю бывать в музеях к концу дня, когда там уже не много посетителей.

Как-то я зашел в Музей Советской Армии, где работает мой старый знакомый Николай Иванович, страстный любитель своего дела.

Я долго бродил от витрины к витрине, осматривал вещи, которые были участниками больших событий и подвигов.

В одном из залов я увидел странный предмет, на первый взгляд не имевший никакого отношения к войне. Это был какой-то музыкальный инструмент — не то балалайка, не то мандолина. Гриф, лады, три струны — все как у балалайки, но корпус! Маленький, круглый, он был сделан не из дерева, а из жести, ржавой и помятой. Рядом с инструментом лежали металлический жетон со штампованной цифрой «25 168» и портрет юноши в военной форме.

— Что это! — спросил я Николая Ивановича.

И он рассказал мне одну историю, историю высокого человеческого мужества.

1

Виктор Волин в первые же дни войны вступил в Московское ополчение. Это было не так просто. Семнадцатилетних не брали. Военком и слушать не хотел. Но Виктор добился своего, и вот он в конце концов был направлен в часть. Ему выдали обмундирование, винтовку и посадили в воинский эшелон.

Поезд то бешено мчался вперед, и тогда вагоны тряслись, как в лихорадке, то часами стоял на какомнибудь полустанке, а чаще — просто посреди поля.

«Ну чего, чего стоишь?!» Виктору не терпелось. Хотелось выскочить из вагона и самому толкать поезд, лишь бы не стоять.

Поезд снова рвал с места, вагон опять швыряло и бросало из стороны в сторону, доски нар гремели; в воздухе, покрывая весь этот лязг и дребезжание, с ревом проносились немецкие самолеты, и вслед за тем слышались глухие разрывы фугасок. Все чаще и чаще попадались обгоревшие скелеты вагонов и искореженные, словно вывернутые наизнанку, станционные постройки.

Под Себежем эшелон разгрузили. Короткий переход — и подразделение, где находился Виктор, заняло оборону на опушке небольшого леска. После тряской дороги приятно было лежать в густой траве и вдыхать терпкий запах леса и цветов.

Но где же фронт? Где фашисты?

В ветвях осинника совсем по-мирному щебетали птицы. Слушая их, Виктор невольно и сам стал насвистывать. Он так ловко подражал птичьим голосам, что лежавший рядом усатый солдат сперва и не догадывался, кто свистит. А когда понял, нахмурился.

— Ну, чего свистишь? Небось, не на экскурсии...

Виктор не обиделся. Точно так же и от матери доставалось, стоило ему засвистеть дома. Но то было дома. А почему нельзя здесь, в лесу? «Наверно, у этого усатого какая-нибудь примета,— подумал он.— Боится, что беду насвищу». И Виктор умолк.

Где-то куковала кукушка. На поляне беззаботно порхали пестрые бабочки.

Но вот над ухом пролетел шмель и своим гудением напомнил завывание немецких «мессеров». А вот, кажется, и они. Легки на помине!

Виктор прислушался. Нет, это не самолеты. Слева за лесом сначала слабо, потом сильней и сильней разгоралась артиллерийская канонада. Вскоре и справа тяжело заухали пушки.

Так вот где фронт! И головы бойцов повернулись к командиру.

— Ждать приказа.

И они ждали, с тревогой прислушиваясь к канонаде. А гул ее не стоял на месте. Он неуклонно

продвигался на восток — туда, откуда они пришли. К вечеру канонада послышалась и позади. Всем стало ясно: они отрезаны, они в тылу врага.

Наскоро посовещавшись с бойцами, командир приказал небольшими группами пробиваться к своим.

Виктор шел с пожилым усатым солдатом.

Коротки летние ночи — не успеет погаснуть вечерняя заря, как утренняя уже разгорается. Много ли пройдешь!.. Два или три раза они приближались к какой-то дороге. Слышалось рычание моторов. Судя по звуку, машины двигались в том же направлении, куда шли и они. Это были немцы.

Уже брезжил рассвет, когда сзади затрещали моторы. Едва Виктор и его товарищ успели добежать до ближней ложбинки и залечь, как на проселочной дороге показался отряд мотоциклистов.

— Семь, восемь... одиннадцать машин...— считал Виктор, приподняв от земли голову.— Заметили или не заметили?

Словно ответ, в трескотню моторов ровной строчкой врезалась пулеметная очередь, и красные угольки трассирующих пуль веером понеслись в их сторону. Виктору показалось, что угольки летят над самой его головой, и он невольно приник к земле.

— Держись, сынок! — услышал он голос товарища. Поднял голову и увидел, что прямо на них бегут немцы.

Пальцы до хруста впились в винтовку. Что делать? Силы не равны. Он взглянул на соседа. Тот, наскоро приладившись, стрелял. Виктор тоже вскинул винтовку, прицелился. Руки предательски дрожали, и мушка прыгала по фигурам немцев. Вдруг страшный удар в спину вдавил Виктора в землю. Винтовка выпала из рук, в голове зашумело, и, словно сквозь вату, он услышал:

— Хенде хох!

Полуоглушенный и еще не совсем понимая, что произошло, Виктор поднялся. На него двигался рыжий верзила с «железным крестом» на груди. Подойдя, с размаху ударил в челюсть. Виктор упал.

— Стоять, крепко стоять! — по-русски заговорил немец.— Я буду бокс делать, утренний зарядка.

Виктор поднялся. Немец снова ударил — с правой, с левой... Бил неторопливо, хладнокровно. Виктор падал, снова поднимался. Вдруг он увидел своего товарища. Тот лежал на земле, распластавшись в какой-то странной позе.

«Убит»,— мелькнуло в голове.

Значит, теперь он один, совсем один! И кругом враги... Желание отомстить за убитого было так велико, что Виктор, весь сжавшись и собрав последние силы, бросился на гитлеровца. Но тут в глазах у него потемнело, немец и все окружающее уплыли куда-то вдаль...

Так в первые же дни войны Виктор Волин выбыл из строя. В полку писарь аккуратным почерком внес его фамилию в список без вести пропавших.

2

Снова стучат колеса на рельсовых стыках — все дальше и дальше от родины. Скоро Виктор очутился в Германии, в сборном лагере для военнопленных Винцендорф. На спине ему написали две буквы «S. U.» (Советский Союз), на шею надели веревку с железной биркой. С этой минуты Виктор Волин стал номером 25 168.

Лагерь Винцендорф особого описания не требует. Голое поле, обнесенное несколькими рядами колючей проволоки, и, словно вороньи гнезда, вышки часовых. Посредине несколько бараков, куда не вмещалась и десятая часть военнопленных. Остальные валялись прямо на земле под открытым небом. Промокшие до нитки, продрогшие, они не могли сомкнуть глаз от холода.

Ночами Виктор, положив голову на камень, смотрел на небо, на звезды... Временами ему казалось, что стоит только протереть глаза — и он снова увидит себя в Москве, на Вятской улице, дома... Но кругом были ряды колючей проволоки и часовые с автоматами.

Угнетали не только холод и голод — хуже всего было ощущение своей беспомощности: знать, что там, на родной земле, идут бои,— и находиться здесь в бездействии!

А комендатура лагеря, словно угадывая эти мысли и стараясь сделать жизнь военнопленных еще невыносимей, с утра до вечера кричала в репродукторы о победах гитлеровской армии на фронте.

— Вчера доблестные войска фюрера,— хрипел микрофон на русском языке,— захватили Смоленск, сегодня — Гомель... Киев... Советская армия разбита, она больше не существует.

Хотелось кричать: «Лжете! Не верим!».

Прибывали новые военнопленные, к ним бросались, словно за живой водой, но они приносили невеселые вести: захвачены Вязьма, Брянск, Одесса. Сами они попали в плен под Ленинградом, под Малым Ярославцем. Значит, враг уже под Москвой и, может быть, в Ленинграде.

Эти вести черными тенями ползли по лагерю, тяжелым грузом ложились на плечи людей.

Каждое утро многих не досчитывались. Их находили мертвыми на том самом месте, где они легли с вечера, и, словно дрова, складывали возле ограды. Ночью приезжали машины, вывозили трупы. А на следующий день вырастали новые штабеля тел.

«Бежать, во что бы то ни стало бежать!» Эта мысль ни днем, ни ночью не давала Виктору покоя. Но как бежать, если вокруг ряды колючей проволоки, охрана, собаки? Да один и не убежишь. Нужна подготовка, нужны товарищи...

Виктор пытливо всматривался в лица людей. Все они незнакомы, всех пригнали из разных мест. Только с двумя — с Анатолием Гусевым и Андреем Васильевичем Слепцовым — он сошелся поближе. Но Толя — такой же, как и он сам, молодой, неопытный, а Андрей Васильевич для такого дела слишком рассудителен и тяжел на подъем. Так, по крайней мере, казалось Виктору.

И Виктор до времени держал свои мысли про себя. Но однажды Андрей Васильевич сам заговорил с ним:

— Ты что это, парень, по сторонам все глазеешь? Никак, бежать замышляешь?

— А что, нельзя? — спросил Виктор.

— Почему нельзя? Только надо суметь.

Андрей Васильевич говорил спокойно, словно речь шла не о побеге, а о чем-то очень простом, обыденном.

Виктору вдруг захотелось расшевелить этого человека, раз он все равно уже обо всем догадался. И он горячо зашептал:

— Дядя Андрей, вы только послушайте! Ведь убегали же заключенные из тюрем, где каменные стены. Я, помню, читал: один бежал с острова из крепости. Сделал воздушный шар, надул над костром и на нем улетел. А другой — тоже с острова, в бурю, на лодчонке. Сел и не побоялся. А здесь, смо-

трите,— никакого моря. Стоит только перебраться через колючку — и будь здоров! Я вот только не знаю, как это сделать. Может, надо ночью подкрасться и задушить часового?.. А может, еще как?..

— Да.— Андрей Васильевич внимательно посмотрел на него и сказал негромко, как бы про себя: — Конечно, бежать. И не вдвоем, не втроем... Нужно подобрать надежных товарищей. И лишнего не болтать, а то и провалить все недолго.

Этот короткий разговор укрепил в Викторе надежду на освобождение. Он стал еще внимательнее приглядываться к окружающим его людям. А вскоре произошло одно на первый взгляд незначительное событие, которое помогло ему найти путь к сердцам товарищей.

3

Виктор сидел на земле и не сводил взгляда с часового. Часовой ел. Что он ел, Виктор не видел. Видел лишь, как вздувались и ходили желваки на его скулах, как поднимались и опускались рыжие усы.

У Виктора голодная слюна набегала во рту. К горлу подступала тошнота. Виктор резко отвернулся.

Вдруг позади что-то стукнуло. Он обернулся и увидел, что прямо к нему подкатилась консервная банка. Виктор схватил ее, но банка была пуста.

«Проклятый фриц, все смолотил!» — с ненавистью подумал он. От банки шел необычайно вкусный запах. Виктор вдохнул его несколько раз полной грудью, так что закружилась голова. На внутренних стенках банки остался тонкий слой жира. Вместе с жиром к стенке сиротливо прилепился лавровый листик. Виктор вынул его, хотел было выбросить и вдруг вспомнил, что когда-то мать тоже клала в суп лавровый лист. Прежде он не любил его запаха, но сейчас этот листик был другим, удивительно приятным. И Виктор не выкинул его, а бережно спрятал в карман.

Вечером, когда принесли баланду, он налил ее в банку — и впервые за последние месяцы еда хоть слегка была похожа на еду.

В последующие дни Виктор не расставался с банкой. Когда ему было особенно тяжко, он доставал банку из-за пазухи и выстукивал дробь, как на барабане.

Да, кажется, совсем недавно он был пионером и выстукивал звонкую веселую дробь — только деревянными палочками и по настоящему барабану. А чего стоило ему стать первым барабанщиком в отряде! Его никто не учил. Он сам целыми днями выстукивал чем попало и по чему попало. Стучал даже за обеденным столом, за что не раз получал от матери ложкой по лбу.

Эх, мама, мама!.. Чего бы он не дал, чтобы вернуть то время! А еще раньше — это было до пионеров, до школы, ему тогда, кажется, лет шесть было — он играл на... табуретке. Да, да, на табуретке. Смешно!

Жил он тогда в деревне с бабушкой. Забрел както на другой конец деревни. В палисаднике одного дома мальчик играл на балалайке. Витя как услышал, так и прилип к изгороди. Долго, не моргая, смотрел. Мальчик, наконец, не выдержал и, перестав играть, сердито спросил:

— Ну, чего смотришь?

Витя попятился, но не ушел.

— Балалайки, что ль, не видел?

Витя покачал головой.

— Ты что, немой?

— Нет.

— Ну, а чего ж молчишь? Сыграть хочешь?

Витя кивнул.

— Ну иди, так и быть, дам. Только руки покажи, небось, грязные.

Витя показал. Руки были чистые. Но мальчик почему-то велел их вытереть о штаны.

Ах, какое это было удовольствие— водить пальцем по туго натянутым струнам! Даже потом, когда он стал старше и играл по-настоящему в школьном оркестре на домбре, на гитаре и на той же балалайке, он не испытывал уже такой радости. А тогда, в шесть лет, он смотрел на балалайку, как на чудо.

Прибежав домой, он тут же стал мастерить свою собственную. Струн не было, поэтому он попросил своего приятеля Женьку отрезать от лошадиного хвоста несколько волосков. Сам он боялся, что рыжий мерин его брыкнет, а Женька был постарше, полозчее.

Потом он скрутил три волоска вместе, концы привязал к палочке, натянул волоски на табуретку, а палочки закрепил в трещине между досок. Получилась звучащая табуретка. Волоски звенели не так, как струны, и часто рвались, но какое это имело значение!

А что, если сейчас натянуть волоски на консервную банку? Эта мысль пришла как-то сразу и потом уже не оставляла его. Но где взять волос?

И вдруг Виктор вспомнил, что между вторым и третьим рядом колючей проволоки он видел обрывок телефонного кабеля. Из каждой жилки кабеля могла бы получиться чудесная струна, не хуже настоящей.

Кабель был совсем близко, в каких-нибудь двадцати шагах, и в то же время бесконечно далеко. Ведь стоит только подойти к колючей проволоке, как часовой даст автоматную очередь даже без предупреждения.

И все же с той самой минуты, как Виктор увидел будущие струны, он уже твердо знал, что обязательно натянет их на банку и сделает музыкальный инструмент. Какой — еще неизвестно; какой получится.

Банка — это будет корпус. К корпусу он приделает гриф с ладами и колками, натянет струны и будет играть. Наверно, все перезабыл, что знал. Ничего, вспомнит, постепенно все вспомнит. Первым делом он сыграет «Каховку».

Потом «Полянку». Она у них в школьном оркестре здорово получалась. А потом «Матрос Железняк»...

И как приятно будет товарищам услышать не эти визгливые фашистские марши, а свои родные напевы!

* * *

Возле костра Виктору попался обломок железного обруча. Он подобрал его и теперь целыми часами точил о камень. Ведь нужно хоть что-то иметь в руках, чтобы мастерить.

Странная вещь: с тех пор, как он принял решение делать свою балалайку, он почувствовал в себе новые силы, словно ему стали давать двойной паек.

Несколько раз подходил Толя, молча смотрел на работу Виктора и отходил. Но потом любопытство взяло верх. Он подсел и заговорщицким шепотом спросил:

— Бежать собрался?

— Нет.

— А зачем тогда?

— Ножик-то? А вот зачем.— И Виктор рассказал.

Толя взял консервную банку, долго ее выстукивал, выслушивал.

— А что, пожалуй, может получиться,— наконец сказал он.— Дай-ка помогу точить.

Вдвоем работа пошла веселее. Скоро нож был готов. Из деревяшки, найденной тут же у костра, вырезали крышку. Из палки вытесали гриф. Затем на стенке банки прорезали два крестика — один против другого. Жестяные уголки отогнули и между ними закрепили гриф, прибив к нему уголки гвоздями.

Без струн и колков получилось что-то вроде половника. На конце ручки этого половника, вернее, на грифе, раскаленной проволокой прожгли три отверстия. В них вставили три палочки — колки. И вот инструмент почти готов.

Но как же все-таки достать телефонный кабель? Этот вопрос теперь мучил уже не только Виктора и Толю, но и Андрея Васильевича.

...И вдруг удача! Случилось это совсем неожиданно. Был один из последних теплых осенних дней. От земли поднимался парок, а по воздуху, покачиваясь, словно на волнах, плыла легкая паутина. Было как-то особенно тихо. В это утро часовым на ближайшую от Виктора вышку заступил молодой немец.

Повесив на шею автомат, часовой ходил вперевалку, всем своим видом выказывая, что все ему надоело, что ему чертовски хочется спать.

Походив немного, он остановился, зевнул, постоял, слегка покачиваясь, и вдруг голова его, отяжеленная дремотой, стала медленно опускаться. Наконец клюнув носом, он резко выпрямился, с опаской огляделся — опять походил, стараясь разогнать сон, но через минуту снова начал дремать.

Виктор, умевший подражать голосам птиц и животных, тихонько свистнул. Часовой вздрогнул, схватился за автомат. Но вокруг все было в порядке. Военнопленные вели себя спокойно. Остальное его не интересовало. Тем более, что начальства поблизости не было.

Виктор снова свистнул. На этот раз он пустил нежную соловьиную трель. Часовой удивленно посмотрел на него, но тут же, спохватившись, нахмурился и сердито зашагал по вышке. Однако скоро скука взяла верх. Он остановился и вопросительно уставился на Виктора. «Кажется, клюет»,— подумал Виктор и снова засвистел: то трепетно и нежно — подражая жаворонку, то резко — иволгой, то щелкал кенарем, выделывая удивительные фиоритуры. Когда же, пустив тончайшую трель, он неожиданно прокричал петухом, часовой вдруг заулыбался.

«Готов»,— сам себе сказал Виктор и умолк. Пора было «брать быка за рога».

Часовой подождал немного, но, увидев, что его не собираются больше развлекать, стал подавать знаки.

— Нох, нох, еще!

Виктор сделал вид, что не понимает.

— Нох, нох! — повторил немец.

Виктор чирикнул воробьем. Часовой снова заулыбался.

— Нох, нох айн маль чик-чик!

Виктор чирикнул еще раз и, подойдя поближе к вышке, ткнул себя пальцем в грудь.

— Делаю музик, а струн нет, понимаешь! Ну, махе, махе музик.

— Чик-чик! — сказал немец и замахал руками, как крыльями.

— Ну вот, наладил свое «чик-чик»! Мне струны нужны, а они вон там, в колючей проволоке!

Но немец лишь мотал головой. Виктор, наверно, так и не мог бы с ним договориться, если бы на помощь не пришел Толя. Он перед самой войной окончил десятилетку и мог с грехом пополам объясняться по-немецки:

— Герр постен, ерлаубен зи...

— Вас? — переспросил немец.

— Он музыкант, ему нужны струны,— объяснял по-немецки Толя.

Часовой посмотрел по сторонам, снял с шеи автомат и, направив дуло в ту сторону, где валялся обрывок кабеля, резко сказал:

— Абэр шнелль!

— Разрешает,— сказал Толя.

Сердце у Виктора екнуло. Идти или не идти? Кто знает, что на уме у часового? Подойдешь к ограждению, а он даст автоматную очередь.

— Шнелль, бистро! — еще раз повторил часовой.

— Да ты, парень, что, с ума спятил?— вдруг заговорил Андрей Васильевич.— Из-за какой-то безделицы под пули лезть! Тебе что, жизнь надоела?

Но Виктор и без него понимал, что на карту поставлена жизнь и что решать надо без промедления: либо идти, либо навсегда отказаться от своей мечты.

И он пошел, стараясь сдерживать волнение и не суетиться.

Вот и колючая проволока. Хочется оглянуться и посмотреть, что делает часовой. Может, он уже целится?

— Эх, трус! — обругал себя Виктор.

Скинув ватник, он набросил его на нижние ряды колючей проволоки. Затем лег на землю и, извиваясь угрем, пополз по ватнику. Все внимание теперь было сосредоточено на том, чтобы не застрять.

Проволока была натянута очень близко одна от другой. Чтобы протиснуться вперед, приходилось ее оттягивать насколько возможно. И все же острые шипы то и дело цеплялись за волосы, за одежду, впивались в руки, в плечи.

Но вот наконец и кабель. Виктор с трудом дотянулся до него. Чтобы руки были свободны, зажал кабель зубами и пополз назад. Тут-то и началось самое страшное. Только что раздвинутая проволока снова опускалась и своими колючками, словно зубами, впивалась в тело. Он попробовал перевернуться, но десятки ржавых шипов словно ждали этого. И вдруг ему показалось, что он вовсе не человек, а мышь, попавшая в мышеловку: сколько ни бейся, сколько ни вертись, нет выхода из нее.

«Надо быть спокойнее,— мелькало в голове.— Если хочешь выбраться, возьми себя в руки. Что ты дергаешься, как паяц на веревочке? Вот так. Хорошо. Еще спокойнее. А теперь полежи без движения — секунду, другую, третью... Теперь можешь действовать. Осторожнее. Главное, не делать неточных движений. Эту проволоку надо отогнуть ногой. Эту — левой рукой. Зацепилась за рубаху, черт с ней! В тело впилась — вытерпи. Ну, ну, еще! Осталось немножко...»

Измученные Толины глаза сияли радостью, когда Виктор, весь изодранный, выбрался наконец из колючей проволоки.

— Ты молодец, ты просто молодец! — горячо говорил он.— В одну минуту — раз, и все в порядке!

— Что, быстро достал? — удивился Виктор.

— Ну, конечно.

Виктор вытер рукавом с лица пот и устало опустился на камень. Ему казалось, что с той минуты, как он полез за кабелем, прошла целая вечность.

А с вышки уже снова слышался голос часового:

— Музик, музик, шнелль!

Но Виктор и без напоминания уже взялся за дело. Ему и самому не терпелось поскорее увидеть, что же в конце концов у него получится.

Первым делом кабель разделили на отдельные жилки. Затем, натянув одну струну, принялись за лады. Места их определяли на слух. Работа шла быстро. Андрей Васильевич отламывал кусочки проволоки, Виктор с Толей укрепляли их на нужном месте — через каждые полтона.

— А зачем часовой держал автомат наготове? — спросил Толя.— Даже с предохранителя снял?

— Это, мил-человек, просто объясняется,— ответил Андрей Васильевич.— Видел, как он головой все вертел? Стоило показаться кому из начальства, как он пришил бы Витьку к земле: бежать, мол, собирается.

— Значит, мне повезло? — засмеялся Виктор.

— Да еще как, разудалая твоя головушка!

Не прошло и получаса, как лады были готовы. Натянули еще две струны, и вот наступила минута, когда струны вначале робко, а потом более уверенно возвестили о рождении нового инструмента.

4

Эта минута была незабываемой.

Когда Виктор тихонько заиграл любимую в те годы песню «Катюша», все вокруг замерли. Через минуту десятки людей обернулись в его сторону. Они слушали с изумлением, не понимая, откуда взялась эта мелодия здесь, в чужой и враждебной стороне. Для них это было чудо, самое большое чудо!

А Виктор все играл и играл, переходя от одной песни к другой. Играл по-прежнему негромко. И его слушали, о, как слушали! Заледеневшие от всех ужасов плена сердца словно оттаивали, преждевременные морщины разглаживались, безжизненные лица оживали.

— Твоя шел пешком, моя шел пешком,— сказал щупленький, словно десятилетний мальчик, узбек.— Сыграй нашу...

Виктор не понял. Тогда узбек затянул тягучую и своеобразную мелодию. Потом, оборвав, пояснил:

— Белый хлопок, черный глаз и вот такой косичка... Не понимаешь?

— Давай «Полюшко-поле»,— попросил другой.

— Тихо,— остановил кто-то.— Якименко сказать что-то хочет.

После долгих часов беспамятства Якименко — тяжело больной артиллерист — пришел в себя. Он лежал на спине, и при каждом вздохе из груди его вырывался свистящий хрип.

Устремив взгляд в небо, он сначала беззвучно шевелил губами, потом, видимо, собравшись с силами, запел очень тихо, прерывисто, хрипловатым голосом:

Дывлюсь я на небо,
Тай думку гадаю:
Чому я не сокил,
Чому не литаю...

Некоторые стали тихонько подпевать:

...Я б землю покинув,
Тай в небо злитав...

Когда песня кончилась и струны умолкли, все поняли, что рядовой солдат-артиллерист Петро Якименко спел свою последнюю песню. Грудь его больше не вздымалась, и только глаза по-прежнему смотрели в небо.

— Улетел сокол...— тихо сказал кто-то.— Дай я глаза ему закрою.

— Погоди,— остановил его другой.— Нехай трошки еще подывуется на небо. Бач воно яке чисте — васильки у нас у жити такие.

— Будто только у вас! А у нас тоже ведь... Выйдешь в поле: хлеба́ — море... колышутся... Что-то там теперь?!.

5

Шли дни. Недостатка в слушателях у Виктора не было. Везде он был желанным гостем. Играя, он исподволь наблюдал за слушателями, осторожно, словно боясь спугнуть те чувства, которые у них невольно вырывались наружу. Он делал вид, что не замечает ни тяжелого вздоха, ни сжимающихся кулаков, ни стиснутых в бессильной ярости челюстей.

Нелегко понять человека замкнутого, ушедшего в себя, узнать его душу, его настоящее нутро. А в лагере каждый был замкнут. Но когда человек не чувствует на себе постороннего взгляда, когда он не замечает, что за ним наблюдают, он становится самим собой. С теми, кто вызывал доверие, Виктор подолгу разговаривал.

Из предосторожности обо всех своих новых знакомых он рассказывал Андрею Васильевичу. А тот уже проверял их более тщательно.

— Ну что, вчерашний — Кузьмин, длинный такой, помните,— не подойдет? — спрашивал Виктор.

— Время покажет, поглядим...

— Ну что вы все «посмотрим» да «поглядим»! — горячился Виктор.— Когда же уходить будем?

— Послушай, Витек,— строго и в то же время поотечески сердечно говорил Андрей Васильевич,— я тебе доверяю, и придет время, все узнаешь. А сейчас пойми: чем меньше каждый из нас будет знать, тем лучше для дела. Ты веришь мне?

Виктор верил. Этому человеку он мог вручить свою жизнь. Он уже смутно догадывался, что Андрей Васильевич действует не один, что он связан с подпольной организацией.

Успокоенный, он вновь отправлялся в обычный рейс по лагерю.

— Балалайку береги,— напутствовал Андрей Васильевич,— полезная штука.

Но Виктор и без того ее берег, не расставаясь с ней ни днем, ни ночью.

Банку охраняли все. Когда Виктор играл, всегда кто-нибудь стоял «на страже» и, чуть что, давал знать.

И все же, как ни остерегались, а однажды она попалась на глаза — да кому?! — самому «лагерфюреру»!

Случилось это в один из пасмурных, холодных дней. Небо заволокло грязно-серой пеленой. На лагерь словно набросили старое, видавшее виды солдатское одеяло. Все, что до того имело какой-то оттенок, стало одноцветным, серым: серыми были небо, одежда, лица людей — все, на чем мог остановиться глаз. И только на западе, там, где должно быть солнце, небо чуть заметно светилось. Оттуда дул сырой, пронизывающий ветер. Чтобы как-то согреться, люди тесно жались друг к другу. Виктор был в одном из бараков, где находились наиболее слабые и больные военнопленные.

Ни одна в поле травиночка
Не колышется,
Ни одна в поле былиночка
Не шелохнется...—

пели струны.

И вдруг у двери послышался какой-то шум. Едва Виктор успел спрятать банку под рубаху, как раздалась команда: «Встать!»

В сопровождении переводчика и личной охраны в барак быстро вошел сам герр комендант.

— Вер хат гешпилен? — выкрикнул он, брезгливо морщась.

Все молчали. Молчал и Виктор.

— Вер хат гешпилен? — уже нетерпеливо повторил комендант.

— Вы что, идиотами прикидываетесь? — вмешался переводчик. Он был русский, бывший фельдфебель белой армии.— Слышите, болваны, герр комендант спрашивает, кто здесь играл на какой-то чертовщине.

По-прежнему все молчали. Виктор понял: все молчат, потому что не хотят выдавать его. Если же и он будет молчать, то подведет всех. И он вышел вперед.

— Я играл.

— На чем ?— спросил переводчик.

Виктор молча показал.

— Вас ист дас? — удивился комендант.

— Это я из консервной банки сделал,— объяснил Виктор.

Переводчик перевел и тут же приказал Виктору сыграть что-нибудь.

Виктор заиграл.

— Хм, комиш...— сказал комендант.— Шпиль «Волга».

— Про Волгу сыграй,— объяснил переводчик.

Все внутри Виктора сжалось в каком-то отчаянном сопротивлении. «К Волге рветесь, гады!» — подумал он и ответил:

— Я еще не выучил.

Переводчик перевел. Комендант буркнул что-то под нос и, резко повернувшись, вышел из барака.

У всех словно гора с плеч свалилась — слава богу, пронесло!

— Ишь, ведь, Волгой интересуются,— как бы про себя сказал голос с верхних нар.

— Они спят и видят ее, матушку,— добавил другой.

— Сыграй-ка, друг.

И Виктор заиграл, тихонько напевая:

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны...

Сначала один, потом все больше и больше голосов стало подпевать. Вскоре уже почти весь барак вполголоса пел:

Волга-Волга, мать родная,
Волга — русская река...

Люди пели, позабыв про свои страдания.

А по крыше, словно аккомпанируя, барабанил дождь, гулко и монотонно.

6

Льют без конца холодные струи дождя.

Земля, на которой ты лежишь, давно насытилась водой и больше не может впитать ни одной капли. По ней, словно по клеенке, бегут ручейки, соединяются в лужицы, в озерца... Куда ни глянешь — вода... Да будь ты проклята, когда тебя столько, что

от тебя некуда скрыться!.. Одежда разбухла и пудовой тяжестью прижимает к земле.

А дождь все шумит и шумит. Плескаясь и пенясь, он сбегает с крыш бараков. Вздувая пузыри, булькает по лужам, дробно стучит по куску старой фанеры, которым укрылись Виктор и Толя. Фанера не спасает, но зато есть хоть какое-то подобие крыши.

Шум этот настолько въелся, что стоял в ушах даже тогда, когда дождь на минуту прекращался. Тогда Виктору казалось, что шумит вовсе не дождь, а что в голове у него под черепной коробкой кто-то установил мотор. Хотелось выключить, остановить его. Но мотор все работал и работал не переставая. И Виктору уже казалось, что от этой работы голова его пухнет, ширится... Вот она превратилась в огромный котел. Но почему у него такие тонкие стенки? Почему каждая упавшая на него капелька отзывается болью? Как хочется забыться, уснуть хотя бы на минуту!

Ночь... бесконечная осенняя ночь. В трех шагах ничего не видно. Мощные фонари, установленные вдоль колючего заграждения, не в силах пробить это месиво из дождя и мрака. Свет их стал тусклым, желтоватым. И только прожектор, который немцы включили из-за ненастной погоды, словно ножом резал ночную мглу. Луч его бежал по кругу, выхватывая из темноты верхушки столбов, крыши бараков. Там, где он касался земли, видно было, что на ней в грязи и в лужах копошились люди.

Слепящий свет резанул Виктора по глазам. Он зажмурился, а когда посмотрел снова, стало еще темнее.

Луч прожектора убежал дальше, чтобы заглянуть во все уголки и увериться, что там все в порядке.

— Виктор, вставай!

Голос над самым ухом — хриповатый, простуженный. А, это Андрей Васильевич! Значит, можно не вставать.

— Да вставай же, пора!

— Что пора?

И вдруг, словно молния, пронизала догадка: побег! Неужто пришла та долгожданная минута?!.

Виктор вскочил. Вскочил и Толя.

— Что, бежим? Сегодня?..

— Тихо. Лишнего не брать.

— А у нас лишнего ничего и нет,— сказал Виктор и поудобнее приладил банку на спине.

Шли осторожно, обходя лежавших на земле. В рваных ботинках хлюпала и пищала вода. На осклизлой земле ноги разъезжались, и несколько раз Виктор чуть было не упал.

— Ложись,— тихо скомандовал Андрей Васильевич.

Легли прямо в лужу. Когда луч прожектора пробежал над головой, встали и пошли дальше.

Миновали барак. Снова залегли. Сноп света начал новый кругооборот. Тогда и они стали снова двигаться. Зашли за уборную.

— Здесь ждите,— шепнул Андрей Васильевич и исчез в темноте.

Виктор не сразу понял, что они с Толей здесь не одни. Когда прожектор, осветив уборную, прошел поверх нее, в отблеске света смутно проступили силуэты людей. Человек пятнадцать — двадцать.

Подходили новые, настороженно всматриваясь, прислушиваясь.

Время тянулось томительно медленно. Все, кто должен был бежать, давно уже собрались, пришел и Андрей Васильевич, а они все еще топтались на месте и ничего не предпринимали.

— Чего мы ждем? — спросил Виктор Андрея Васильевича.

— Прожектор...

— Что — прожектор?

— Должен погаснуть.

Только позже Виктор узнал, что на прожекторной установке находился немецкий солдат, сочувственно относившийся к военнопленным. На его помощь и рассчитывал подпольный комитет, готовя побег.

А пока что луч прожектора бегал и бегал по кругу, и казалось, кругам этим конца не будет.

Но вот столб света взметнулся в небо, на секунду уперся в нависшую низко тучу и погас. Это был сигнал к действию.

На мгновение люди оцепенели. Так всегда бывает: то, чего долго ждешь и никак не можешь дождаться, вдруг приходит и кажется неожиданным. Напряженно вытянув шеи, все смотрели на небо, на то место, где только что было светлое пятно прожектора. Смотрели и не верили... Им казалось, что пятно вотвот снова вспыхнет.

— Взять доску,— тихо раздалась команда. И разом все задвигались. Надо было спешить. Каждый понимал, что в их распоряжении считанные минуты. Надолго оставаться выключенным прожектор не может. Несколько рук подхватило подготовленную заранее доску. Кто-то подкатил пустую бочку. Все делалось молча, без единого возгласа.

Вот и колючая проволока. Фонарь слева, фонарь справа. Светят мутно.

Доску набросили на проволоку. Получился зыбкий, но все же мостик. Наземь поставили бочку вверх дном. И вот еле различимые фигуры людей одна за другой стали быстро взбираться на доску. Сделав два-три шага вперед, они снова растворялись в бездонном мраке.

Переминаясь с ноги на ногу, Виктор нетерпеливо ждал своей очереди. С той самой минуты, как Андрей Васильевич окрикнул его, лихорадочное состояние не покидало Виктора.

Мысли бежали словно наперегонки. Едва возникал один тревожный вопрос, как следом вылезал новый, еще более тревожный. А там и еще и еще...

«Что, если прожектор снова загорится? Что, если часовой заметит их и поднимет стрельбу?! Что, если все убегут, а он останется! Что, если...»

Кто-то подтолкнул его.

«Моя очередь».

Впереди — Толя. Он уже на бочке. Уже на доске. Виктор в точности повторял Толины движения, стараясь не оторваться от него. Он поставил уже одну ногу на доску, как вдруг почувствовал, что доска поехала куда-то в сторону и почти встала на ребро. А Толя вдруг беспомощно взмахнул руками и полетел в колючую проволоку.

Виктор так и застыл. Он мысленно представил себе, как десятки ржавых шипов впились в Толино тело. Весь сжавшись он ожидал, что вот-вот раздастся дикий крик боли. Тогда конец.

Но секунды шли, крика не было. Лишь потревоженная проволока вздрагивала и шуршала. А в спину уже подталкивали: скорей.

Кто-то помог ему положить доску на место, и он взбежал на нее.

— Толя, где ты? Давай руку.

Толя молчал.

— Бегите... Я сам...— наконец выдавил он сквозь зубы.

Виктор нащупал Толину гимнастерку, потянул.

— Не тронь... Закричу...

В Толином голосе было столько муки, что Виктор невольно отпустил.

— Чего мешкаете! — раздался рядом приглушенный голос Андрея Васильевича.— А ну, пусти.— Андрей Васильевич поудобнее подхватил Толю и рванул на себя.

Толя охнул. Колючее ложе с неохотой расставалось со своей жертвой.

Толя снова на доске. Всеми силами старается удержаться на ногах.

— Идти можешь?

— Могу.

— Держись за меня.

Но что это? Справа, словно два волчьих глаза, показались желтоватые огоньки. Они быстро росли, светлели. Фары автомашины. Патруль. Тоскливо заныло внутри, где-то под ложечкой. Неужто все пропало? На патруль не побежишь. А тут еще прожектор. Луч его взметнулся в небо, покачался немного, как бы укоряя за промедление, затем упал на землю и, как ни в чем не бывало, побежал по кругу.

Мало, слишком мало времени смог вырвать для них немецкий друг. И как ни бесконечно велико было желание бежать, пришлось вернуться.

Быстро убрали доску, бочку. Нужно было хотя бы замести следы тех, кому удалось уйти.

Весь остаток ночи провозились с Толей. Он сильно ослабел и временами впадал в беспамятство.

Утром комендатуре лагеря стало известно о побеге. И началось! В лагерь ворвались отряды охранников с автоматами и собаками. Всех построили. Началась тщательная проверка. Озлобленные гитлеровцы сновали вдоль рядов, выискивая сообщников.

У Толи на щеке и на лбу алели полосы запекшейся крови. К нему первому подлетел приземистый офицер и выдернул его из ряда. Немец что-то кричал, угрожающе размахивал пистолетом. Подошел сам лагерфюрер.

— Ко-омиш,— сказал он, и парабеллум в его руке стал медленно подниматься.

Толя вдруг выпрямился. Почуяв неизбежность смерти, он собрал все силы.

А где-то там, на востоке, с той стороны, где всходило солнце и где была Родина, облака разорвались, и лучи света брызнули на лагерь.

Виктор почему-то увидел Толино левое ухо. Оно просвечивало на солнце и казалось удивительно тонким...

Когда дуло поднялось на уровень Толиной груди, он еще больше выпрямился и сделал шаг навстречу смерти. А может — кто знает! — он шагнул навстречу восходящему солнцу?.. Может быть, в последние секунды своей жизни он о смерти и не думал, а думал о далекой Родине? И ему захотелось хоть на один шаг быть ближе к ней?..

Когда он упал, мир для Виктора перевернулся. Он уже не мог воспринимать окружающее. Крики немцев, выстрелы, военнопленные... Смутно, словно сквозь туман, он помнил, что их заставили рассчитаться на десятки. Он был, кажется, восьмым. Всех десятых вывели из строя, согнали в одну кучу и под усиленной охраной, с собаками погнали к тому месту, где обычно складывали мертвых.

Как только упали первые расстрелянные, упал и Виктор. Что было дальше, он не помнил.

После страшных событий в Винцендорфе Виктор словно разучился играть. Иногда он брал инструмент в руки, настраивал, но тут же снова прятал. Однажды, видимо, забывшись, все же заиграл. Снова, как и прежде, полились знакомые с детства звуки. Они всколыхнули, приподняли... Они словно пробудили его ото сна...

В свободные минуты (теперь их было совсем мало: военнопленных заставляли работать с утра до ночи) Виктор потихоньку играл.

Чем хуже были дела немцев на фронте, тем больше они свирепели. А когда под Сталинградом немецкая армия попала в окружение и была полностью уничтожена, для гитлеровцев наступили траурные дни. Теперь они не могли спокойно слышать наших песен. Особенно про Волгу.

Когда пленных гнали на работу, Виктор тщательно

прятал банку в штанину или под рубаху, и товарищи ставили его в середину строя.

Когда поблизости были немцы, банка молчала. Но когда нужно было петь, струны ее в руках Виктора звенели так взволнованно, что сердце щемило у тех, кто слушал. Ведь песни эти были единственной радостью в их жизни. И не в одной душе поддержали они готовый погаснуть огонек надежды.

Наконец он наступил, великий день! Приближение его военнопленные почувствовали задолго — по тому, как нервозно вела себя лагерная охрана. Потом, несмотря на жесткий режим, в лагерь стали проникать слухи о том, что бои уже идут на территории самой Германии. И в воздухе все чаще и чаще проносились эскадрильи краснозвездных самолетов.

А однажды военнопленные и сами услышали отдаленный гром. Боясь поверить себе, кто-то сказал, что это, должно быть, первая весенняя гроза. Но нет, совсем по-другому гремело! Это пушки, это фронт!

И люди прислушивались, затаив дыхание. Вот она — свобода! Совсем близко.

Но тут же являлась тревожная и горькая мысль: что, если именно теперь, когда освобождение так близко, немцы, отступая, перестреляют всех или угонят еще дальше в глубь Германии. Люди скапливали последние силы для отчаянного сопротивления.

И вдруг танки, свои, советские танки, с огромными, до сих пор невиданными стволами орудий, подошли к самому лагерю...

Военнопленные, сметая все на своем пути, ринулись к выходу. В одно мгновение ворота были сорваны и разнесены в щепы. Тысячная толпа хлынула навстречу своим избавителям.

Кто бежал, кто шел, пошатываясь и спотыкаясь, кто полз, не имея сил идти. Каждый, в ком еще теплилась жизнь, спешил покинуть проклятое место, спешил поближе увидеть, обнять своих, советских, таких родных людей — в выгоревших на солнце гимнастерках, пропахших пóтом и порохом последних боев.

Трудно описать эту встречу. Слезы радости текли по обросшим, изможденным лицам, и никто их не замечал.

* * *

А потом — эшелон. «По до-мам, по до-мам...— стучали колеса.— По-ско-рей, по-ско-рей!..»

Этот стук музыкой отзывался в сердцах. Поверьте мне, что нет лучшей дороги, чем та, которая ведет к родному дому. В вагоне все пели, пели до хрипоты. И банка всем подпевала. Теперь ей не надо было таиться.

И вот Москва, дом на Вятской. Сколько раз он снился Виктору во сне, грезился наяву!

Виктор не выбросил банку, он вбил в стену еще один гвоздь и повесил ее рядом с гитарой. И не просто так, «для мебели», нет! Часто он брал ее и, ласково пробежав пальцами по струнам, подолгу сидел задумавшись...

Вот, собственно говоря, и весь рассказ. По совету друзей Виктор недавно передал банку в Музей Советской Армии. И правильно сделал. Пусть ее видят все.

У КОМАНДИРА БОГУЧАРЦЕВ

Фото Е. Софронова.

Про войну... Про то, как деды-богатыри в боях добывали Советскую власть... Про это всегда интересно и в кино посмотреть, и книжку прочитать, и по радио послушать.

А еще интереснее встретить живого героя, чтобы сам рассказал про легендарные походы...

Гремело в былые годы имя героев-богучарцев — сперва партизан, потом бойцов-добровольцев первых полков Красной Армии.

Много славных дел совершили богучарцы: били банды Краснова, громили гайдамаков Петлюры, победоносно сражались с немецкими кайзеровскими войсками, захватившими Украину. Доставалось и Деникину от богучарцев, да так, что, удирая с Дона, он сам говорил своим воякам:

— Дрались бы, как богучарцы, давно бы Москву заняли...

Командовал Богучарским полком, потом Богучарской бригадой, потом Двадцатой Богучарской кавалерийской дивизией лихой командир, большевик Валентин Александрович Малаховский.

Это он декабрьской ночью восемнадцатого года с десятью бойцами-богучарцами, с двумя пулеметами на тачанках настиг хвост колонны белой армии генерала Иванова.

С десятком бойцов что сделаешь против тысячи? Отойти, упустить врага?

Нет! Не таковы были герои-богучарцы, не таков был их командир.

С двух сторон налетели тачанки. Застрочили пулеметы, загнали белых в овраг, потом замолчали внезапно, и в наступившей тишине прогремел голос командира:

— Я Малаховский! Приказываю сложить оружие!

И белые сдались. Они уже знали, что с Малаховским шутки плохи. Сотни пленных, орудия, пулеметы, обоз достались тогда богучарцам...

Много таких историй помнит Валентин Александрович. Чтобы услышать их, к нему приходят молодые солдаты, студенты, школьники.

Сегодня тоже гости: пионеры. И участник гражданской и Великой Отечественной войн генерал-майор В. А. Малаховский рассказал ребятам о том, как он в июле двадцатого года в кавалерийской атаке своими руками захватил белого офицера, награжденного высшим орденом армии Корнилова. Генерал-майор и орден этот показал.

И ребята ушли счастливые. Шутка ли — с живым героем, с командиром легендарных богучарцев поговорили запросто!..

М. УСОВ

Рисунки Э. Булатова
и О. Васильева.

Бел, да не снег

Несмотря на то, что все сроки прошли, снегу не было. Голо простирались ветви, насквозь просвечивался парк. Сыростью насыщен был воздух, как губка водой.

Ночью похолодало. Густая белая бахрома укрыла провода, ветви, кусты. У пешеходов побелели брови, усы, бороды, шапки, меховые воротники. Кони словно побывали на мельнице — осыпаны белым.

Ближе к утру ветер раскачал деревья, загудел в проводах. При его порывах воздух клубился от морозных песчинок. Казалось, сильная метелица вздымает снег, несет его по улицам, сыплет в лицо прохожим. Все побелело, стало по-зимнему.

А это была всего-навсего изморозь.

Бел, да не снег. Федот, да не тот.

Как зимняя зорька поднимается

Черен восток. А скоро шесть часов.

Через сколько-то времени слегка побелело над самой землей. Исподволь проясняется. Над горизонтом вытягивается красный поясок.

Это зимняя зорька.

Тьма придавила ее, не дает приподняться. Вот и растеклась она красным узким пояском, окаймила край степи. Низенькая, у самой земли. Сколько же ей такой быть?

Ждать не ждали, а замечаете, развидняется вокруг. Проясняется восток. Поднимается зорька. Красная полоска теперь шире кушака. Неуловимо меняются цвета: карминный, розовый, желто-лимонный, светло-зеленый, синий... Все выше эти зоревые разливы, все краше небо.

И вот без крика полетели вороны. Забелели неторопливые дымы над домами. Деловито загудели заводские гудки, оповещая утреннюю смену.

Белый лес

Это был обычный лес. Мимо него по блестящему асфальту то и дело пробегали автомашины. Люди спешили: у каждого дела.

Деревья и подлесок сливались в зеленую с неровной вершиной стену. В глубине сумрак сгущался до черноты.

Сколько раз мне приходилось проезжать мимо этого леса! Быстро мчится машина вдоль зеленой стены. Глазу не проникнуть дальше первого ряда деревьев. Они раскинули ветви, плотно сошлись кронами, не дают заглянуть в глубь леса.

Зеленая преграда.

И снова — в какой раз! — я в пути. Только время не для зелени: январь.

По привычке поворачиваю голову влево, чтобы увидеть знакомый лес.

Весь белый, кружевной от инея, он виден насквозь. Белые веточки тонко вырисовываются каждым своим изгибом, касаются одна другой, переплетаются.

Безотрывно гляжу на белый зимний лес. Какой он узорчатый, сказочно красивый, необычный! И хочется увидеть деда-мороза, вот теперь, сейчас же.

Солнце играет

Снег и мороз лучше тумана и сырости. Белые степи кажутся еще неоглядней и шире. А какое сегодня нарядное солнце! Ярко-лучистое, в переливах радуги.

Мороз. Чистое небо. Белая земля. И это чудесное солнце! Его лучи преломляются в мельчайших кристаллах льдинок, невидимых в воздухе, создают нежные цвета: розовые, желтые, светло-зеленые,— сливают их в причудливые узоры столбов, корон, радуг. Все пронизано светом.

— Солнце играет на мороз,— говорят в народе.

Большая стая белых голубей, взлетев в поднебесье, купается в его сини, вьется в солнечном сиянии. И кажется, само светило, источник всей жизни на земле, подняло в эту высь белых голубей — всечеловеческий символ мира. И голубиная стая развернулась над всей землей, с ее полями, селами, городами.

Мороз обмяк

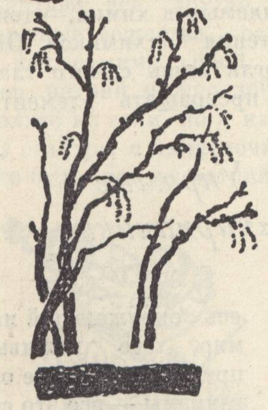

Снова подтвердилась народная примета: «Солнце на лето, зима на мороз».

Еще недавно пушистый, снег стал жестким. Идешь утром на работу — и снег хрустит, как речная галька. Но к полудню его не узнать: на солнечной стороне улиц снег становится мягким. Куда девалась его неподатливость! Такой снег чуть придавишь в руке — готов белый ком. Сам поиграть в снежки просится.

— Мороз обмяк,— говорят в народе.

Оттепель — не в·е·с·н·а

Среди зимы объявилось тепло. Снег взялся водой, вперегонки пустились ручьи. Затенькали овсянки, у воробьев пошли свары.

Прогретые солнцем, заметно набухли почки у кизила и сирени. Орешник, еще не выгнав из почек листву, уже развесил коричневые сережки. Первоцвету не терпится.

— Рано заявилась весна,— обрадовались люди.

В толпе все больше легких пальто, все больше шляп, а кое-кто из молодежи и в пиджаках щеголяет. Рады снять тяжелую зимнюю одежду.

Чуть тронутые зеленью, повеселели пригорки.

Что ни день, теплее. Облака начали кучерявиться.

Ночью поднялся ветер. Чем-то бьет за окном, скрежещет на крыше. Незаметно остудились квартиры.

И ночь и весь день бушевала вьюга. Куда тепло делось! Даже не верится, что ребята без пальто прогуливались.

За зиму не один раз такое бывает, да оттепель — не весна.

Светлый день

Недвижны небольшие белые облака. Они даже не меняют своих очертаний.

Теплый солнечный свет заполняет все: от этих облаков до темной, кое-где заснеженной земли. Свет — сияющий, лучезарный — во всем и всюду. От этого еще больше раздался мир, стал необъятнее. Этот свет во мне, он вливается с дыханием, вбирается каждой клеточкой тела, его щедро принимают и излучают глаза.

Чувство слитности с природой пронизывает меня, как этот сияющий свет.

И не верится, что еще зима. Пусть будут метели, будут морозы! Свет прибывает!

ЗОЛОТЫЕ АЛХИМИКИ

Г. ШАНГИН-БЕРЕЗОВСКИЙ

Рисунки Е. Мигунова.

На все руки мастера

Насос поднимает воду на десять метров, а сосна — на тридцать или даже на пятьдесят. Мамонтовое дерево секвойя и австралийский эвкалипт гонят воду от корней к кроне на высоту в полтораста метров. В растении, как и в насосе, вода поднимается по полым трубкам, однако физические явления, открытые триста с лишним лет назад итальянцем Торичелли, деревья используют лучше, чем человек. Оказывается, растения — неплохие физики, и человеку есть чему у них поучиться.

Но растения не только отличные физики. Они еще и замечательные химики. Чтобы получить пленку полимера — пластмассы, которая идет на плащи, на покрытие оранжерей и на множество других полезных целей, нужна высокая температура и больше тысячи атмосфер давления. А любая травка делает гораздо более сложные полимеры при самых обычных условиях. Чтобы создать все разнообразие белков, жиров и углеводов, растению нужны лишь солнце, воздух и вода и немного минеральных солей.

Однако самое удивительное впереди. Оказывается, растения не только химики и физики. Они еще и алхимики.

А что значит «алхимики»?

Если бы такой вопрос мы задали лет триста — двести назад, нам бы объяснили, что алхимики — это колдуны, продавшие душу черту, чтобы с его помощью делать золото. Быть может, нам бы даже показали городскую площадь, где одного такого колдуна сожгли на костре.

Лет семьдесят — восемьдесят назад нам бы ответили:

«Алхимики? Это вовсе не колдуны, а просто невежды, пытавшиеся превращать в золото другие вещества, хотя такое превращение невозможно. Они просто не знали свойств материи и ее строения».

А сегодня нам уже скажут, что такое превращение возможно, но что алхимики брались за дело не с того конца. Правда, они при этом сделали множество полезных открытий: они получили соду, поташ, сурьму, азотную и серную кислоты, научились делать бумагу, порох, многие лекарства. Колба, реторта, водяная

баня, химическая печь и перегонный куб, до наших дней применяемые в химии,— тоже изобретения алхимиков. Они не смогли лишь самого главного — превращать элементы.

Упрямые «кирпичики»

Весь окружающий нас мир, все неживые предметы и живые организмы — все это состоит из разных химических веществ. Вещества могут быть простыми или сложными. Из сложных веществ можно получить более простые: например, из картофельной муки — крахмала — можно сделать сахар. А сахар, в свою очередь, можно разложить на углекислый газ и воду.

Но такое разделение нельзя проводить бесконечно. В конце концов мы дойдем до тех «кирпичиков», из которых строится любое соединение,— до химических элементов. Тот же углекислый газ еще можно разложить на кислород и углерод, а воду — на кислород и водород. А поваренную соль можно разложить на натрий и хлор, из азотной кислоты выделить азот, из серной кислоты — серу. Но эти вещества будут уже химически неразделимы. Это как «кирпичики». Они составляют все другие, более сложные вещества, оставаясь в них самими собой. Например, натрий можно добыть не только из соли, но и из соды, из селитры и из щелочи. И все это будет тот же натрий. Он не превращается ни в кислород, ни в хлор. То же можно сказать и обо всех других элементах: они не переходят друг в друга, сколько бы их ни накалять, ни охлаждать, ни толочь, ни размешивать.

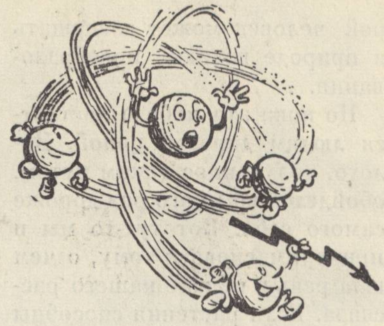

Это удивительное свойство «кирпичиков» стало известно лишь после многих догадок, ошибок, опытов, исследований. На нем основана вся химия.

У алхимиков ничего не получалось с превращением одного вещества в другое потому, что они не знали этого основного свойства «кирпичиков». И они не знали, что для превращения одного элемента в другой их вообще надо не складывать, а... вычитать. Но этого не знали и ученые прошлого века, пока не обнаружили, что «кирпичики»-элементы, называемые ураном и торием, все время разрушаются, выбрасывая из своих недр частички легкого газа гелия и постепенно превращаясь в свинец. Тут-то и выяснилось, что элементы совсем не так просты. Эти «кирпичики» природы оказались сложными атомами, состоящими из целой системы электронов, протонов, нейтронов. Теперь под Москвой, на реке Дубне, вырос целый научный город, куда к нашим ученым приезжают ученые со всех концов света изучать атом и все, что в нем происходит. Чем больше изучаются атомы, тем больше обнаруживается всяческих частиц. Давняя мечта алхимиков снова тревожит ученых: «А что если...»

Старая погудка на новый лад

В самом деле: что, если попробовать перестроить атомы? Отнять у них или прибавить к ним те или иные частицы? Ведь эти частицы

встречаются и помимо элементов: электрический ток — это электроны, удравшие из своих атомов, а космические лучи — это ядра водорода и гелия, удравшие из далеких солнц. Нельзя ли как-нибудь расщепить атомы, аккуратно расколоть доселе прочные «кирпичики»? Ведь теперь мы о них знаем неизмеримо больше, чем знали алхимики, и можем приступить к задаче с правильного конца!

Это была дерзкая и удивительная мечта. В самом деле: превратить обычные элементы в благородные и редкие значило бы избавить людей от тяжелого и часто неблагодарного труда. Не нужно перемывать горы песка ради крупинок золота. Не нужно добывать под землей тонны руды и угля, чтобы потом, сжигая уголь, выплавлять из руды металлы. Любые редкие элементы получать из чего угодно: из песка, из воздуха, из воды. Физики подвергли атомы разных элементов мощной бомбардировке очень быстрыми частицами и из одних атомов получили другие, более просто устроенные. А через некоторое время ученые нашли способы соединять «осколки» атомов друг с другом и из простых атомов получать более сложные. Упрямство элементов было сломлено. Вместе с тем оказалось, что при атомных превращениях освобождается огромная энергия, овладев кото-

рой человек может совершать в природе великие преобразования.

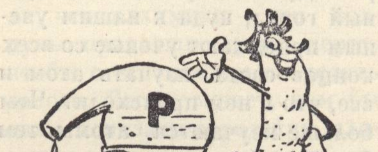
Но пока эта победа достается людям дорогой ценой. Золото, полученное таким путем, обойдется во много раз дороже самого себя. Вот тут-то мы и приходим снова к тому, о чем шла речь в начале нашего рассказа. Если растения способны без труда создавать такие вещества, которые в неживой природе образуются с трудом или совсем не образуются, не может ли быть так, что растения умеют изменять в обычных условиях и самые элементы?

Мышиный горошек говорит «да»

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно было спросить сами растения, нужно было поставить опыты исключительно высокой точности и сложности. Надо улавливать и обнаруживать самые крохотные, самые неуловимые прибавки какого-либо элемента в растении. И надо позаботиться, чтобы эти вещества не попали из внешней среды. И надо позаботиться, чтобы прибавка не убавилась, не ускользнула из растения. Но ведь растению нет никакого дела до опытов! Оно живое и не может жить, не поглощая из внешней среды нужные вещества и не выделяя в нее ненужные.

И все же первый ответ на вопрос уже получен. Спрашивал французский ученый Баранже. Отвечал мышиный горошек. Баранже выращивал его на абсолютно чистой воде. В качестве минерального питания к воде было добавлено только небольшое, строго вымеренное количество соли кальция. Через месяц было проверено, сколько стало кальция, а также фосфора и калия в растениях. Оказалось, что фосфора стало несколько меньше, чем было сначала, а калия прибавилось на целых десять процентов! Опыт был поставлен так, что фосфор не мог уйти из растения ни через листья в воздух, ни через корни в воду. Значит, часть фосфора превратилась в другие элементы. А калий откуда взялся? Калий не мог попасть в растения из воздуха, потому что в воздухе он не содержится. Из воды тоже: ведь в воде был как раз не калий, а кальций. Выходит, что добавочный калий появился в мышином горошке путем превращения

элементов. Правда, пока еще неизвестно, из каких элементов получился в этом опыте калий и в какие превратился фосфор. Но вывод напрашивается самый удивительный: растения — это зеленые алхимики. К тому же они и здесь куда удачливее нас. Они превращают одни элементы в другие без всяких циклотронов и атомных реакторов.

Зеленые алхимики не торопятся открывать секрет превращения людям. Однако человек уже проведал об их секрете, и это очень большой успех. Человек настойчив, пытлив и упрям. Если он подметил в природе что-то нужное ему, что-то интересное, он не успокоится до тех пор, пока не выведает у природы очередную ее тайну и не научится сам делать так же и еще лучше, чем она.

Опыты в лаборатории Баранже длятся уже пятый год. И неизменно получается тот же ответ: в растениях идет превращение одних элементов в

другие. За сухими цифрами в протоколах опыта, за сложным процессом исследования начинают уже проступать очертания Химии Будущего. Мы научимся у зеленых алхимиков делать чудеса без чудовищных температур и давлений, без непомерных затрат энергии. Легко и просто будут получать любые элементы, а из них — все, что требуется: краски, лекарства, пластмассы, удобрения и даже пищу. Легко, просто и из чего угодно: из песка, из воздуха, из воды.

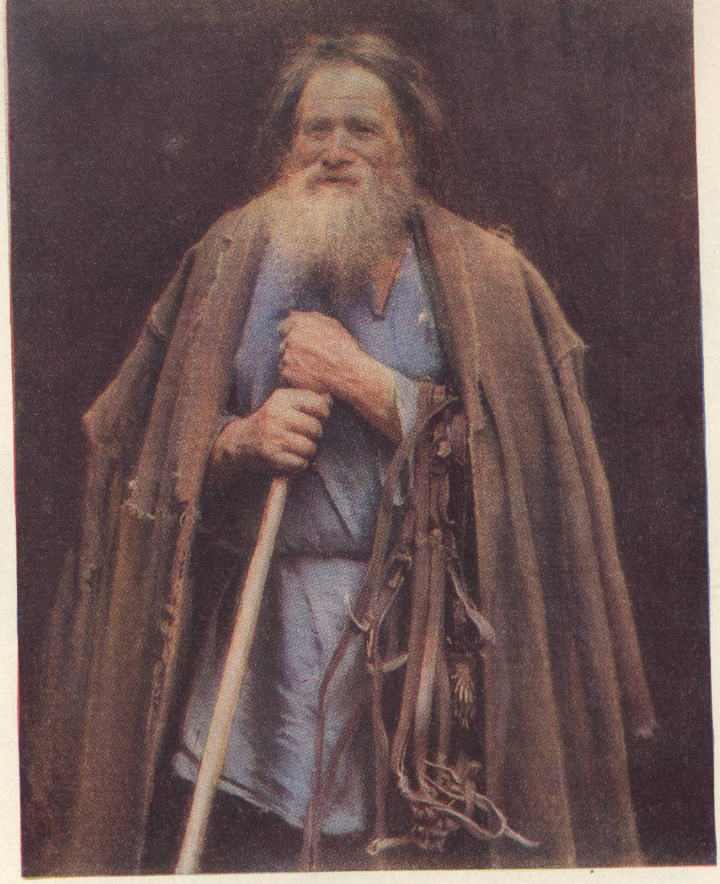
Накатался досыта! Фотоэтюд Н. Немнонова.

Птичьи враги. А. Корзухин.

Приход колдуна на свадьбу. В. Максимов.

Крестьянин с уздечкой. И. Крамской.

Привал арестантов. В. Якоби.

ЦЕНА

СЕКУНДЫ

Рассказы летчика

Б. ТИХОМОЛОВ

Рисунки О. Коровина.

ЭКЗОТИКА

И до чего ж надоела мне должность инструктора! Целыми днями только и знаешь: взлет да посадка, взлет да посадка, да кувырканье в небе — петли, перевороты, штопор. А под тобой речка, фермы моста, опушка леса, церковь, кривые улицы старого, захолустного городка. Все знакомо до тошноты. Скучища, тоска! Не об этом мечтал я, когда пошел в тридцатом году учиться на летчика.

Кончил школу, подумал: «Ну, теперь на простор! Сколько увижу, сколько узнаю! Родина-то велика».

А меня оставили в школе. «Учи,— говорят,— других. Передавай свое мастерство!»

Остался против воли. Проработал два года. И вдруг приходит распоряжение начальнику школы: «Вам надлежит выделить одного летчика на транспортную работу в Средней Азии...»

Переглянулись все инструкторы, призадумались: «Мы к тому климату непривычные. Жарко и скорпионов много. Подождем».

А я подумал: «Средняя Азия!.. Пауки, скорпионы!.. Экзотика восточная — барханы, верблюды с колокольчиками. Поеду!..»

И поехал.

Однако, как ни тешил я себя в мыслях Средней Азией, как ни готовился к ней, все же поездка до места назначения произвела на меня удручающее впечатление. Безводные пустыни, раскаленные пески, бледное солнце в белесоватом небе, жара... Поезд, скрипя колесами, медленно тащится среди барханов, и кажется, нет им конца и края и никогда не доедем мы до станции.

В довершение всего началась пыльная буря. Горячий ветер с ревом пронесся вдоль поезда, поднял тучи пыли, песчаной завесой загородил солнце. Разом померк день. За окном вагона заметались вихри, и не было спасения от проникающего всюду песка. Он скрипел на зубах, забивался в легкие, толстым слоем оседал на вспотевшем лице.

И в душу мою вкралось сомнение: «А может, вернуться? Еще не поздно...»

Сомнения грызли меня до самого приезда. С этими мыслями сел я в автобус, следовавший до аэропорта, и с этими же мыслями постучался к командиру транспортного отряда.

Командир, пожилой сутуловатый мужчина, стоял у раскрытого настежь окна и смотрел на подруливавший к линейке большой четырехмоторный самолет. Мне было видно, как дежурный, пятясь, ловко дирижировал флажками, и летающая громада, рявкая моторами, тяжело ползла в указанное место.

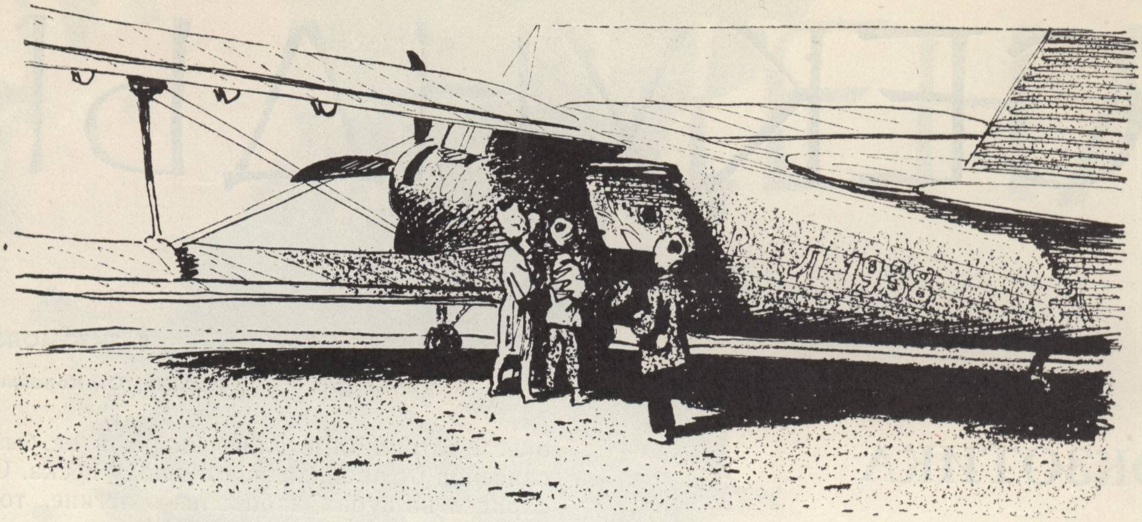
Мне видно было летное поле, неровное, окруженное со всех сторон угрюмыми барханами. И ни одного деревца вокруг, ни одной травинки!

День клонился к концу. Солнце, большое и хмурое, бросая на барханы мрачный красноватый свет, медленно опускалось за холмы. Ветер, горячий, с раздражающим запахом железа и серы, врываясь в окно, раздувал пузырем белую шелковую занавеску. И снова тоскливое чувство зашевелилось в моей груди: «Здесь вот мне жить и работать! В этом пекле, в этой пустыне!»

И в памяти встали белые палатки на зеленом лугу, речка, водяные лилии на ней, быстрые всплески окуней и щурят, и вышка для ныряния, и прозрачная вода, сверху теплая, а внизу, у дна, холодная, как лед... И летное поле — зеленое, ровное. Сеном пахнет, ромашки цветут. И вокруг лес. Ягоды, грибы... А тут!..

«Стоило ли менять?» — опять подумал я и кашлянул с досады.

Командир обернулся, медленным движением снял фуражку и, вынув из кармана

платок, провел им по высокому морщинистому лбу.

— Извините! — сказал он.— Я совсем забыл про вас. Присаживайтесь.

И этот его усталый жест, и простое дружеское обращение, и ласковый оценивающий взгляд глубоких серых глаз смутили меня. Я представился.

— Значит, к нам на работу? — спросил он.— Хорошо. А не боитесь? У нас ведь трудно.

Командир навалился грудью на стол, выпятил квадратный подбородок, посмотрел на меня выжидательно.

Хотел я похвастаться перед ним, сказать, что не пилот я какой-нибудь, только что окончивший школу, а инструктор. Но вместо этого против воли вырвалось у меня:

— Трудно!

Похолодел я и потерял дар речи.

«Трус! — пронеслось у меня в голове.— Маменькин сынок! Стыд-то какой! Приехал работать — и вдруг...»

Но командиру мой ответ понравился. Откинулся он на спинку стула, улыбнулся приветливо:

— Правильно, молодец! Не люблю верхоглядства! В нашем деле нужна осторожность. Не что-нибудь возим — пассажиров! А пассажир, брат, у нас особенный! И полеты особенные. Будешь пахать человеческую целину!

Направил меня командир в отдаленный район, в самое сердце пустыни. С юга на север течет Аму-Дарья. Слева черные пески — Каракум, справа красные—Кызылкум. Вдоль реки оазисы разбросаны. Городки стоят, кишлаки. Каналы в пустыню впиваются, виноградники зеленеют, хлопковые поля.

Полетел я в первый рейс, почту повез. Разыскал затерянный в песках городишко, сел. Вылез из кабины, осмотрелся, подумал невесело: «Вот она, экзотика, любуйся!»

Аэродром широкий, с песчаными заносами. Сбоку — развалины древней крепости, вдали сквозь пыльную дымку просвечивает город с небелеными древними стенами, с плоскими глиняными крышами. Под ногами хрустит верблюжья колючка, над головой, в древнем небе, древнее солнце висит... Только самолет не древний — двадцатого века. Ворвался в дремотную Азию, стоит, крутит винтом, мотором чавкает.

Вижу: начальник порта пассажира ведет — дряхлого старика с жиденькой белой бородкой. В руках старика узелок. Из узелка выглядывают ичиги с новыми калошами. Три рослых туркмена его провожают, сыновья, наверное. Все четверо в громадных папахах. Идут, жмутся друг к другу, на мотор с опаской посматривают.

— Шайтан! — говорит старик.— Джин! — И в страхе жмурит глаза.

Начальник смеется:

— Это, отец, не злой, это добрый джин. Садись, он тебя отнесет куда захочешь!

Стал я усаживать пассажира, гляжу, а он босой. Ноги черные-черные, как головешки. Пятки в порезах и трещинах, а на подошве кожа толщиной в палец... Стоит босоногий человек на борту самолета. Дичь! Несуразица! Современная техника с древностью встретилась.

Вспомнил я слова командира: «Будешь пахать человеческую целину!» Не понял я

тогда, какую такую «человеческую». А сейчас будто светом меня озарило. Подумал: «Тут мое призвание — целину пахать, древнюю Азию из спячки поднимать».

И сам не знаю отчего, защекотало у меня в носу. Обнял я пассажира, похлопал ладонью по спине. Дрогнули у старика губы, глаза изумленно раскрылись. Вздохнул, открыл беззубый рот, сказал глухо, с трудом подбирая слова:

— Сапасиба... т-та-варич!..

ЦЕНА СЕКУНДЫ

Он устал сегодня, как никогда. Четыре боевых вылета за ночь. Четыре. А всего сто! Сто битв с врагом, сто встреч со смертью. Он очень устал, очень. Хочется спать. Нет больше сил удерживать веки. Чуть забылся, и сладкий одуряющий туман охватывает голову. Глаза закрываются сами собой, все тонет в мучительном желании сна. Нет! Нет! Спать нельзя. Нельзя! Это опасно. Земля вот она, рядом. Самолет, разрезая крыльями спокойную прохладу осенней ночи, гудит, рокочет моторами.

Внизу все дремлет в предрассветном сне. Оголенные леса — в прозрачной кисее тумана. В небе висит полная луна, и свет ее борется с утренней зарей.

Летчик наклоняется к часам. Светящиеся стрелки дрожат, двоятся. Ничего не разобрать! Тогда он включает освещение приборов. Скоро шесть.

Летчик поднимает голову, долго смотрит на свое отражение в ветровом стекле. Потом медленным движением снимает с руки перчатку и, словно не веря себе, щупает пальцами заострившиеся скулы, ввалившиеся глаза.

В наушниках голос штурмана:

— Через пять минут аэродром!

— Хорошо,— ответил летчик. Надел перчатку, выключил освещение приборов.

Под левое крыло подплыла просека с длинными серебряными нитями железной дороги. Откуда-то сбоку выскочила речка, нырнула под мост и пропала в лесу. Впереди, в воздухе, мерцая, повисла ракета.

Подходя к аэродрому, летчик подумал с досадой: «Опять этот старт!»

Это была самая неудобная посадка — со стороны сосен, высоковольтной линии, крыш домов. Тут гляди в оба! Не дотянешь — чиркнешь колесами по проводам или скосишь винтами макушки деревьев. Перетянешь — врежешься в конце пробега в капониры. Нужно рассчитать точно, совершенно точно!

Электрическое «Т» и стартовая линия огней блекло светились на выбитой «лысине» аэродрома. Вспыхнув, зажегся посадочный прожектор. Все в порядке! Можно садиться...

Летчик выпрямился, движения его стали короткими, энергичными. Кожа на лице натянулась, морщины сгладились. Круглые, быстрые глаза, измеряя расстояние, неотрывно смотрели на бледный луч прожектора. Земля освещалась слабо. Лунный свет, побежденный утренней зарей, дрожал в тумане, и все предметы, теряя очертания, как бы висели в пространстве, неопределенно далеко и неопределенно близко.

Тяжелая машина, со свистом рассекая воздух, неслась к земле. Навстречу вырастала зубчатая кромка леса. Как бы не задеть!

Сидевший впереди штурман инстинктивно подобрал ноги, впился пальцами в кресло: «Ох, как близко! Кажется, задел колесами...»

Деревья промелькнули, пронеслись дома с черными проемами окон, тоже совсем рядом. Это был мастерский, идеальный расчет. Машина, конечно, сядет, немного не долетев до «Т». Отлично! В душе шевельнулось гордое чувство удовлетворенности.

Летчик выровнял машину. Земля, расплывчатая, неопределенная, замелькала под колесами. Пронесся прожектор. Что-то очень быстро!

Молниеносный взгляд на прибор. Нет, скорость нормальная. Но почему же?!

Промелькнуло «Т».

Летчик похолодел. Мгновенно, в долю секунды, чувство удовлетворенности сменилось опасением. Что такое?!. Почему?!.

Попутный ветер?

Страх ворвался с непостижимой скоростью, остановил, раздвинул время. Секунды стали длинными, как несколько часов. Мысль заработала быстро, и четко, и неумолимо жестоко. Вывод: смерть!

Он представил: посадочное поле с пологой возвышенностью посередине. Самолет, приземлившись, выскакивает к центру и оттуда мчится к капонирам...

Дать моторам обороты? Взлететь? Нет, нельзя: попутный ветер. Он отнесет машину прямо на сосны. Поздно!

Самолет приземляется легко и будто нехотя. Он мчится, едва касаясь колесами земли. Придавить бы его, затормозить!.. Но

он бежит. Вот перевалил возвышенность. И сразу же перед глазами встали сосны, хмурые, враждебные. Под ними округлые, поросшие травой земляные валы — капониры. Уже светло, и летчику видно: тут и там шевелятся, проснувшись, техники. Лежат чехлы, тормозные колодки, баллоны сжатого воздуха. Капониры ближе. Бегут, увеличиваются в размерах. Люди настороженно поднимают головы, смотрят испуганно.

Мелькает мысль: «Впереди сидит штурман. Сегодня перед полетом он получил радостное письмо: родился сын. И вот... первый удар ему — штурману, жене, сыну... Потом... потом...»

Обостренный слух, галлюцинируя, уже улавливает треск, грохот металла, взрыв... Товарищи скажут: «Был экипаж такого-то.

Четыре человека...» И кто-нибудь добавит: «А у штурмана ведь четверо детей!..»

У летчика вырвался стон: «Нет-т!»

Губы сжались в прямую тонкую линию, широко раскрытые глаза засветились, не страхом — напряжением борьбы. Бешено заработала мысль:

«Развернуться сейчас с помощью моторов? Нет, нельзя, рано. Не выдержат, сломаются шасси. Надо переждать, погасить скорость... Дать обороты левому мотору... Убрать. Дать правому...»

Левая рука в кожаной перчатке соскользнула со штурвала, властно легла на рукоятки управления моторами.

Все рассчитано. Секунды взвешены, разделены. И в тот момент, когда удар казался неизбежным,— резкий рывок левому двигателю!

Тысячесильный мотор взревел, подхватил, развернул машину. Под левым крылом, мелькнув, проскочил капонир...

Доли секунды отсчитываются в сознании с беспредельной точностью. В ней, в точности, спасение, жизнь. Секунда ползет, как улитка. Хронометр мужества отсчитывает доли. Пора!

Пальцы разом приглушили мотор и тотчас же, чтобы прекратить вращение машины, дали обороты правому. Дали и убрали. Мотор взвыл, рявкнул и умолк. И на глазах у изумленных техников тяжелый самолет, легко и послушно свальсировав, помчался, гася скорость, в обратном направлении.

Летчик придавил ногами педали. Было слышно, как скрипят тормоза и шуршит под колесами гравий. Самолет остановился. Рука в кожаной перчатке протянулась к приборной доске, вяло и безвольно скользнула по лапкам выключателя. Лязгнув шестернями, остановились моторы. Летчик опустил голову. Словно что-то оборвалось в груди, и мягкий туман безразличия охватил все его существо.

Машинально расстегнул привязные ремни и парашютные лямки, заученным движением открыл фонарь и, превозмогая слабость в ногах, поднялся, вылез на крыло.

К самолету бежали люди. Прохладный ветерок скользнул по щекам, запутался в ресницах, затормошил ворсинки меха на унтах. Три ракеты одна за другой взлетели красными точками в поголубевшее небо: посадка запрещена! Кто-то крикнул бешено: «Скорей меняйте старт, черт возьми! Ветер изменился!..» Над головой гудели самолеты. Снизу заботливые руки приставляли лесенку.

Летчик молча спустился на землю, окинул взглядом коренастую фигуру штурмана, который дрожащими пальцами пытался достать папиросу из портсигара. Думать ни о чем не хотелось и говорить не хотелось.

Он так же молча, не замечая испуганно-почтительных взглядов, сел в подъехавшую машину, устало прислонился к спинке, закрыл глаза.

Лицо его, бледное, но спокойное, не носило никаких следов только что пережитого волнения. Лишь две новые, едва заметные морщинки у глаз да невидимый шрам где-то в глубине души — вот и все, что осталось от этой ночи.

В ГРОЗУ

Темно. Не видать ни звезд на небе, ни огонька на земле. Словно вымерло все вокруг. Только дрожат светящиеся стрелки приборов да гулко ревут моторы. В воздухе неспокойно. Самолет то и дело вздрагивает, проваливается, устремляется вверх, и тогда слышно, как раскачиваются тяжелые бомбы наружной подвески. Алексееву даже кажется, что они стукаются друг о друга, эти стальные пятисоткилограммовые чушки, начиненные тротилом.

Перехватив штурвал левой рукой, Алексеев открыл форточку и выставил ладонь. В кабину вместе с шумом моторов ворвалась струя теплого влажного воздуха, принесшего с собой запах хвои, прелых листьев и прибитой пыли. Прохладные капли дождя, ударяясь, приятно щекотали руку. Алексеев засмеялся, закрыл форточку и, вытерев о колено мокрую ладонь, полез в карман за папиросами.

Закуривая, посмотрел на свое отражение в ветровом стекле: молодое лицо, вздернутый нос и совсем несерьезные, озорные глаза. Даже усы, светлые и редкие, ничуть не делали его похожим на командира эскадрильи, которому он всячески старался подражать. О, у комэска глаза!.. Даже трудно сказать, какие у него глаза. Они и строгие, и ласковые, и всегда внимательные. А летает как! И не теряется ни при каких обстоятельствах. Был в таких переделках, что все за голову хватались, а он ничего! Прилетит и сядет как ни в чем не бывало.

А у него вот, у гвардии младшего лейтенанта Алексеева, ничего такого примечательного не случалось, и он ни в чем не отличился. Обидно. Один раз только подбили над целью левый мотор. Перетянул он кое-как через линию фронта и сел прямо в деревне, на улице. Ночь была — вот такая же, как и сейчас...

Самолет неожиданно так сильно тряхнуло, что Алексеев, поперхнувшись, едва не проглотил окурок. В то же мгновение ослепительно яркая молния сверкнула у самого крыла, и вслед за тем страшный грохот заглушил шум моторов. Новая вспышка молнии осветила клубящийся хаос облаков и льющиеся на землю потоки воды.

Радист доложил:

— Товарищ командир! У меня рация вышла из строя. Приемник не работает...

Алексеев выругался про себя, вспомянув черта. По инструкции, нужно было возвращаться, не выполнив задания. А как вернуться? Из-за такого пустяка! Вернешься, скажут: «Не требователен к своим подчиненным!» Ну уж нет!..

Выплюнув потухший окурок, Алексеев крикнул штурману:

— Сандул! Меняю курс. Засекай время, будем обходить грозу!

Компас показывал на восток. Впереди темнота. Справа, там, где цель, мелькали молнии. Вскоре молнии засверкали слева, сзади и спереди. Машину бросало из стороны в сторону, особенно возле облаков. Пришлось снизиться до трехсот метров. Самолет летел в сплошном дождевом потоке. Радист и стрелок доложили, что на концах пулеметных стволов засветились электрические разряды. В наушниках трещало.

Что же делать? До цели лететь минут тридцать. Это на линии фронта под Курском — скопление немецких танков.

Комэск предупреждал: «Учтите магнитную аномалию. Компас будет крутить, смотрите в оба».

Вот тебе и смотри! Кругом гроза, а под брюхом самолета — бомбы тяжелые. Сбросить нельзя, подорвешься: высота мала, надо метров пятьсот, не меньше.

Снова молния у самого носа самолета и — грохот. Машина становится на дыбы. Алексеев выкручивает штурвал, выправляет. Он уже больше не смотрит вперед, все равно ничего не видно. Его внимание приковано к приборам: искусственному горизонту, высотомеру, показателю скорости. Благодаря им еще можно держать самолет в горизонтальном полете, но курс... За курс он не ручается. Громадные залежи магнитной руды делают свое дело: компас крутит, стрелка прыгает туда-сюда. Хоть бы какой ориентир увидеть, огонек на земле, звездочку!.. Он бы вышел тогда из этого магнитного пространства. Если бы не эти грубые рывки, взлеты, падения, опять взлеты и... эта гроза. Он видел однажды расплавленный молнией самолет — кусок ноздреватого металла, и все. Страшно.

Алексеев уже начал выбиваться из сил, когда штурман различил впереди, в кромешной тьме, мерцающее световое пятно.

— Аэродром! — закричал штурман. — Анатолий, аэродром!

Алексеев открыл форточку, посмотрел. Да, это был действительно аэродром, наверное, Воронцовский или Лозовой. Оба они находятся в пятидесяти километрах от Курска, на восток. Световое «Т», линия огней, посадочный прожектор, и в воздухе мигаю-

щие светлячки: зеленый, белый и красный — это по кругу ходят самолеты.

Посадочное «Т» подплыло под левое крыло. Вон три светлячка идут на посадку, за ними еще три. Счастливчики, они идут, конечно, без бомб!

Алексеев облизал пересохшие губы. Две гонны бомб! Небольшая ошибка на посадке, и... В голову лезут параграфы инструкции: «Посадка с бомбами категорически запрещена! В случае невозможности сбросить бомбы... экипаж обязан покинуть самолет на парашютах...»

Покинуть... Легко сказать! Да разве может он покинуть свою машину?! Хороший, исправный самолет? Нет, он не сможет. Но... должен. Впрочем, он может выбросить экипаж. Да, да, он так и сделает. Прикажет им прыгать, а сам... сам останется, будет сажать. Но... в темноте в парашютистов могут врезаться самолеты! Значит, надо выбрасывать где-то в стороне! Тогда он потеряет аэродром! Нет, так не пойдет!

Алексеев совсем запутался, устал, выбился из сил.

— Сандул! Карпенко! Иванов!

Он кричит во весь голос. Или это ему кажется, что он кричит? Конечно, кажется! В горле пересохло, он не может кричать, он может только сказать тихо, почти шепотом:

— Вот что... ребята! Буду садиться. Как думаете вы?

Штурман ответил:

— Слушай-ка, Толя, знаешь что!.. — В голосе его прозвучала обида.

Радист сказал:

— Садитесь, конечно,— мы с вами.

Стрелок подтвердил:

— Я, как и все!..

Алексеев перевел рычаг. Самолет вздрогнул. На приборной доске загорелись две зеленые лампочки: шасси выпущено!

Круто развернув машину, пристроился к огонькам идущего на посадку третьего самолета. Он всегда так садился, за третьим. Три самолета один за другим сесть не могут. Сядут два, третий уйдет на второй круг, а он, четвертый, будет первым.

Машину швыряет, ослепительно сверкают молнии. После них в глазах мелькают белые, зеленые, красные зигзаги. Ничего не видно! Где же старт? Ага, вот он! А самолеты?.. И самолеты, вот они! Один сел, отруливает влево, второй садится, третий мотается перед глазами. Уходит?! Да, кажется, уходит... А, ч-черт!.. Молния! В глазах потемнело. Ничего не видно. Чернота...

— Что случилось?..

— Выключили прожектор! — кричит штурман.— Ты не зажег бортовых огней!

— Г-гады!.. Р-растяпы!.. Не видят!..— хрипит Алексеев.

Ударом руки переключает тумблер фар. Два ослепительно ярких луча воткнулись в водяную стену, отразились многократно... На фоне сверкающих струй отчетливо видны мелькающие лопасти винтов... А земли не видно! Море света, море воды... На мгновение сердце сжалось в страхе, но только на мгновение. Усилием воли Алексеев стряхнул оцепенение и стал заученным движением тянуть штурвал...

— Спокойно!.. Спокойно!..— говорит он сам себе, повторяя любимое слово комэска, сам тянет, тянет, медленно, мучительно долго.

Трава замелькала рядом. Трава и широкие лужи, по лужам — пузыри... Самолет с шумом плюхнулся в лужу. Загрохотали по крыльям каскады воды. Сели! Какое блаженство!..

Самолет замедляет бег. Фары выключены. Сзади вспыхнуло зарево. Алексеев догадался: «Зажгли посадочный прожектор». Значит, садится самолет. Надо поскорее убираться. Слева сзади призывно замигал зеленый фонарик. В голове мелькнуло: «Молодцы! Хорошая организация на старте!»

Мягко, басовито заурчали моторы, машина, покачиваясь, порулила на огонек.

На душе у Алексеева радостно: «Какая посадка! С бомбами, в такую ночь. Вот комэск узнает...»

Время от времени он включает фары, чтобы не наткнуться на кого, не задавить. Дождь хлещет еще сильнее. Земли уже не видно, сплошная вода, только кустики травы качаются под ветром. Фонарик близко. Справа впереди уже видны бортовые огоньки бомбардировщиков. По привычке сосчитал их — двадцать два, да еще садятся, да в воздухе штук пятнадцать. Что-то многовато. На Лозовом и Воронцовском стоят по полку, а тут...

Штурман, словно угадав мысли летчика, сказал:

— Здесь, наверное, и наших полно. Может, комэска встретим.

— И правда,— обрадовался Алексеев.— Может, встретим!

Слева в тусклом зареве мелькают тени: садятся самолеты. Впереди чернота. Надо рулить осторожнее.

Снова включена фара. Так, вовремя! Вон кто-то бежит, согнувшись под дождем. Черный, словно тушью облитый, плащ, капю-

шон, козырек фуражки. Мелькнул на секунду и пропал в темноте. Алексееву смешно: как монах! И фуражка какая-то чудная! Наверное, модник полковой, сердцеед.

Фары выключены. Рядом справа линия зеленых огоньков — стоят самолеты. Алексеев разворачивает машину. Ему тоже нужно встать в ряд. Включает фары. Скользящие лучи вырывают из серебристого мрака автобензоцистерну, радиостанцию, хвосты самолетов... Фашистские свастики!!!

Алексеев резко сбавляет газ, тормозит, выключает фары. Сердце катится в пропасть, немеют ноги, шевелятся волосы под шлемом...

В самолете молчание. Все оцепенели, только моторы гудят на малом газу, да слышно, как барабанит по крыльям и фюзеляжу дождь.

Штурман первый нарушает молчание:

— Давай на взлет!.. Скорей! Какого черта?

Но Алексеев уже пришел в себя.

— Спокойно!.. Спокойно!..— говорит он.— Сандул!.. Карпенко!.. К пулеметам!.. Бить в упор, по бакам...

Алексееву очень хочется скорее развернуть машину и улететь, но ему нельзя двигать ее. Тогда неудобно будет стрелять штурману. Он сидит и терпеливо ждет. Томительно тянутся секунды. По спине ползут мурашки, и в груди что-то радостное и жуткое одновременно.

— Готовы?! Огонь!

В носу самолета яркие вспышки и грохот выстрелов, лихорадочно частых. Сзади, в башне радиста «тук-тук-тук!» пореже — крупнокалиберный пулемет. Две ленты трассирующих пуль протянулись в ночи сквозь невидимую сетку дождя к невидимым самолетам. Но вот где-то в другом конце вражеской шеренги самолетов, рождая зарево, неслышно вспыхнуло пламя.

— Хорошо! Молодцы! — закричал Алексеев и, развернув машину, дал полный газ моторам.

Самолет бежал, разбрызгивая воду. Впереди по пузырчатым лужам скользила тень...

Взлетел, набрал высоту. В воздухе спокойно. Только дождь идет. Облака поднялись. Шестьсот метров! Нижняя кромка, лохматясь, мрачно отсвечивала багровым светом. На аэродроме полыхал пожар — горели самолеты. Отблески пламени плясали в окнах ангаров, тускло отражались в штабелях авиационных бомб.

Сандул сказал повеселевшим голосом:

— Эх, вот бы садануть!

— Что ж, саданем,— согласился Алексеев.— Давай прицеливайся!

* * *

На аэродроме, вдоль опушки, нахохлившись, дремали зачехленные бомбардировщики, тянулся дымок из землянки командного пункта, блестели на солнце не просохшие за ночь лужи.

Командир эскадрильи, постукивая по ладони свернутыми в трубочку листками бумаги, остановился перед строем офицеров летного состава.

— Ох, будет гроза! — шепнул Алексееву Сандул.— Что-то он сегодня не в духе.

Алексеев недоумевающе покосился на штурмана, но промолчал.

— Слушайте приказ номер двадцать второй! — Командир развернул помятые листы.

В приказе подробно говорилось о событиях минувшей ночи, отмечались правильные действия своевременно возвратившихся на базу экипажей, хорошая и плохая радиосвязь самолетов с землей. И чем дальше читал командир, тем больше ощущал свою вину Алексеев. Нарушил инструкцию, не вернулся, когда испортилась рация, не требовал вовремя от радиста хорошего ухода за материальной частью...

Словно сквозь сон слушал он жесткие слова командира:

— «Он, рискуя жизнью своей и подчиненного ему экипажа... (да, да, он виноват, да еще как!..) ...гвардии младшему лейтенанту Алексееву за нарушение инструкции (посадка с бомбами) трое суток домашнего ареста»...

Легкий ветерок налетел, тряхнул стоявшей рядом березкой. С листьев на траву, искрясь, посыпались капли.

«Трое суток домашнего ареста?! Еще спасибо, что так легко отделался!..»

Командир дочитал до конца, обвел строгим взглядом притихший строй, шевельнул черными как смоль усами:

— Слушать приказ номер... двадцать третий!..

Голос командира строгий. Что-то уж очень строгий. И голову он как-то опустил, будто хочет спрятать лицо.

— «Гвардии младшему лейтенанту Алексееву и его экипажу... за проявленное мужество и находчивость, за уничтожение девяти вражеских самолетов (так донесла разведка)... объявить благодарность!»

Прочитал, разыскал глазами Алексеева и улыбнулся.

Кон и Мон

Ассамская народная сказка

Рисунки Е. Медведева.

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были два брата: Кон и Мон. Кон был постарше и похитрее, Мон — помоложе и поглупее.

— Послушай, Мон,— сказал как-то раз Кон,— давай поделим одеяло: днем оно будет принадлежать тебе, а ночью мне.

— Ладно,— согласился бесхитростный Мон.

Но что делать с одеялом днем? Только закутается Мон в него, как тотчас покрывается потом. Поневоле сбросишь одеяло! Ночью

же, когда Кон сладко спал под теплым одеялом, у Мона зуб на зуб не попадал от холода.

Прошло несколько дней. Кон опять предложил Мону:

— Послушай, Мон, давай поделим яблоню: тебе низ, а мне верх.

— Ладно,— согласился бесхитростный Мон и с тех пор один стал ухаживать за яблоней — рыхлить землю, вносить удобрения, поливать: ведь низ теперь принадлежал ему. Обильный урожай дала яблоня, но верх яблони принадлежал Кону, и Мон лишь слюнки глотал, видя, как его брат уплетает красные сочные яблоки.

Прошло еще некоторое время. Кон снова предложил Мону:

— Послушай, брат, давай поделим корову: тебе — голову, мне — туловище.

Ладно,— согласился бесхитростный Мон, и с тех пор один стал кормить и поить корову: ведь голова принадлежала ему. Много молока давала корова, но пил его лишь Кон: ведь туловище принадлежало ему, и поэтому Мон не имел права доить корову и пить ее молоко.

Запечалился Мон. Заметила это старушка из их деревни и спросила, отчего он такой грустный. Рассказал Мон, как его обманывает брат, и добавил:

— А что я могу сделать? Ослушаться нельзя: ведь он старший брат.

И не надо,— ответила старушка.— Действовать можно поумному. Слушай меня внимательно. Днем положи одеяло в воду. Кон залезет под одеяло ночью, а оно — мокрое, холодное, и он не сможет заснуть. Когда же брат спросит тебя,

зачем ты намочил одеяло, ты скажи: «Днем одеяло принадлежит мне. Поэтому что хочу, то и делаю с ним». Только залезет Кон на яблоню за яблоками, возьми топор да и начни рубить ствол. Кон закричит: «Что ты делаешь?! Перестань!» А ты ответь: «Мой низ, что хочу, то и делаю». Сядет Кон доить корову, а ты в это время принеси прутик и пощекочи корове ухо. Корова начнет брыкаться и не даст выдоить себя. Кон скажет: «Зачем ты щекочешь ее?» А ты в ответ: «Моя голова, что хочу, то и делаю». Поступишь, как я сказала, и снова все станет, как прежде. Будете жить вы по-хорошему, не делясь, не рядясь.

Послушал Мон старушку, сделал все, как она велела. Увидел Кон, что не может больше дурачить Мона, и сказал ему:

— Послушай, Мон, давай жить, как прежде! Пусть у нас все будет общим: и одеяло, и яблоня, и корова.

— Ладно! — согласился Мон.

Перевел Юрий Маслов.

ТРОЕ ПЛАЧУЩИХ

Японская народная сказка

Жила одна старушка. Как-то раз получила она письмо от сына, который уехал на чужбину. Старушка была неграмотна, поэтому взяла она письмо и пошла с ним на проезжую дорогу — попросить кого-нибудь прочитать. Проходил той дорогой воин. Взял он письмо, подержал его в руках — да вдруг как заплачет! Старушка испугалась и принялась выспрашивать у воина, не случилось ли с ее сыном какой беды.

Но воин закрыл лицо руками и заплакал еще горше. Тогда старушка решила, что с ее сыном действительно стряслось большое несчастье, и тоже начала плакать.

Тут на дороге показался третий прохожий. Это был торговец глиняной посудой. Увидев двух плачущих, он подошел к ним, снял с плеча свой короб и тоже принялся плакать.

Шел той же дорогой еще один человек. Любопытно ему стало, отчего это трое людей стоят вместе и дружно ревут.

Подошел он к торговцу глиняной посудой и спросил у него, почему он плачет.

Тот ему ответил:

— Весь год я странствовал со своим товаром, чтобы заработать немного денег. Много обошел я деревень, часто голодал. Мне хотелось иногда заплакать, но я был занят делом, и плакать было некогда. А вот сегодня, проходя мимо этих людей, я вспомнил о своей тяжелой судьбе и решил выплакаться.

Тогда прохожий спросил у старушки о причине ее слез. Она ответила:

— Когда воин прочел про себя письмо моего сына и заплакал, я подумала, что с сыном стряслась беда.

Прохожий обратился к воину:

— Ну, а ты о чем плакал? Какие грустные вести вычитал ты в письме?

Воин сказал со вздохом:

— Ах, милый человек, мне стыдно, что я такой неученый! С детства не держал я книжки в руках и теперь не могу прочитать даже это простое письмо. Вот я и плачу, что упустил столько времени и остался неграмотным.

Перевела Е. Штих.

МОЯ СТРАНА

Четыре

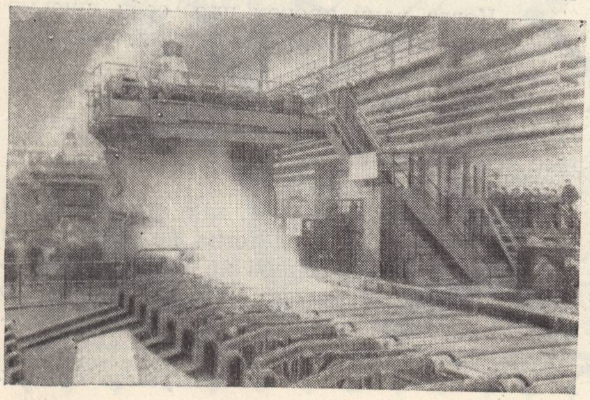

Они родились недавно. Один в Сибири, другой на Урале, третий на Волге, четвертый на Украине. Но все они родные братья. Все, как на подбор, великаны, самые большие на земле, самые могучие... Эти великаны — новостройки, первенцы нашей семилетки.

1. Поезд мчится сквозь тайгу. За окном кружат деревья, пролетают железобетонные столбы, поддерживающие над рельсами провод. Никакого топлива не нужно: машинист ведет электровоз.

Иркутск... Красноярск... Новосибирск... Не так давно здесь работали строители и монтажники. Они установили столбы и подвесили провод. Провод, длиннее которого нет нигде в мире: он растянулся на 5 335 километров — от Иркутска до Москвы!

Самая большая электрифицированная железная дорога США имеет протяженность всего лишь 2 тысячи километров.

2. А это уральский богатырь. Называется он прокатный стан «2500». Он установлен на Магнитогорском металлургическом комбинате.

Стан поражает своими размерами: он так огромен, что весит около тридцати тысяч тонн! Десять мощных клетей, одну из которых вы видите на фотографии, обжимают раскаленную сталь. От клети к клети по транспортерам — рольгангам непрерывно, с невиданной скоростью — свыше 12 метров в секунду (это скорость поезда!) — несется стальная полоса. На своем пути она, постепенно расплющиваясь, превращается в листы шириной до двух с лишним метров. Таких широких листов у нас не прокатывал еще ни один стан. А они очень нужны в автомобилестроении!

3. Не узнать матушку Волгу! Когда-то она спокойно, перекатываясь через мели, огибая острова, несла свои воды в Каспийское море. И никто не думал, что ленивые волны за год уносят 14 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Теперь эта энергия в руках человека. В самой широкой части Волги поперек нее встала огромная плотина, выросла Сталинградская ГЭС — самая крупная в мире. Мощность двадцати одной ее турбины — 2 миллиона 415 тысяч киловатт! Она вырабатывает энергии в 7 раз больше, чем все электростанции царской России.

4. Гордость всех советских металлургов — Криворожская домна. Подобной домны еще не было на свете. В сутки она поглощает тысячи тонн кокса и несколько эшелонов железной руды! Представляете себе, сколько же она выплавляет чугуна! Но главное — всю работу в печи ведут механизмы и автоматы, человеку остается только контролировать их. Чудо-домна построена очень быстро — меньше чем за одиннадцать месяцев. Пройдет немного времени, и в нашей стране вырастут другие домны-гиганты, еще более мощные и совершенные.

великана

КТО ТАКИЕ ПЕРЕДВИЖНИКИ

Римма КАНДЕЛАКИ

Тот, кто побывал в московской Третьяковской галерее и ленинградском Русском музее, наверно, на всю жизнь запомнил чудесные творения кисти великих русских художников-передвижников: «Грачи прилетели» Саврасова, «Проводы покойника» Перова, «Бурлаки» Репина, «Боярыню Морозову» Сурикова, «Утро в сосновом бору» Шишкина и еще много других великолепных полотен, таких родных и близких нашему сердцу!

Велико наследие, оставленное нам передвижниками!

До этих художников народа как героя в русской живописи по-настоящему не было. Они ввели его в свои картины каждый по-своему. Одни передвижники обращались к темам из крестьянской жизни, показывая горе народное, разорение и угнетение бедняков. Другие выбирали сюжеты в величественных мгновениях русской истории, где народ русский показал несгибаемую силу духа. Третьи оставили нам великолепные портреты-характеристики своих замечательных современников: композитора Мусоргского, поэта Некрасова, писателей Льва Толстого, Федора Достоевского. А некоторые запечатлели на холсте родной русский пейзаж с такой любовью и таким проникновением, какого до того не знала русская живопись.

Но почему этих художников прозвали так необычно — «передвижники»?

Стремясь сделать искусство общедоступным и подлинно народным, они образовали примерно девяносто лет назад «Товарищество передвижных художественных выставок». Выйти из столичных выставочных залов, двинуть картины в провинцию, в самые отдаленные, глухие углы, туда, где десятки тысяч людей не видали никогда произведений искусства, — вот чего хотели передвижники.

Много таких «медвежьих углов» было в старой России. Культурная жизнь сосредоточена была в Москве, Петербурге, Киеве... А провинция тонула в невежестве, скуке, однообразии.

И вот картины передвижников поплыли по Волге, поехали по железной дороге, проникли в дальние городки. Впечатление от такого события было колоссальное. Передвижные художественные выставки будили общественную мысль, развивали в людях любовь к искусству, вызывали к жизни новые таланты.

Творения Репина, Крамского, Сурикова, Шишкина, Ярошенко, Левитана и других мастеров становились достоянием всей России. Каждый мог их видеть, обсуждать, учиться у них.

Искусство само шло к народу. Это было выдающимся по тем временам событием.

Передвижник Минченков вспоминает, как однажды к устроителям дореволюционной передвижной выставки подошел молодой рабочий и произнес, смущаясь, нечто вроде маленькой речи: «Я от кожевников... как бы сказать... поблагодарить... Спасибо вам, художники, что пускаете к себе на выставку и выводите нас в людское положение». «А потом размахнулся широко и весело хлопнул по руке тяжелой ладонью. От его рукопожатия стало и больно и как-то свежо!» — пишет художник.

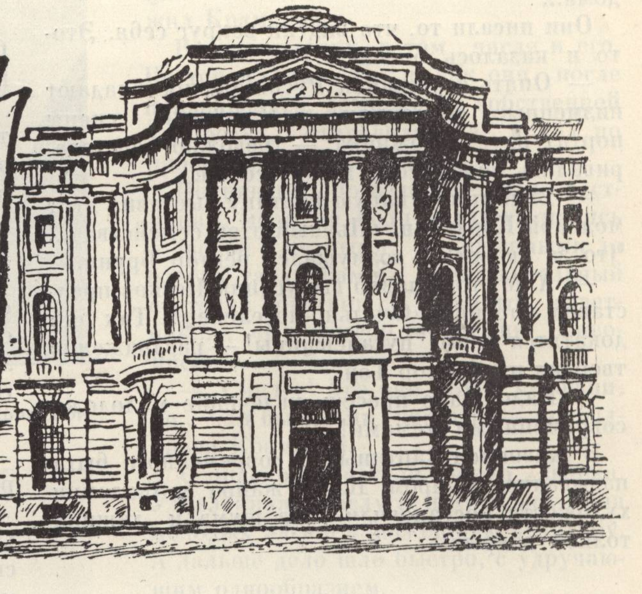
«Товарищество передвижников» со временем окрепло. Его выставки в России устраивались ежегодно, картины многих передвижников выставлялись и за границей. В чужих странах, где прежде ничего не знали о русской живописи, полюбили искусство Репина, Поленова, Сурикова, Шишкина, Куинджи, Верещагина и других наших мастеров.

Большие реки берут начало от маленьких ручейков, вот и передвижничество родилось, казалось бы, из небольшого происшествия: из «бунта маленькой кучки студентов, учеников Петербургской академии художеств.

Молодых живописцев возмущала мертвечина и академичность, царившие в стенах художественного учебного заведения. Они роптали втихомолку. Открытый протест осмелилась заявить только одна небольшая группа выпускников Академии художеств. Эти молодые художники читали произведения революционных демократов — Белинского, Добролюбова и Чернышевского — и были передовыми людьми своей среды.

Царское правительство испугалось неожиданного протеста. Профессора старались, чтобы никто из учащейся молодежи не узнал о том, что случилось.

БУНТ ТРИНАДЦАТИ

Из книги «Рассказы о передвижниках»

А случилось вот что.

Пока в парадных залах императорской Академии художеств царила ничем не возмутимая тишина, пока в канцелярии вице-директора скрипели гусиные перья письмоводителей и капал сургуч на подготовленные для выпускников 1863 года дипломы «художника первой степени», «художника второй степени», «художника третьей степени» (странная ведомственная табель о рангах, перенесенная чиновниками в искусство), в мастерских наверху все кипело, бурлило и волновалось.

Здесь царствовали «самобытники» — те самые, против кого метал громы и молнии ректор Бруни, остерегаясь, впрочем, называть имена и фамилии.

Потому что это была надежда Академии. Ее сильнейшие рисовальщики, ее лучшие молодые живописцы.

К сожалению, как единодушно отмечали профессора, эти молодые люди поддались вредному вольнодумству. Они отрицали классицизм в живописи, им надоела мифология, и они выдумали собственную теорию: будто бы прошло время подражать Западу, а пора идти в искус-

стве собственным, самобытным путем. Писать свое, родное, русское. «Правда жизни!» — таков был их девиз.

Почтенных профессоров не на шутку тревожила эта «правда жизни». Кто знает, куда она заведет сумасбродных?

Тем более, что «опасная теория» подкреплялась делом.

Молодежь этого выпуска (в большинстве своем небогатая, из провинций) завела обычай ездить летом на этюды в родные деревни. И оттуда привозила свежие, выразительные эскизы и наброски будущих картин: разлив могучей реки и одинокая избушка на берегу; согнутая фигура крестьянки, жнущей рожь на узкой полосе; странник с котомкой, бредущий по грязной дороге; деревенское кладбище; сироты у гроба матери; старушка-крестьянка, плачущая о проданной корове; мужик в тулупе у разбитой телеги; понурая лошаденка, терпеливо дожидающаяся хозяина возле питейного дома...

Они писали то, что видели вокруг себя. Это-то и казалось опасным.

— Опять сермяжная Русь! Да, преобладают низменные тенденции... Народные сцены портят вкус художника! — тревожно переговаривались профессора между собой.

— Вспомните, какую картину выставил этот молодой Корзухин: «Пьяный отец семейства»... Что за сюжет! — возмущался ректор Бруни.

— А не столь давно выпускник Песков представил картину «Ссыльно-поселенец». Так они докатятся и до пугачевщины! — раздраженно твердил профессор Тон.

— Надо, надо пресечь увлечение молодежи современными темами!

В живописи картины из современного быта назывались жанром. Класс жанра в Академии художеств постановили без шума и лишних толков закрыть.

Нет! Так дальше продолжаться не может! Молчать опасно... Они могут навязать нам свои заплесневелые сюжеты насильно! — вырвалось у одного из старшекурсников, высокого и сухощавого, с проницательными серыми глазами Крамского. Он беспокойно ходил по мастерской, нахмурившись и заложив руки в карманы.

— Интересно, что готовят нам профессора на сей раз? Какую библейскую ахинею должны мы написать для конкурса? — язвительно подхватил его товарищ по выпуску, болезненно бледный Михаил Песков. — Пора бы знать! Ведь до экзаменов осталось совсем немного...

«Пожалуйте на ноты». Ф. Журавлев.

Выпускники стали припоминать конкурсные темы прежних лет. Тщательно продуманные, выношенные в кабинетной тиши классические перлы профессорского воображения поражали молодых художников своей бессмысленностью.

К примеру:

«Самосожжение Геркулеса на костре в присутствии его друга Филоктета по получении смертоносной одежды от бывшей его возлюбленной Денониры, похищенной кентавром Несусом».

Или другая заданная профессорами тема:

«Испытание силы богатыря Яна Усмара, вырывающего кусок мяса из бегущего быка».

— За картину «Испытанье силы» Евграф Сорокин умудрился вырвать у профессоров своего рода кусок мяса — Большую золотую медаль! — напомнил кто-то. Это вызвало общий смех.

Посмеялись над обжорой и хитрецом Евграфом Сорокиным. И лица молодых художников снова омрачила тяжелая дума. Высказал ее вслух выпускник Фирс Журавлев:

— Итак, мы скоро закончим курс, а сами не знаем, правильно ли нас обучали в Академии. Не потеряли ли мы попусту бесценные годы молодости, занимаясь бесконечным копированием застывших форм антиков? Допустим, одному из нас повезет. Допустим, это буду я,— он обвел друзей задумчивым взглядом,— наградят меня Большой золотой медалью, пошлют в Италию на шесть лет. Что это даст счастливцу? Обязанность еще шесть лет,— итого, считайте

двенадцать! — копировать антики, фрески... До седых волос писать чужое, забыв о родном!

Тут все зашумели, повскакав с мест, и заговорили разом, перебивая друг друга. Общий гомон покрыл звучный голос Крамского:

— Мы не дети. Не юноши. Многим из нас под тридцать. Что нам медаль! У каждого из нас есть нечто более дорогое: своя тема в искусстве. Давайте, друзья, обратимся в совет Академии с просьбой отменить мифологические сюжеты и разрешить заканчивающим курс свободно выбрать тему для предстоящего конкурса. Кто знает! Может быть, и согласятся... Ведь скоро столетие Академии художеств, и его хотят ознаменовать чем-то выдающимся.

— Вот это дело! Наш «дока» всегда выручит! Попытка не пытка,— заговорили одобрительные голоса. Все взгляды с любовью устремились на Крамского. — Пиши, Иван Николаевич.

Пляж. И. Крамской

Сидящий мальчик. И. Крамской.

Крамской, улыбаясь одними глазами, согласился.

Мольберты отодвинуты. Все сгрудились вокруг колченогого столика, за которым уселся Крамской.

Молодые люди принялись сочинять послание совету Академии художеств в самых почтительных, вежливых выражениях. Опасно было разгневать суровых «олимпийцев». Но и свою позицию хотелось выразить твердо, отчетливо. Нелегко было написать такой документ, но они его написали.

И поставили внизу тринадцать подписей: Крамской, Вениг, Корзухин, Журавлев, К. Маковский, Дмитриев-Оренбургский, Петров, Литовченко, Шустов, Морозов, Григорьев, Песков и Лемох.

Несколько позднее к ним присоединился еще один выпускник Академии — скульптор Крейтан.

— Давайте теперь выберем делегацию. Не ходить же ватагой! — предложил Крамской.

Выбрали троих, в том числе и его. Не теряя времени и, как они после признавались, замирая от собственной храбрости, отправились в поход по профессорским квартирам.

Поднявшись по великолепным лестницам, молодые люди подолгу мялись у дверей с медными, начищенными до блеска табличками: «Действительный статский советник...», «Тайный советник...», «Профессор, академик живописи...»

— Смелее! Все они тоже художники... или были ими когда-то,— подбадривал Крамской.

С опаской дергали шнур звонка. Удивленная прислуга нехотя впускала молодых людей в роскошную квартиру. А дальше дело шло быстро, с удручающим однообразием.

— Вы написали глупости, вы сами не пони-маете, что вы написали! — раздраженно отчитывал молодых людей полуслепой профессор Басин.

— Все вздор, в Европе тот же порядок конкурса, и незачем его менять,— подтвердил любимец учащихся маститый скульптор Пименов.

А больной, желчный профессор Тон выпрямился в кресле и закричал негодуя:

— Случись такое раньше, вас бы всех в солдаты!

Мягче прочих принял депутацию ректор Академии Бруни. Предложил уча-

щимся сесть. Выслушал их речь с полузакрытыми глазами. Потом, соединив пальцы холеных рук и мерно покачивая в такт серебристой головой, начал уверять, что «понимает» запросы молодежи, «даже сочувствует им», но...

Надо доложить обо всем совету Академии. Обсудить. Вынести общее решение. Тогда им сообщат.

Уйдя от Бруни, все почувствовали, что дело проиграно.

Живой, подвижной Журавлев на лестнице не выдержал, ударил кулаком в стену:

— Толща-то какая! Эти стены пушкой не прошибешь. А мы думали словом пробить.

Полтора месяца длилось глухое молчание. Выпускникам ничего не отвечали. Выпускники нервничали, волновались. Оставался самый небольшой кусочек времени для подготовки каждого к серьезнейшей работе — созданию картины. А они даже не знали, быть ли таким картинам! И быть ли им самим в Академии.

Однажды в мастерской в минуту общего тяжелого раздумья Крамской, порывшись среди холстов и ящиков с красками, достал затрепанную, с подклеенными и нитками прошитыми листами книжечку журнала «Современник». Прочел вслух:

«...всякое важное дело человека требует сильной борьбы с природою или другими людьми...»

Друзья подняли головы, насторожились.

«Пусть всегда нужна борьба; но не всегда борьба бывает несчастна. А счастливая борьба,— с воодушевлением читал Крамской, незаметно для себя самого выпрямившись во весь рост,— как бы она ни была тяжела, не страданье, а наслаждение...»

Бережно сложил книжечку, спрятал ее за пазуху:

— Писал Чернышевский Николай Гаврилович. Так пусть сбудутся его слова: пусть наша борьба за русскую живопись будет счастливой борьбой!

Пастушок с дудочкой.
К. Маковский.

Незаметно подошло 9 ноября 1863 года. Всем выпускникам, или, как их тогда называли, «конкурентам», Академии художеств приказано было в этот день явиться в конференц-зал за получением ответа.

Ощущая важность решающей минуты, хотя и не ведая еще, что их ждет, все тринадцать явились точно в назначенный час. По уговору каждый в боковом кармане принес заранее приготовленное заявление об уходе — «на крайний случай». Но кто знает, может быть, обойдется и без крайностей? Все-таки сердца их замирали.

Старинные часы с музыкой пробили десять.

Двери конференц-зала как бы сами собой открылись. Группа учеников вошла, скромно поклонилась профессорам и стала в правом углу зала.

Перед ними в глубине, за овальным столом, крытым зеленым сукном, сверкали мундиры, ордена, звезды и ленты; сияли лысины, блестели седины. В центре особо выделялся генеральский мундир с толстыми эполетами. Над ним белела расчесанная надвое пушистая борода. «Наш вице-президент,— подумал Крамской мимоходом,— князь Гагарин... собственной персоной».

Вице-президент поднялся, держа на отлете бумагу белой, одутловатой рукой. Негромко, невнятно, но как-то особо внушительно прочел: «...совет императорской Академии художеств к предстоящему 100-летию Академии избрал для конкурса на Большую золотую медаль сюжет одной из скандинавских саг: «Пир в Валгалле». Тема общая для всех конкурирующих».

Мертвая тишина. Вице-президент откинул голову, поправил пенсне и оглядел учеников, стоявших темной, сплоченной группой в углу.

— Вам ясно? Каждый из вас в меру своих способностей должен изобразить пир в Валгалле. На троне — бог Один, окруженный богами и героями. На плечах у него два вóрона. В небесах, сквозь арки дворца Валгаллы, в облаках видна луна, за которою гонятся волки...

Читал долго, перечисляя скандинавских богов первого и второго ранга. Закончил с округлым жестом:

— Как замечательна такая тема и насколько она позволяет проявить талант каждого из вас, разъяснит вам уважаемый ректор Академии Федор Антонович Бруни!

Справа от президента тихо поднялась внушительная, красивая фигура ректора, сияющая орденами и звездами. Тихим, скользящим по паркету шагом танцора Федор Антонович направился к ученикам.

Неожиданно наперерез ему из угла зала стремительно вышел Крамской. Ректор вынужден был остановиться. Все замерло. Головы профессоров обернулись в одну сторону. Решительным и против воли рвущимся голосом делегат учащихся отчеканил:

— Мы уже подавали прошение об изменении решения Академии, но наша просьба, как видим, не уважена. Если так, просим совет освободить нас совсем от участия в конкурсе и выдать нам дипломы свободных художников.

— Все? — раздалось откуда-то из-за стола.

— Все,— отвечал Крамской.

Бунтари стали по одному выходить из зала. Каждый, проходя перед маленьким столиком, за которым сидел секретарь, клал на стол свое заявление о выходе из Академии. Последним, высоко подняв голову, вышел Крамской.

Двери конференц-зала закрылись за ними бесшумно и навсегда.

Поспешно одевшись в полутемной шинельной, молодые художники, не сговариваясь, гурьбой повернули к парадной лестнице. Сюда им было нельзя: для воспитанников Академии существовал особый выход — узкий и темный, с винтовой лестницей. Но сегодня не хотелось уходить черным ходом, по которому много лет назад они вошли, благоговея, в это здание. Сейчас им требовался главный ход!

Они прошли в последний раз мимо растерявшегося швейцара, мимо колонн и античных скульптур. И вышли на набережную.

Неласково встретил бунтовщиков хмурый ноябрьский вечер.

С Невы бил шальной, пронизывающий ветер. С Балтики налетали снежные вихри. Чернели барки. Плыло «сало» — первый на реке лед. Город на том берегу залег, враждебный и угрожающий. Мигая огоньками, поглядывал на смельчаков недобрым стооким взором.

— Карету его сиятельству! — рявкнул позади бас околоточного.

Они отпрянули, отскочили в сторону. Подъехала придворная карета. Звеня копытами, блестяще-вороные кони рвались с места, еле сдерживаемые исполинским кучером. Бряцая шпорами и подняв бобровый воротник, сбежало по ступеням его сиятельство. То самое, которому они только что осмелились противостоять в конференц-зале.

Княжеская спина выражала гнев, оскорбленное величие. Щелкнула дверца кареты. Вороные кони, присев на задние ноги, внезапно рванули, и карета унеслась в снежном вихре. На набережной стихло все, кроме леденящего ветра.

— Куда же мы теперь пойдем? — робко спросил Кирилл Лемох, зябко кутаясь в старенькую шинель и оглядываясь кругом испуганными глазами.

С минуту все молчали.

— За мной, за мной! — позвал Крамской.

Он шел впереди, рассекая грудью упругий воздух и стиснув зубы, как это делает каждый человек, двигаясь против бури. Его скуластое лицо посерело, глаза сузились. Свободной правой рукой он обхватил плечи дрожащего от холода Пескова.

— Веселей, солдатушки, бравы ребятушки! Сейчас чаю горячего напьемся у меня на квартире. Сделаем пунш. Отметим этот необыкновенный день. И обсудим действительно главнейший вопрос: куда мы теперь пойдем?

Остановился, оглядел товарищей глубоким, сосредоточенным взглядом.

— Мне думается, пойдем мы теперь к созданию русской национальной школы живописи. В этом весь смысл нашего бунта... Иного пути у нас нет.

Считайте быстрее

Как умножить число на 10! Любой из вас знает, что достаточно приписать к этому числу один ноль, и ответ готов.

А если нужно перемножить другие двузначные числа! Тут уже больше работы, и чтобы делать ее быстро, существуют различные «хитрые» способы. Вот несколько способов быстрого умножения. Датский коммунист Кристиан Хансен из города Хёрнинг прислал их в своем письме. Он думает, что эти способы быстрого счета понравятся вам, ребята.

I

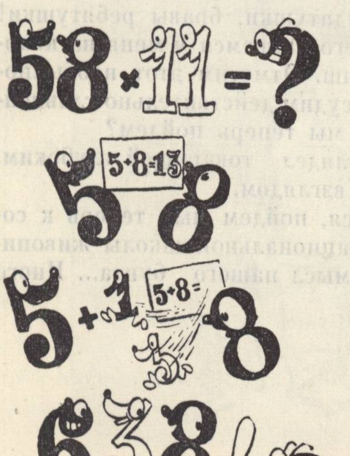
Чтобы умножить на 11 двузначное число, достаточно сложить его цифры и вписать их сумму в середину. Например:

34 × 11 = 374; (3 + 4 = 7)
53 × 11 = 583; (5 + 3 = 8)

Если сумма получится больше 10, то число сотен надо увеличить на 1.

84 × 11 = 924; (8 + 4 = 12)
58 × 11 = 638; (5 + 8 = 13)

Так же легко умножать на 11 и большие числа. Например: 413527 × 11. Первую и последнюю цифру оставляем без изменения: 4... 7, а между ними вписываем суммы каждых двух соседних чисел: 4 + 1 = 5; 1 + 3 = 4; 3 + 5 = 8; 5 + 2 = 7; 2 + + 7 = 9. Получается: 4 548 797. Там, где сумма двух цифр больше 10, предыдущее число увеличивается на 1.

II

При перемножении двузначных чисел, лежащих между 10 и 20, нужно к одному числу прибавить единицы другого, затем к полученному приписать ноль и прибавить к этому произведение единиц обоих чисел.

Это правило кажется запутанным, но в самом деле оно совсем легкое, и вы его хорошо запомните, поупражнявшись всего лишь несколько минут.

Вот, например: 17 × 18. Складываем: 17 + 8 = 25. Приписываем ноль: 250. Перемножаем единицы: 8 × 7 = 56. Складываем: 250 + 56 = 306.

Еще пример: 16 × 13; 16 + + 3 = 19; 190; 6 × 3 = 18; 190 + 18 = 208.

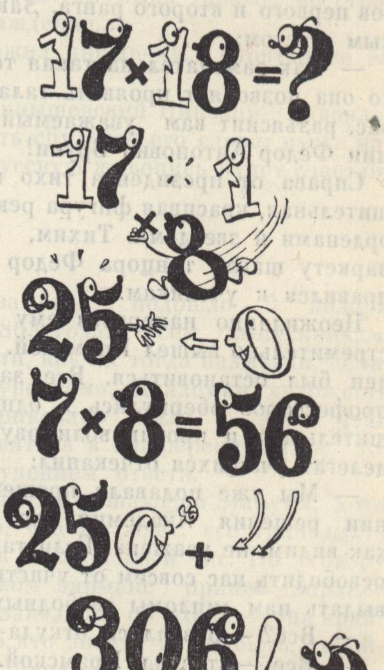
III

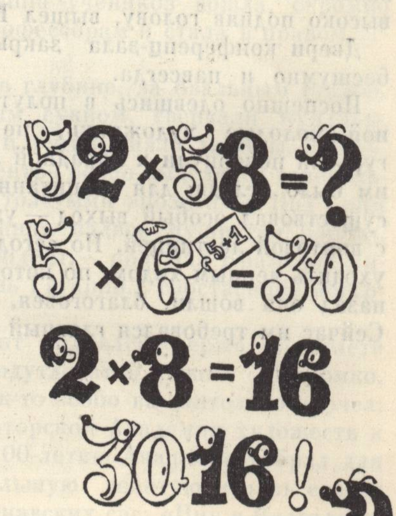
Легче всего перемножать числа, у которых десятки одинаковы, а сумма единиц равна 10. Например: 73 × 77 или 42 × 48 и т. п.

В этом случае достаточно число, обозначающее десятки, помножить на число, увеличенное на единицу, и записать полученное произведение, а затем перемножить единицы обоих сомножителей и полученное приписать к первому произведению.

Посмотрите, как это просто. 74 × 76; 7 × 8 = 56; 4 × 6 = = 24. Получается 5 624.

Или: 52 × 58; 5 × 6 = 30; 2 × × 8 = 16; 3 016.

Кошачья дача

Стихи Н. КОРДО

Рисунки А. Брея.

Ура! Открылась дача
для кошек и котов!
— Огромная удача! —
скажу без лишних слов.
Теперь любая кошка
от дел вздохнет немножко.
Освободится кот
от множества забот.
Тут
шустрые котишки
играют в «кошки-мышки».
Котята вечерком
читают «Кошкин дом».
По временам
на даче
идет концерт кошачий.
Поют коты
(поистине
нет музыки таинственней).
Поют,
взобравшись на помост:
«О, не тяни кота за хвост!»
Шумливых дачников орава
кричит в восторге:
«Мяу! Браво!»
Певцам несут из-за кулис
большой кулек конфет
«Кис-кис».

Тут горы есть,
Тут море есть.
Тут лодки блещут лаком...

Чудес
в моем стихе — не счесть,
а правды — кот наплакал.

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

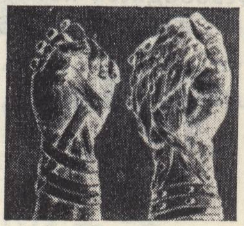

Обходчики под облаками

В морозный воскресный денек, когда из-за белоснежных крыш выползает огненно-рыжая шапка солнца, чехословацкие ребята, захватив лыжи, уезжают в горы Крконоши. Подвесная канатная дорога поднимает их на высоту 2 634 метра. За исправностью дороги днем и ночью следят путевые обходчики. Сколько ловкости и мужества нужно, чтобы на такой высоте, когда под ногами бездонная ослепительно-белая пропасть, сбить с тросов и столбов колючую ледяную корку!

Первые перчатки

Какие странные руки! Что на них—бинты? Нет, это первые боксерские перчатки. Выходя на кулачный бой, спортсмены Древней Греции переплетали кисти рук такими кожаными ремнями.

Горячий лед

При какой температуре тает лед? Легче он или тяжелее воды? Конечно, любой из вас ответит: лед тает при нуле градусов, он легче воды, и поэтому не тонет.

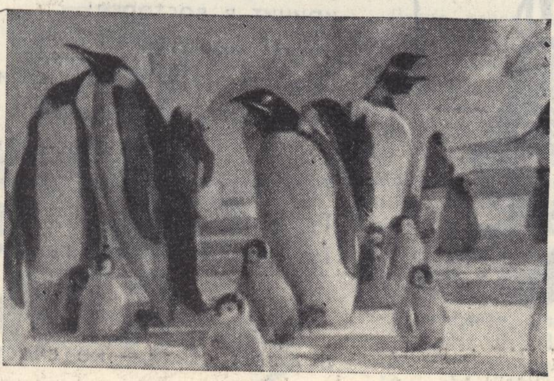
А физики скажут: это правильно, если речь идет о льде I. Но, кроме него, есть еще семь разновидностей льда. В природе их не встретишь: они получены в лабораториях при очень высоких давлениях и сильно отличаются от обычного льда.

Так, например, лед VIII, полученный под давлением в 22 тысячи атмосфер, уже не легче воды, а в полтора раза тяжелее ее. И тает он не при 0°, а при плюс 82°. При более высоком давлении (39 тысяч атмосфер) температура плавления льда — плюс 182°.

Значит, взяв в руку кусок тающего льда VIII, можно получить тяжелые ожоги. Впрочем, взять его в руки вам не удалось бы: при нормальном атмосферном давлении он с грохотом превращается в воду и при этом выделяет много тепла, возвращая таким образом энергию, затраченную на его сжатие.

Б. Мерков

Радиопередатчик в яйце

Пингвины высиживают своих детей в суровых условиях антарктической зимы, и зоологов давно интересует вопрос, как это им удается. Насколько нагрето яйцо? При какой температуре идет развитие зародыша?

С другими птицами проще: можно поместить в гнездо приборы и узнать. А как быть с пингвинами, если они никаких гнезд не устраивают? Они держат яйцо на лапах, прикрывая его особой жировой складкой на своем животе. Отец и мать высиживают по очереди, передавая яйцо друг другу. Держа яйцо на лапах, они умудряются даже передвигаться с места на место.

Биолог Карл Эклунд придумал такую хитрость: разрезал скорлупу пингвиньего яйца на две части, удалил его содержимое, а в скорлупу вмон-

тировал маленький овальной формы радиопередатчик. Затем он аккуратно склеил скорлупу. Радиопередатчик посылал сигналы о температуре внутри яйца, а другой аппарат, настроенный на «пингвинью волну», принимал эти сигналы.

Оказалось, что средняя температура внутри яйца никогда не опускается ниже 28,8° по Цельсию, даже в то время, когда пингвины переносят яйцо с одного места на другое.

Б. Бойко

Крокодилья ферма

Эта удивительная ферма находится на Кубе, на берегах Лагуны Сокровищ.

Металлическими сетками огорожены на воде большие загоны. Стоит только приблизиться к ним, как в нос ударяет запах гнилого мяса — любимого лакомства аллигаторов. Из воды высовываются корявые стволы деревьев, а на них сотни крокодилов! Лежат и нежатся на солнышке. Если у вас есть желание, можете легонько похлопать какого-нибудь «малыша» по зеленоватой лакированной спине — он даже не шелохнется.

Аллигаторы расселены по возрасту. Самый длинный загон занимают крупные крокодилы. Одному из старейших его обитателей тридцать пять лет. У него пятиметровая «фигура» и солидный вес, равный весу коровы.

Да какая польза, спросите вы, разводить этих зубастых обжор? А вот какая: кожа крокодилов прочна, красива и очень высоко ценится.

Интересно наблюдать, как ловят хищников. Вот молодой кубинец, работник фермы, ловко бросил лассо на пасть «мачо» — крупного самца — и затянул петлю. Широко раскрытая пасть захлопнулась. Работник зовет помощника, и они вдвоем вытягивают крокодила из воды.

Л. Големба

Школа в лесу

Уже несколько лет отцы и матери этих ребят ведут борьбу с французскими колонизаторами. На алжирской земле погибло свыше миллиона патриотов. Стерты с лица земли многие деревни. Но народ Алжира не забывает о детях. В глубине лесов, под открытым небом для них устроены школы. Уроки ведут раненые бойцы народной армии.

Поддельный череп

О поддельных монетах и о фальшивомонетчиках знает всякий. Но приходилось ли вам слышать когда-нибудь о поддельном черепе? Казалось бы, кому и зачем это делать?

Представьте, такой человек нашелся.

В начале нынешнего века англичанин Даусон объявил о поразительной находке. Он нашел в земле череп. Судя по размерам черепной коробки, череп принадлежал существу с большим, развитым мозгом — человеку, а по форме нижней челюсти выходило. что это череп обезьяны.

За открытие Даусона с радостью ухватились ученые, которые хотят доказать, что белые люди принадлежат к высшей расе.

«Вот видите,— говорили эти ученые,— у людей белой расы особое происхождение. Их далекий предок, «человек Даусона»,— обезьяна с большим мозгом, не похожая на предков других людей».

Против этого выступали передовые ученые и в первую очередь ученые нашей страны. Они утверждали, что законы развития человечества едины, а значит, нет высших и низших рас.

И вот недавно оказалось, что правы те, кого не сбил с толку «человек Даусона». Необыкновенный череп оказался обыкновенной подделкой. Когда его подвергли исследованию на радиоактивность, оказалось, что степень радиоактивности костей черепной коробки и нижней челюсти разная. Значит, они относятся к разным эпохам. Черепная коробка принадлежала доисторическому человеку, а челюсть — современному шимпанзе.

Л. Клейн

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

САНДА

Ю. ГАВРИЛОВ

Фото А. Лосева.

Рисунки В. Константинова.

Конго — очень большая река. Делая гигантские петли, она дважды пересекает экватор. Там, где она впадает в Атлантический океан, — несчетное множество островов. Поэтому трудно даже сказать, какова здесь ее ширина: когда плывешь, никогда не знаешь точно, что перед тобой — берег реки или остров. В устье Конго обитает гостеприимное негритянское племя баконго. Оно занимается рыболовством, а на больших островах — и сельским хозяйством. Каждый год здесь выжигают траву на полях, а потом сеют сладкий картофель, просо или маниок — растение с толстыми сочными корнями.

Эдуа и его племянник Санда — жители маленького островка. С ними я познакомился в прошлом году, во время путешествия по Африке. Оба они рыбаки. Своей пирогой, деревянной остроносой лодкой, выдолбленной из цельного ствола, они управляют стоя, с помощью длинного весла.

Эдуа уже немолодой человек, он долгие годы рыбачит на Конго. А сколько лет Санде?

— Одиннадцать? — спросил я.

Наверное, ответил Эдуа.

— А может быть, десять?

— Может быть, — сказал Эдуа.

Санда молчал. Он не знал, сколько ему лет. Он не умел считать.

Из всего населения острова только Эдуа учился в школе. У него хранится школьная тетрадь в синей обложке — единственная на весь остров. Несколько страниц в ней заполнено буквами французского алфавита. Показывая мне тетрадь, Эдуа рассказал маленькую историю, которая незадолго до нашей встречи произошла с его племянником...

* * *

Санда встал очень рано. Солнце еще не выглянуло из-за пальмовых крон, когда он неслышно сполз с циновки. Сделав несколько осторожных шагов к берегу, он оглянулся: не проснулся ли кто? Вся их большая семья, человек двадцать, спала

прямо на земле, под навесами, сплетенными из веток и пальмовых листьев. Эти навесы защищают только от солнца. Бурный тропический ливень выбивает листья, и крышу после каждого сильного дождя приходится делать заново.

Подкравшись к пироге, наполовину вытащенной на песок, Санда достал со дна ее широкий длинный нож, нырнул в заросли банановых деревьев и срезал тяжелую гроздь плодов. Штук двадцать. «На день хватит», — решил он.

Стараясь не шуметь, мальчик столкнул в воду пирогу и направил ее в неширокую протоку между двумя островами. Там течение не такое сильное, как на середине реки; и к тому же, если устанешь грести, можно отдохнуть, ухватившись за лианы, которые свисают с деревьев на берегу. Лиан очень много. Те, что еще не коснулись воды, мягкие и сочные, — их легко переломить. Но стоит им погрузиться в воду и уцепиться за дно, как они сразу деревенеют. Некоторые острова почти целиком окружены забором из лиан. Чтобы выйти на берег, приходится прорубать проход ножом.

Лодка Санды скользила от острова к острову, из одной узкой протоки в другую. Порою кроны могучих деревьев плотно смыкались над головой, и мальчик двигался в зеленом полумраке.

Куда он плывет? Этого Санда и сам толком не знал.

Он знал только, что остров, на который он хотел попасть, называется Матеба и лежит вверх по реке, за порогами. Это страшные пороги. С ревом перекатывают там через груды камней коричневые воды Конго. Однажды Санда спросил у дяди Эдуа, далеко ли до порогов. Тот сказал: «Тебе — один раз отдыхать». Значит, в пути придется сделать остановку, иначе не хватит сил.

Пороги давно манили Санду. Только немногие мужчины с их острова — самые сильные, — захватив сети с белыми деревянными поплавками, ездили ловить рыбу к порогам, да и то не каждый день. Санда не раз просил, чтобы они взяли его. «Подрастешь — сам поедешь», — отвечали ему.

Рыбаки возвращались поздно, но их всегда ждали. К их приезду на берегу пылал большой костер. Рыбаки привозили большую добычу. Рыбы

Вот на такой длинной-длинной пироге совершил свое путешествие Санда. Вы видите его самого на снимке: это второй мальчик слева. Справа — автор очерка Ю. Гаврилов.

были разные: широкие и плоские, темные и почти прозрачные, круглые, пучеглазые, с маленькими хвостами и большеголовые, усатые, с плавниками твердыми, как нож. А однажды рыбаки привезли черепаху. Ее панцирь до сих пор лежит в песке на берегу. Она была большущая — Санда не мог даже приподнять ее. Мальчик хорошо помнит тот вечер у костра, это был настоящий пир...

Солнце поднялось над лесом. Река проснулась. Перед носом пироги с плеском выпрыгнул круглый скат. По поверхности воды скользили змеи. Мальчик поддел одну из них веслом, и она, обвивая его, поползла вверх. Санда ударил веслом о борт. Змея безжизненной лентой упала в воду. Санда знал, что водяные змеи не ядовиты, и не боялся их. Однажды он видел, как дядя Эдуа рукой выбросил такую змею из пироги. Но сейчас ему было не до змей: он спешил.

Протоки вывели пирогу на главное течение Конго. Грести стало труднее. На секунду опустив весло, мальчик прислушался, не донесется ли шум воды на порогах. Но до них, видимо, было еще далеко.

Санда решил сделать передышку. Он повернул пирогу к берегу и завел ее под громадные, растопыренные над водой корни дерева джинки. Взяв нож и немного бананов, он полез по вымытому добела корню наверх. Там срезал с кустов несколько пышных зеленых веток и бросил в пирогу, чтобы она была не так заметна с реки.

Съев бананы, мальчик улегся в густой траве. Он отдыхал несколько минут. Вдруг легкий шорох в кустах заставил его насторожиться. Он сел и потянулся рукой к ножу. Шорох повторился. Не успел Санда вскочить, как из кустов выкатился мягкий желтый комок. Львенок! От неожиданности Санда замер. Неуверенно ступая, львенок двигался прямо к нему. Мальчик подхватил было его на руки, но тут же отпустил. Львица! Она должна быть где-то неподалеку. С нею шутки плохи. Надо бежать! В одну секунду Санда очутился в пироге и резкими взмахами весла погнал ее подальше от опасного берега...

Огибая острый мыс на повороте реки, он услышал ровный, несмолкаемый гул. Это был голос порогов. Вскоре Санда увидел их — частую, рассыпанную во всю ширь Конго цепь камней, вокруг которых яростно клокотала и взлетала вверх рваными клочьями вода.

Когда до порогов было уже совсем недалеко, мальчик выбрал проход между низкими камнями. Приблизившись к ним, он опустился на одно колено и лихорадочно заработал веслом. Вот первый камень уже позади. Теперь он гонит лодку вперед под прикрытием второго камня. Так... Еще немного!.. От носа пироги до второго камня расстояние не больше вытянутой руки. Но тут Санда заметил, что пирога стоит на месте. Она стоит посреди бурного, шумящего потока, несмотря на его отчаянные усилия...

Еще мгновение — и пирогу потянуло назад. Бросив весло в лодку, Санда ухватился обеими руками за мокрый камень. Но вода рванула лодку из-под ног, и мальчик полетел на дно пироги. Освободившаяся пирога понеслась по течению.

Едва задержав ее у берега, он хотел тут же снова броситься на пороги. Но силы покинули Санду. Он уцепился рукой за шершавую лиану и лег в лодке, прислушиваясь к гулу порогов. Если ему не удастся пройти их, то он не попадет на остров Матеба, и никогда-никогда не будет у него такой тетрадки, как у дяди Эдуа...

Санда сел. Нет, он должен пройти!

И вот лодка снова медленно, будто нехотя, приближается к порогам. Справа и слева поднялись темные камни. Еще рывок, еще... Каким тяжелым стало весло! Вода бьет в нос пироги, обдает Санду с головы до ног. Неужели и на этот раз он остановится посреди потока?.. Но вот

первая цепь порогов позади. Дальше, дальше!.. Скоро пирога поравняется с глыбой, похожей на голову слона. Санда перехватил скользкое весло, и в этот миг вода резко ударила сбоку и развернула лодку поперек течения. Ее стремительно понесло назад. В отчаянии Санда сделал несколько порывистых гребков. Пирогу прижало к камню.

Непроходимые заросли вечнозеленых кустарников и деревьев кое-где отступают и освобождают кусочек берега, к которому может причалить пирога.

Как быть дальше? Медлить нельзя: каждую секунду лодку может разбить. Санда оттолкнулся веслом и снова пошел в наступление. Он поставил лодку под углом к течению и налег на весло изо всех сил. Каменная глыба уже близко... рядом... позади! Дрожащий от возбуждения, Санда с трудом перевел дыхание. А спустя минуту лодка плавно удалялась от россыпи камней.

Теперь, издалека, они уже вовсе не казались такими страшными и непреодолимыми.

...Остров Матеба — самый большой в нижнем течении Конго. Целого дня не хватило бы, чтобы пройти его из конца в конец. Там много деревень. Но Санда думал об одном: на острове есть школа. Сюда ездил дядя Эдуа, отсюда привез он свою синюю тетрадь. Мальчик прихватил ее с собой. Но это все же не его тетрадь. А ему хотелось иметь такую же свою, с такими же линейками и им самим написанными буквами.

Спрятав пирогу под нависшими над водой ветками, Санда ступил на берег. Он быстро нашел едва заметную тропку, которая вилась среди невысокого кустарника, усыпанного бледно-розовыми цветами. Пройдя немного, он заметил, что тропу переползает длинная пестрая змея. Санда сразу узнал змею — это был нгали, питон, пожиратель птиц и крыс. Мальчику, вооруженному ножом, он не был страшен, но Санда все-таки остановился. Питон исчез в траве, и Санда двинулся дальше.

Тропа вывела его к небольшому полю, на котором работали два человека. Они понукали буйвола, тащившего неуклюжий деревянный плуг — цабу. Следом тянулась узкая полоска взрыхленной земли. Увидев мальчика, один из крестьян, очень высокий, широкоплечий, помахал рукой.

Санда подошел.

— Ты откуда? — спросил его высокий негр.

— Оттуда. — Санда показал на реку. — Я переплыл пороги.

— А где же твоя лодка?

— Там, у берега.

— Там? — удивился другой негр, державший в руке длинную палку, которой он погонял буйвола.

Он переглянулся с высоким. — Значит, ты шел через змеиный берег? Там нельзя ходить. Тебя не тронули змеи?

— Нет, — ответил мальчик.

— Зачем же ты приплыл?

— В школу, — сказал Санда. Он протянул высокому тетрадь дяди Эдуа.

Тот осторожно взял ее, посмотрел и передал погонщику.

Затем высокий сложил руки у рта рупором и крикнул, повернувшись в сторону леса:

— Ганга-а-а!

Чей-то голос отозвался из зарослей. Потом оттуда выбежал мальчик, ростом чуть пониже Санды. В его волосах торчали сухие колючки: он продирался через кусты.

— Ганга, он приплыл из-за порогов, — сказал высокий негр, очевидно, отец мальчика. Взяв у погонщика тетрадь, он протянул ее Ганге.

Шевеля губами, Ганга начал пристально всматриваться в надпись на обложке. Все молча ждали.

— Эдуа, — сказал наконец Ганга.

— Эдуа, — кивнув головой, подтвердил Санда, — это мой дядя.

— Я знаю Эдуа, — сказал негр с палкой. — Он приезжал сюда. Ходил в школу... А сейчас школа закрыта...

— Закрыта? — упавшим голосом произнес Санда. У него перехватило дыхание. Он вдруг почувствовал сильную усталость.

Высокий негр положил Санде руку на плечо.

— Ты, наверное, голоден, — сказал он. — Идем-ка с нами. Ганга, пошли.

Они направились через кустарник к опушке леса, где виднелись крыши небольшой деревушки. Санда впервые увидел хижины, но они ничуть не удивили его. Эти хижины мало чем отличались от привычных для него навесов, они тоже были сложены из ветвей и листьев.

У одной хижины, рядом с которой был разведен костер, они остановились.

— Садись, — сказал высокий негр Санде, а сам пошел в хижину. Он принес рыбу и, разровняв костер, положил ее на угли. Когда одна сторона подрумянилась, он перевернул рыбу.

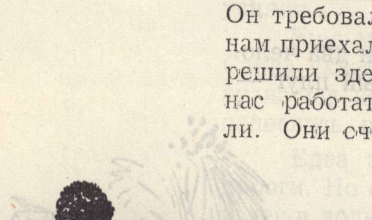
— Ну, ешьте, — сказал он немного погодя.

Мальчиков не надо было упрашивать.

— Так, значит, ты приехал в школу, — задумчиво произнес высокий негр.

Санда кивнул.

— Да, в нашем селении была школа. В прошлом году приехал один белый. Он сказал, что будет учить нас и наших детей. Мой Ганга тоже попал в школу. Учиться хотели почти все, но учеников у белого было мало. Он требовал, чтобы ему отдавали за уроки крокодиловую кожу. Потом к нам приехали другие белые — охотники. Им понравился наш остров, и они решили здесь остаться. Мы знали, что они приведут солдат и заставят нас работать на них. Мы пошли к белым и сказали, чтобы они уходили. Они очень разозлились, а учитель крикнул, что закроет школу и никто никогда не научится читать. Ведь среди негров нет учителей...

Отец Ганги умолк. Он достал из горячей золы костра несколько бананов, запеченных в листьях, и дал мальчикам.

— А что было потом? — спросил Санда.

— Белые ушли и сожгли хижину, в которой была школа. Пригрозили, что вернутся с солдатами. Ты, конечно, знаешь, недавно наша страна получила свободу, но белые никак не хотят оставить нас в покое...

Высокий негр поднял голову, взглянул на погрустневшего мальчика и добавил:

— Ты не горюй. У нас будет другой, добрый учитель. Когда он приедет, я пошлю за тобой Гангу. А сейчас собирайся-ка домой, скоро начнет темнеть... Ганга, — обратился он к сыну, — отвези его на лодке к змеиному берегу. Он пришел оттуда...

Мальчики встали.

— Постой, я тебе что-то покажу. — Ганга юркнул в хижину и тотчас же выскочил. В руках у него была тетрадь. Только что же это за тетрадь — толстая, с рисунками?

У Санды разгорелись глаза.

— Смотри! — Ганга протянул ему тетрадь. — Это книга.

Книга! Какое слово — «книга»! Санда повторил его несколько раз вслух.

Он бережно взял книгу в руки и всю дорогу до реки молча разглядывал ее.

Мальчики сели в пирогу — она была чуть длиннее, чем у Санды, и с двумя веслами. Ганга погнал ее вдоль берега.

Санда спросил:

— Где ты взял книгу?

— Ее привез белый, который учил нас, — ответил Ганга. — Она всегда лежала у него на столе. Когда подожгли школу, я спрятался в кустах. Белые ушли, а я проскочил через огонь и схватил книгу. Ну, где тут твоя лодка?

Санда отыскал свою лодку. Он прыгнул в нее и готов уже был оттолкнуться от берега. Ганга молча смотрел на него.

— Ганга, дай мне книгу.

Эти слова как-то сами собой вырвались у Санды. Он замер, ожидая отказа. Кто же захочет расстаться с книгой?

Ганга молчал.

Затем он медленно нагнулся, поднял книгу, лежащую на дне пироги, и протянул Санде:

— На!

Мальчик задохнулся от волнения. Он не знал, как благодарить Гангу. Но тот уже ударил веслом по воде.

Санда не замечал, как несло его пирогу течением по середине Конго, как пролетел он пороги. И только возле самого острова, где он жил, радость Санды сменилась горечью. Да, у него есть книга, и еще какая красивая, но он не может прочитать в ней ни одной буквы!..

★

Тебе, дорогой читатель, наверное, известно о событиях в Республике Конго, где живет мой маленький друг Санда. Колонизаторы пытаются силой отнять у конголезского народа завоеванную им независимость. Бельгийские бомбы падают на мирные негритянские деревни. Умирают от голода дети. Зверски убит национальный герой конголезцев, премьер-министр республики Патрис Лумумба.

Но народ Конго не сдается. Он отважно сражается в неравной борьбе с наемниками колонизаторов.

Трудна борьба. Немало погибло в ней храбрых патриотов. Но только борьба ведет к цели. В борьбе рождается свобода конголезцев, в ней рождается счастье маленького Санды.

★

Пионерия шагает по земному шару

Впереди — Эрфурт!

Дорогие советские друзья!

Вы просили меня рассказать о жизни немецких пионеров. С удовольствием выполняю вашу просьбу.

У нас много интересных дел, но ведь в письме, даже самом длинном, обо всем не расскажешь. Поэтому я решил показать вам несколько фотографий. Давайте посмотрим их вместе. Хорошо!

Вот лихие скакуны. Этот снимок сделан в пионерском лагере на берегу Балтийского моря. По фотографии легко представить себе, как там было здорово. Песчаный пляж, солнце и море — настоящее приволье для мальчишек! Конечно, самое приятное в жаркие летние дни — просто плескаться в воде, но ребята и здесь времени даром не теряли. Они учились плавать по-настоящему, и некоторые даже получали звание пловца вольным стилем.

Многие ребята приезжают к морю на каникулы целыми пионерскими отрядами. Ведь особенно весело отдыхать с хорошими друзьями!

А сколько планов приходит в голову во время отдыха! У меня есть друзья, сельские пионеры,— они давно хотели порадовать своих односельчан чем-нибудь неожиданным. Надо сказать, что ребята раньше устраивали в селе концерты, ставили пьесы. Но все это повторялось уже не раз и немножко надоело.

«А что, если нам открыть кукольный театр?» — предложил кто-то. И все загорелись этой идеей. Вернувшись домой после каникул, ребята сразу взялись за дело. Они даже пьесу написали сами. Конечно, это была не настоящая пьеса: ребята просто показывали веселые сценки из жизни своей деревни. Успех был полный! Сейчас все ждут не дождутся новой программы, такой же веселой и боевой.

Наша пионерская организация носит имя Эрнста Тельмана — замечательного вождя немецкого рабочего класса. Мы очень гордимся этим именем и стараемся быть достойными его.

Мы понимаем: сейчас главная задача юных тельмановцев — хорошо учиться. Вот, например, как было в нашей школе: в седьмом классе дела шли очень неважно. У Фрица — плохие отметки по-русскому, у Ганса — по биологии и географии, а Гизела все время отставала по математике. Мы решили, что это наше общее дело — помочь им выправить плохие отметки. Стали вместе готовить домашние задания, сильные ученики помогали тем, кто послабее. И вскоре пятерки (это у нас низшая отметка, как у вас двойка) стали попадаться все реже и реже и, наконец, совсем исчезли из классных журналов. А самое главное — прекратились подсказки и списывание. Ведь это совсем не нужно, если каждый сам готовит уроки.

Все мы, пионеры-тельмановцы, хотим, чтобы в нашей республике скорее был построен социализм, стараемся уже сейчас помогать взрослым.

Как и вы, мы тоже шагаем по пионерским ступенькам. Для младших ребят они полегче, для старших — труднее. Каждый, кто пройдет по всем ступенькам, получает нарукавный знак «Спутник». Мы гордимся тем, что в каждой дружине и в каждом отряде «выходят на орбиту» все новые и новые «Спутники».

«Хорошо,— скажете вы,— а не получается ли у вас так: выполнил требования ступенек, пришил значок к рукаву и успокоился?»

Нет, не получается. Посмотрите на снимки и вы убедитесь в этом. Пионеры-тельмановцы не случайные гости на полях и фермах кооператива, а настоящие помощники. Вы видите, как дружно помогают ребята своему новому, только что родившемуся кооперативу. Вернее, кооператив в селе был давно, но только в прошлом году все крестьяне стали его членами. Это был настоящий праздник для всех и прежде всего для пионеров.

Раньше ребята тоже помогали кооперативу, но, честно говоря, делали немного. Теперь надо было подумать о настоящей, серьезной помощи.

Старшеклассники вышли на поля. Вместе со всеми членами кооператива они убирали урожай. Вас, наверное, немного удивляет этот снимок: на уборке хлеба не видно машин. В этом году ребята последний раз вязали снопы. К будущему лету в кооператив придут комбайны и картофелекопалки.

А как вам нравится эта сценка? Просто позавидуешь веселым подружкам: с таким задором они «причесывают» свою подшефную. А ведь многие считают работу на ферме скучным занятием.

Все радуются хорошему урожаю. Крупные картофелины так и мелькают в руках. Еще несколько корзинок — и самые быстрые уже заканчивают работу. Теперь надо немножко отдохнуть и помочь тем, кто отстает.

Вот еще один снимок. Сейчас в нашей республике идет не совсем обычный конкурс: на самое красивое и благоустроенное село. Тельмановцы тоже не остаются в стороне. Они решили: школа должна стать украшением села. Поэтому цветники возле школы вовремя прополоты и политы, кустарники и газоны аккуратно подстрижены. Около школы всегда увидишь ребят с граблями и лейками: ведь для такого дела не жаль сил и времени.

А теперь расскажу немножко о том, чем сейчас увлекаются, наверное, все ребята земного шара. «Мастера Будущего!» — так у нас называют пионеров, юных техников. Каждый год в ГДР проводится выставка работ «Мастеров Будущего». В ней принимают участие и пионеры и наши старшие товарищи из Союза свободной немецкой молодежи.

На последней выставке мне больше всего понравилась модель космического корабля. Ее построили юные астронавты из Дома пионеров города Виттенберга.

Мы, конечно, понимали, что это игра, но все же невольно мурашки пробегали по спине, когда наступила тишина и по радио прозвучал торжественный приказ: «Всем астронавтам подняться на корабль!» Замигали разноцветные огоньки электронной маши-

ны, по радио передали последние приветы провожающим.

За взлетом ракеты следим по телевизору (с помощью проекционного фонаря). Экран ослепительно вспыхивает — и корабль уносится в бездну Вселенной...

Это были незабываемые минуты!

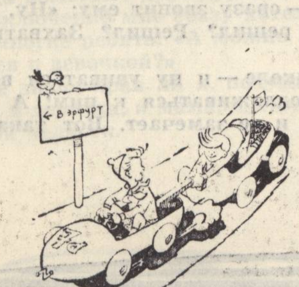
В заключение — еще об одном важном событии.

В день 11-й годовщины республики в замке Нидершенхаузен собрались делегаты лучших дружин. Пионеров принял председатель Государственного совета товарищ Вальтер Ульбрихт.

Вы видите на фотографии, как товарищ Ульбрихт на торжественной пионерской линейке принимает рапорт.

От имени правительства товарищ Ульбрихт поблагодарил пионеров за активное участие в строительстве социализма и передал первый билет для поездки в Эрфурт. Да, вы ведь еще не знаете, что будет в Эрфурте. В этом году там состоится седьмой пионерский слет. Поедут туда, конечно, только лучшие. И вот сейчас все мы, пионеры-тельмановцы, участвуем в соревновании за право поехать в Эрфурт.

Мне очень хочется, чтобы мое следующее письмо к вам было отправлено из Эрфурта!

С пионерским приветом вам Клаус

Есть ли у тебя друг?

Каждый день приходят в редакцию пачки писем, и среди них непременно бывают письма о дружбе.

«Что нам делать? У нас недружный класс»,— пишут девочки из Уфы.

«Я хочу дружить с одним мальчиком, а мама мне не позволяет»,— пишет Петя Волков из Новгорода.

«Жить без друга очень плохо,— пишет Женя Боровиков.— Я переехал на новое место и остался без друзей».

И еще много таких писем.

Наверно, все ребята скажут то же самое, что написал Женя Боровиков: жить без друга очень плохо.

Если тебе не с кем поделиться радостью, радость испорчена. Если тебе некому рассказать о беде, беда становится в три раза тяжелее. Бродишь, как неприкаянный, и тебе никто не нужен, и ты никому не нужен...

Нет, просто невозможно жить без друга!

А что же все-таки делать, если друга нет?

Вот об этом мы сегодня и поговорим. Вы, быть может, замечали: у одних ребят друзей очень много, чуть ли не пол-отряда, а другие с трудом сближаются с товарищами.

Это оттого, что у разных людей разные характеры. Одни общительны, легко находят, о чем поговорить с незнакомыми; другие замкнуты, они не станут открывать душу каждому встречному-поперечному. Тут уж почти ничего не поделаешь, и еще неизвестно, кто из двух таких ребят лучше. Но можно сказать точно: настоящие друзья бывают только у хороших людей.

Дело в том, что дружить умеет совсем не каждый.

Я знал один класс, где была группа ребят, которые отличались от остальных. Их было человек пять. Они одевались получше, были сильнее других ребят, и всегда у них были какие-то свои шуточки, свои разговоры, и всегда они командовали товарищами. Вдруг договорятся и объявят: «Эй, ребята, давайте сегодня скажем, что нам задачку по геометрии не задавали и никто ее не делал». Ребята их слушались. Начнется урок, и все кричат: «Не задавали! Вы, Мария Петровна, забыли, вы нам только теорему задали!» Так и сорвут урок. Почему их ребята слушались, трудно сказать. Немножко боялись их, немножко завидовали: многим хотелось бы попасть в их компанию.

Многим, но не всем. Были ребята, которые держались независимо, даже открыто враждовали с этой пятеркой.

А были еще люди вроде Вити Пермитина, о котором я и хотел бы рассказать.

Этот Пермитин как будто дружил с одним хорошим пареньком в классе. Не выходит задачка или пример по алгебре — сразу звонит ему: «Ну, как дела? Пойдем погуляем, а? Кстати, ты задачу-то решил? Решил? Захвати с собой, объяснишь мне. Ладно?»

Но на следующий день появляется в школе — и ну увиваться вокруг тех пятерых, ну подсмеиваться их шуточкам, подлаживаться к ним! А товарища своего, у которого накануне помощи просил, и не замечает. Вот такая пустая душа была у человека!

Пермитин вырос. Но он и сейчас такой же. Только о себе думает. Начнешь с ним говорить, а он всякий раз переводит разговор на себя, на всякие свои истории и всегда постарается прикинуться этаким несчастненьким, чтобы его пожалели...

Его и вправду жалеют, с ним многие водятся, но настоящего друга у него никогда не было.

Потому что кому нужен такой, как он, в друзья? Ведь друг должен быть верным, это главное. Друг должен думать не о себе, а о товарище.

Тот, у кого верное сердце, кто заботится о людях, кто смел и правдив, тот всегда найдет себе хорошего друга.

Правда, многие ребята жалуются, что подружиться с тем, кто тебе нравится, иногда бывает трудно. Не подойдешь же к человеку и не скажешь ему: «Давай дружить!»

Иные так и делают. Послал записочку на уроке: мол, предлагаю дружбу — и все в порядке.

Но я думаю, что так друга не найдешь. Ведь друг — это не на день и не на год. Это на всю жизнь. Тут записки не помогут.

Знаете, ребята, не надо торопиться. У каждого, наверно, есть несколько приятелей: с кем вместе идешь из школы, с кем болтаешь на переменке, с кем работал в редколлегии стенной газеты или еще где-нибудь. Пройдет какое-то время, и вы сами увидите, кто вам настоящий друг, а кто нет. И если подружитесь с кем-нибудь, то вам ни мама не сможет запретить, ни папа, ни классный руководитель. Верному сердцу нет никаких преград!

Только в дружбе обязательно надо быть принципиальным.

В одном московском интернате я недавно познакомился с хорошей девочкой. Зовут ее Маруся, Маша, а фамилии ее я называть не буду. Бабушка Маши работает уборщицей в интернате, и Маша живет с ней в маленькой комнатке в школьном здании. Там она проводит воскресенья и лето. И вот этим летом Маша подружилась с пареньком из их седьмого класса. Паренек, скажу прямо, показался мне в тысячу раз хуже Маши. Глаза у него нагловатые, никогда на тебя не смотрит прямо, и слова какие-то паршивые употребляет, и почему-то все время плюется. Говорит с тобой, а сам сплевывает. Думает, что это придает ему мужественный вид.

Летом паренек этот частенько заходил к Маше. Придет, поговорят, помогут бабушке картошку почистить или еще в чем-нибудь, в магазин сходят или на базар. Но однажды он признался Маше, что попал в компанию воришек. И даже сам не один раз по карманам лазил.

Я представляю себе, как чья-нибудь мама, узнав о таком знакомстве ее дочери, пришла бы в ужас. «Я тебе запрещаю с ним водиться!» — сказала бы она, совсем как Ольга, старшая сестра Жени Александровой из книги «Тимур и его команда». Помните, пока Ольга думала, что Тимур хулиган, она очень сердилась на Женю за то, что та дружит с Тимуром.

Но Женя молодчина, поставила на своем и ни за что не согласилась отречься от Тимура, раз она считала его хорошим человеком и дружила с ним. Так и надо поступать!

Я не знаю, о чем говорила Маша с тем пареньком, только он потом пришел к ней и сказал, что воровать больше не будет. Маша молодец. Она даже в плохом человеке увидела что-то хорошее, чего сразу не разглядишь. В этом парнишке, например, Маша заметила его искренность, доверчивость. Пройдет немного времени, и он, пожалуй, станет еще лучше. Принципиальность состоит не в том, чтобы сказать: «Ах, ты воруешь? Ну тогда я с тобой дружить не буду». Поступить принципиально — значит воевать за человека, помогать ему. Рядом с принципиальными людьми, вот такими, как Маша, плохой мальчишка чувствует угрызения совести и старается стать получше. Вот и хорошо. Когда друзья настоящие они всегда помогают друг другу становиться лучше.

В заключение мне сразу хотелось бы ответить на вопросы, которые, наверно, зададут многие ребята: «А можно ли дружить мальчику с девочкой?» «А как подружиться с девочкой?»

Я не знаю, прав ли я, подумайте сами, но, по-моему, другом может быть и мальчик, и девочка, и мама, и кто-то совсем взрослый... Лишь бы это был верный, надежный человек.

Вожатый Сима Соловьев.

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 2 (14) ФЕВРАЛЬ 1961 г.

СЛАВНЫЕ ДЕЛА ПИОНЕРСКОЙ ДВУХЛЕТКИ — ХОРОШИЙ ПОДАРОК РОДИНЕ

НА ОЗЕРЕ ШКОЛЬНОМ

Это озеро в селе все так и называют — «Школьное». Пионеры лугохуторской школы № 2 в Приморье уже два года выращивают здесь уток для Даубихинского совхоза. В первый год они откормили 38 000 уток, а в прошлом году — 54 000.

Ну и хлопот у пионеров с ними, конечно, было много. Весной, когда установились теплые деньки, утят выпустили на воду. Там им приволье, корма сколько угодно, да вот беда: вода по утрам очень холодная. Пришлось следить, чтобы малыши не простудились.

Все лето пионерские посты дежурили на озере, охраняя своих питомцев, ухаживая за ними.

Зимой озеро опустело, но лишь вновь зазеленеет трава, пионеры лугохуторской школы примутся за свое любимое дело.

А. Буссель

БОЛЬШОЕ СПАСИБО

В нашем селе все хорошо знают пенсионерку Евдокию Михайловну, или бабу Дуню, как попросту у нас все ее называют. Ей уже семьдесят шесть лет, и она осталась совсем одна. Поэтому каждый старается чем может помочь бабе Дуне. Особенно часто приходят к ней пионеры. Осенью ребята убрали урожай с огорода, выкопали десять соток картошки, заготовили дрова.

— Хорошие ребята,— говорит Евдокия Михайловна,— большое им спасибо!

К. Кулебакина,
с. Боготы, Кемеровская область.

ЮнТАСС СООБЩАЕТ:

ФРУНЗЕ. В школе № 34 организован комбинат «Юный спутник», где младшие ребята учатся переплетать книги, шить, вышивать, столярничать.

ЛЕНИНГРАД. Пионеры Выборгского района начали в своем Доме пионеров строительство радиостанции, которая будет держать связь со всеми школами района.

ВЫБОРГ. В школе № 11 организован пионерский лекторий, лекторами в нем будут восьмиклассники.

ВИННИЦА. «Фабрикой игрушек» назвали пионеры школы № 17 свою мастерскую. На уроках труда, а часто и после уроков ребята делают здесь игрушки для малышей подшефных детсадов № 1 и № 9.

На севере Сахалина, в поселке Ново-Тымовке, есть школа-интернат. Здесь живут и учатся ребята из городов и поселков Сахалина, с Курильских островов. Много славных дел на счету у этой школы, но больше всего ребята гордятся своей животноводческой фермой, где у них десять коров, сотня свиней, много птицы.

Вот пионеры Валя Мечиков и Леня Максимов. Поросята, за которыми они ухаживают, хорошо прибавляют в весе.
Фото С. Пунегова.

НАШ ПЛАН!

Пионеры нашей Запорожской области собрали 2 тысячи тонн металлического лома. Всего за двухлетку мы обещаем сдать столько лома, что его хватит на 40 плавок в мартеновских печах завода «Запорожсталь».

Люба Казьмина,
г. Запорожье.

У нас маленькая школа, нас всего сто двадцать два пионера. Но мы тоже хотим внести свой вклад в двухлетку. На стройку нефтепровода Волга — Центральная Европа мы уже сдали 15 тонн металлолома. Из них 2 тонны собрали Валя Гурина и Тася Михайлова.

Еще мы взяли шефство над детским садом и посадили вокруг него и возле нашей школы 300 деревьев.

Нина Устинова,
Остроговицкая школа, Ленинградская область.

НАШ ДЕНЬ!

Мы, пионеры Токаревской школы, сдали государству 100 кроликов. Это наш первый вклад в пионерскую двухлетку.

Юра Деменчук,
Житомирская область.

По плану двухлетки мы участвуем в строительстве жилых домов и городского Дома пионеров, помогаем благоустроить территорию Брестской крепости.

Лариса Петушкова,
председатель совета дружины школы № 5.
г. Брест.

Наша дружина собрала и сдала 1 400 килограммов металлолома, 151 килограмм макулатуры, 85 килограммов семян фруктовых деревьев.

НАШ ТРУД!

За успешное выполнение двухлетки мы соревнуемся с дружиной школы-интерната. Пока впереди мы.

Совет дружины восьмилетней школы.
с. Гадяч, Полтавская область.

РАПОРТУЕМ ЦИФРАМИ

Сорока на хвосте принесла

— Вы слышали? Слышали новость? Что за чудесная жизнь началась для птиц в городе Городище!

Это пионеры из Отряда друзей природы позаботились о них: заранее насушили ягод калины, рябины, собрали арбузные семечки, накопали червяков.

Восьмиклассник Леня Панько и его друзья сделали восемь кормушек, развесили их возле своих домов, в садах, в парке. Кормушки эти никогда не пустуют. Каждая птица найдет там для себя что-нибудь вкусненькое.

И у Лены Черновой висит возле дома кормушка и у Жени Белбород. Да почти возле каждого дома в городе!

Интересно бы посмотреть, а как в других городах и селах?

Белобока

СДЕЛАЛИ ТЕЛЕВИЗОР

Юные техники рязанской школы № 1 своими силами сделали телеаппаратуру, которая позволяет передавать изображение и звук из одного помещения в другое.

По школьному телевизору передаются открытые уроки, концерты самодеятельности, сатирические обозрения, школьные последние известия.

г. Рязань.

Снежная баталия. **Фото В. Лагранж.**

НАШ СТАРЫЙ РОДНОЙ ДОМ

Решил отряд юных разведчиков Ремизовской средней школы изучить и написать историю своей пионерской дружины. Ребята обнаружили удивительные вещи. Оказалось, в здании их школы в 1919—1920 годах были курсы красных командиров.

— Вот из этих ворот мы уходили на фронты гражданской войны сражаться за Советскую власть,— рассказывал ребятам бывший курсант школы красных командиров Н. К. Семков.

Пионеры-разведчики написали письма многим бывшим выпускникам своей школы, попросили их рассказать, как жила и работала пионерская организация в прошлые годы.

Работа разведчиков продолжается.

Гомельская область.

СТАРИННЫЕ МОНЕТЫ

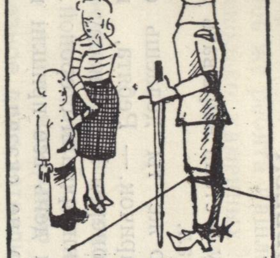
Люда Соколова, ученица находинской средней школы № 16, уже несколько лет собирает старинные монеты.

У нее есть японские, корейские, китайские монеты и даже монеты времен Чингизхана.

Недавно Люда подарила городскому Дому пионеров для общей пионерской коллекции больше ста монет.

Лена Рудич

СМЕШИНКА

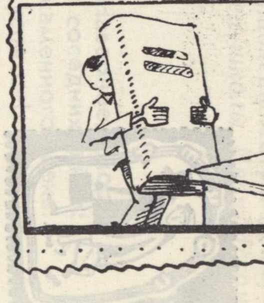

ФОТО КОНКУРС

Всем! Всем! Всем!

Ребята, юные фото- и кинолюбители, принимайте участие во Всероссийском конкурсе на лучший снимок, на лучший любительский фильм! Конкурс посвящается сороколетию Всесоюзной пионерской организации имени Ленина.

Подробности об условиях конкурса вы можете узнать в школе, в совете дружины или в Доме пионеров.

Спорт

Самый молодой мастер спорта в Киргизии — это ученица 344-й фрунзенской школы Таня Свиридова. Она уже несколько раз выступала на республиканских и всесоюзных соревнованиях по гимнастике и всегда успешно.

Этот успех не вскружил Тане голову, она не забывает и о школьном гимнастическом кружке. Для нее дело чести — добиться, чтобы в родной школе было как можно больше хороших гимнастов.

Г. Ландина

Редколлегия: Таня Копылова (редактор), Алеша Шестопал, Аня Дулицкая, Юра Осипов, Саня Фейнберг, Галя Кухтенкова, Люся Гаврикова. Художники: Миша Корси и Зуна Кизнер.

ПОЧТА ВОЖАТОГО СИМЫ СОЛОВЬЕВА

Прошли стороной

Недавно у нас в школе произошел такой случай. Ученица 5-го «Б» класса Вера Макарова решила «подшутить» над старичком. Он шел домой, в поселок Долгий бугор. В сетке нес конфеты и пряники.

Его догнали школьники Вера Макарова, Рая Сизова и Миша Комаров.

— Давайте отнимем у дедушки сетку! — предложила Вера.

Рая и Михаил промолчали. Они ни слова не сказали и тогда, когда Макарова подбежала к старичку и стала вырывать у него сетку. Старичок упал.

— Да что же ты делаешь со мной! — крикнул старичок. — Ребята, помогите! — позвал он пионеров Раю Сизову и Мишу Комарова. Но они прошли стороной.

На второй день все пришли в школу, но никто ничего не сказал.

«Какое наше дело? — думали Рая и Миша. — Что мы, ябедники, что ли?»

А Вера пригрозила им:

— Если расскажете, то станете просто предателями.

Прошла неделя. Об этом случае узнали в школе. Веру наказали. Но правильно ли поступили Сизова и Комаров? Жду вашего ответа.

Нина ВАСИЛЬЕВА.
пионерка отряда 6-го класса

Ты, конечно, Нина, понимаешь, что ребята поступили безобразно. Тут и спрашивать нечего. Видно, ты была так возмущена, что решила написать в редакцию. И правильно сделала! Никогда не слышал я ничего подобного. Миша и Рая побоялись быть предателями, а на самом деле они потому и стали предателями, что не остановили Веру, не защитили старого человека. Есть пионерский закон: «Пионер говорит правду, он дорожит честью своего отряда». Рая и Миша нарушили его. Они предали самое дорогое — честь пионера, имя пионера. Они замарали свой отряд, всю дружину. Как теперь будут говорить о дружине этой школы? «А,— скажут,— это те пионеры, что на беззащитного старика напали!»

Письмо Нины было секретное, поэтому мы изменили фамилии ребят.

Стоянка древнего человека

Любим мы родное Забайкалье всей душой. Взберешься на гору: слева — необъятные поля переливаются зеленым шелком, справа — хребты встают, покрытые могучим сибирским лесом.

Чтобы лучше узнать свой край, школьники Еланской семилетней школы Бичурского

района, Бурятской АССР, решили открыть свой музей. За прошедшую зиму ребята собрали много экспонатов, смотреть их приходит вся школа.

Особенно интересными экспонатами музей обогатился летом. Пионеры Чабаевский Володя и Стрекаловский Миша нашли камни, обработанные рукой человека. Находка заинтересовала нас. Через день мы вышли в разведку. Прямо на поверхности вспаханного поля мы обнаружили массу крохотных пластинок-микролитов, искусно сделанных из камня. Здесь же ребята нашли каменное рубило и несколько каменных наконечников стрел. Мы, очевидно, обнаружили след стоянки первобытных людей каменного века.

Первым долгом решили написать об этом профессору А. П. Окладникову в Ленинград, с которым еще с прошлого года имеем переписку.

Недавно журнал «Пионер» призвал ребят становиться изыскателями. Мы — «за»! Мы готовы бороться и искать, найти и не сдаваться.

Старший пионервожатый Еланской семилетней школы Иван Истомин

Настоящие изыскатели растут в Еланской школе! Наверное, скоро в их музей будут ездить на экскурсии пионеры из соседних школ: ведь всем интересно посмотреть, как жили люди каменного века. Полезное дело затеяли ребята, пожелаем им больших успехов!

«Кто прав: я или мама?»

Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос: получится у человека дело, если он совершает его «из-под палки»?

Например, меня мама заставляет играть на скрипке, а я не хочу. Педагог говорит, что я очень способный. Если вы спросите, почему я не хочу заниматься, то я отвечу: «Мне это занятие не по душе». Мама же хочет, чтобы я стал «культурным мальчиком».

Пожалуйста, ответьте мне, кто прав: я или мама?

Коля Сергеев
Ленинград.

Ты, наверное, ждешь, Коля, что тебе ответят: «Прав ты, а не мама». Из-под палки действительно ничего не сделаешь.

И все-таки ты не прав.

Вот у нас в стране такой закон: все обязаны получить восьмилетнее образование. Иному мальчишке учиться совсем не по душе, ему, может быть, по душе гонять собак по улицам. А его заставляют учиться. И ты, наверное, согласишься, что это правильно. Мальчишка вырастет и скажет спасибо тем, кто не дал ему остаться неучем.

«Но,— скажешь ты,— это ведь совсем другое дело! Без грамоты или без знания физики теперь не проживешь, а музыка — это не обязательно».

Верно. Сейчас пока не обязательно, сейчас у нас нет возможности всех детей учить музыке, но вот, например, уроки пения уже обязательны для всех. Почему бы это, ты не думал? И без пения прожить можно!

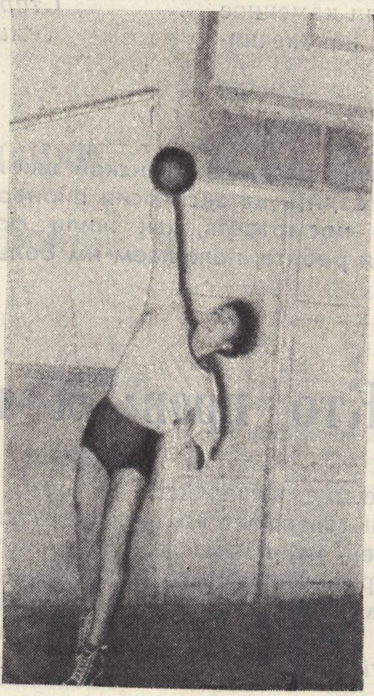
Но нам надо не просто как-нибудь прожить, нам надо прожить жизнь интересно, а для этого нужно быть развитым, культурным человеком. Ты зря подсмеиваешься над словом «культурный». При коммунизме все будут культурными.

И если у тебя есть возможность учиться музыке уже сейчас, было бы глупо с твоей стороны не использовать ее. Может быть, мама и не хочет, чтобы ты стал профессионалом-музыкантом. Ты вырастешь и найдешь себе настоящее дело, по душе. И еще будешь уметь играть на скрипке. Знаешь, как здорово будет!

НАША СПОРТ ШКОЛА

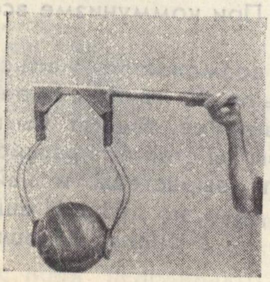

МЯЧ ЖДЕТ УДАРА

Каждый знает: когда через сетку летит мяч, ему не скажешь «подожди» или «пожалуйста, чуть правее и повыше». Как же научиться отражать «резаные» мячи и «пушечные» подачи, если никто из ребят еще не овладел настоящими нападающими ударами и в подаче у всех главная забота — не влепить мяч в сетку? А ведь надо десятки раз кряду принять низкий мяч, чтобы овладеть нижней передачей в броске; надо десятки раз встретить у сетки атакующий удар, чтобы научиться блокировать.

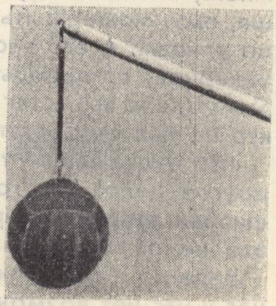
Что же нужно? Мяч на заказ? Мяч, терпеливо ожидающий удара? Пожалуйста! Вот он. Это мяч, укрепленный в тренировочных снарядах, которые вы видите здесь и легко можете сделать сами.

Видите мальчика на фотографиях вверху? Он разучивает на

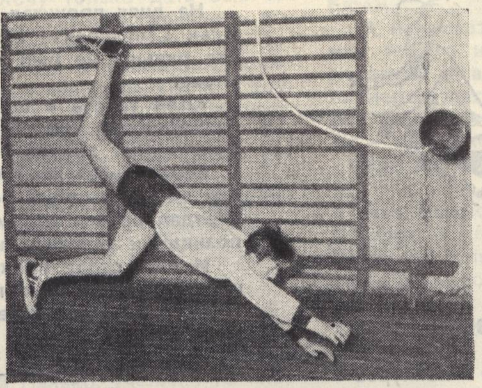

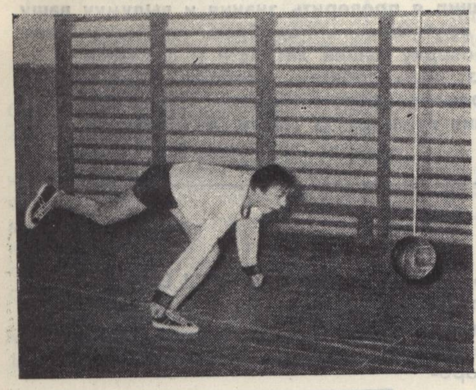

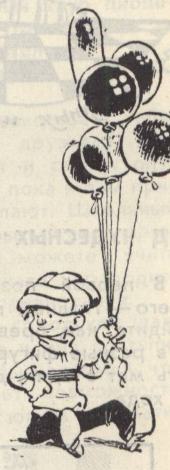

висящем мяче сложную подачу: верхнюю боковую, «пушечную». Ту грозную подачу, за которую на мировом чемпионате в Рио-де-Жанейро наш Юрий Поярков получил у бразильских болельщиков прозвище «человек-катапульта».

На фотографиях справа и внизу — мальчик учится принимать мяч в броске на грудь с падением. Это трудный

прием. Он бывает необходим, когда вместо сильного нападающего удара противник обманным движением заставляет мяч упасть у самой сетки или когда мяч уходит за пределы площадки.

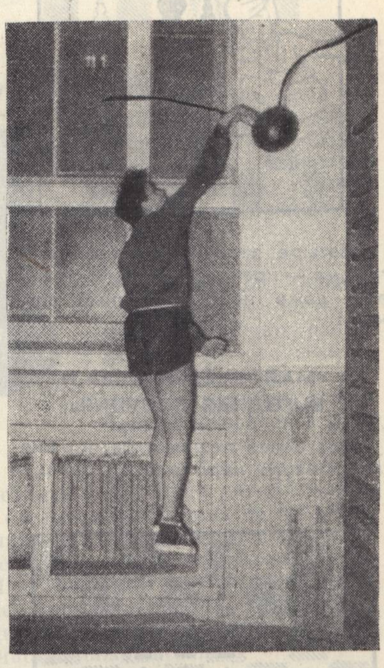
Броски следует сначала отрабатывать на чем-нибудь мягком: на тюфяке, траве, песке.

Очень трудно учиться сильным ударам, если твои партнеры еще не умеют передавать точно. Слева — отработка нападающего удара с мячом в зажиме: ударом мяч освобождается из зажима и летит в заданном направлении. А справа — мальчик тренируется в сильном нападающем ударе на мяче, закрепленном резиновыми растяжками. Мяч каждый раз возвращается в исходное положение. Кроме растяжек, его держит бечевка, идущая от пола. Так можно тренироваться одному, даже у себя в комнате, не рискуя разбить ни зеркала, ни чашки, ни окна.

Тренер **Юрий Железняк.**

Да! Чуть не позабыли. Познакомьтесь, пожалуйста, с Мячеславом Болелкиным. Он, как вы можете заключить из его имени, без памяти любит спорт. Сейчас он увлекся волейболом и тоже пришел тренироваться. Резаные мячи? Пожалуйста, ничего нет проще! Мячеслав Болелкин забрался с ножницами на шведскую стенку. Посмотрев, как мальчик учится делать броски, он не одобрил такой тренировки. Зачем гоняться за низкими мячами, когда проще запастись высокими и никогда не падающими!

Ну, а насчет того, чтобы научиться гасить мячи, тут Мячеслав Болелкин вполне уверен в успехе. Видите, как он спешит на тренировку с огнетушителем на плече? Пожелаем ему успеха!

Читаете ли вы, ребята, шахматные книги! Интересное и полезное занятие. Многое можно узнать в таких книгах. Для шахматиста книги по теории игры все равно что ноты для музыканта. И без нот играть можно, но насколько лучше, правильнее, интереснее игра по нотам!

На днях прочитал я статью русского мастера прошлого века Ильи Степановича Шумова о шахматах. Хорошая статья. Жаль, что раньше не был я с ней знаком. Есть в этой статье такие слова:

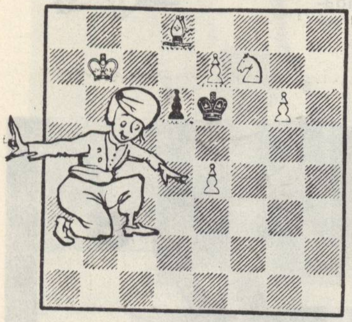
«Для успеха в шахматах требуется умение двигать массами разнородных сил, выигрывать время, пользоваться ошибками неприятеля, заменять малочисленность выгодной позицией».

Верно писал Илья Степанович. А вы, мои юные друзья, освоили ли это умение! Решил я проверить знания и выдумку вашу и отдал приказ своим оруженосцам подобрать пять шахматных позиций и устроить проверку вашей хитрости и смекалки.

И еще отдал приказ: всем ребятам, которые позиции эти решат, вручить мою грамоту «ферзя и ладьи». Срок вам тоже определен. Жду решения ваши до 25 марта. А теперь за дело!

РЯД ЧУДЕСНЫХ ПРЕВРАЩЕНИЙ

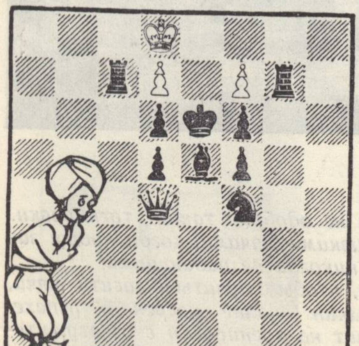
В первой позиции конкурса моего — главный герой пешка с7. Найдите, как, превращая эту пешку в разные фигуры, белые могут дать мат в один, два, три и четыре хода.

Четыре задачи на одной диаграмме — правда, занятный, пожалуй, даже необыкновенный случай?!

«МАЛОЧИСЛЕННОСТЬ И ВЫГОДНАЯ ПОЗИЦИЯ»

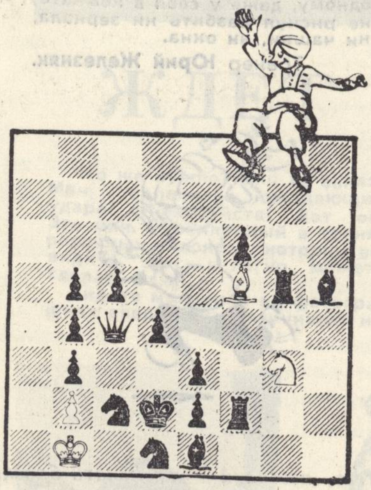
Всего две пешки в распоряжении белого короля в следующей задаче.

Но «мал золотник, да дорог». Хорошо работают эти пешки, прорвавшиеся уже до седьмой горизонтали! Найдите, как белые дают мат в два хода черному королю, неуклюже расположенному в центре доски.

КОНЕК-ГОРБУНОК

Помните, как выручал конек-горбунок Иванушку? И в шахматах есть такие коньки-горбунки. Вот и в следующей позиции, где у черных такой большой материальный перевес, чудо-конек выру-

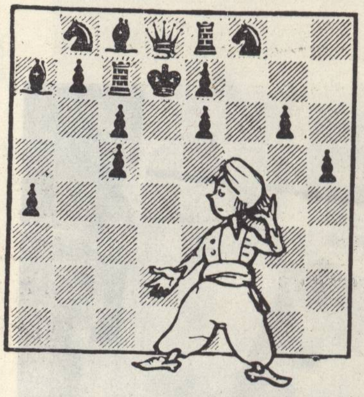

чает белых. И не только от поражения их спасает, но и мат дает черным в семь ходов.

Найдите, как решается эта хитроумная задача.

ГДЕ ФИГУРЫ БЕЛЫХ!

Куда девались все фигуры белых? Не допущена ли ошибка в следующей диаграмме?

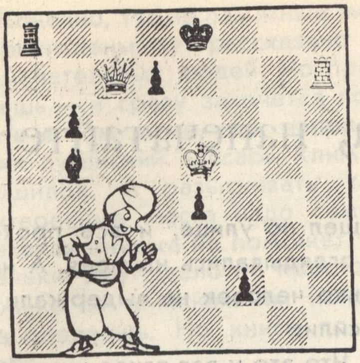

Спешу рассеять ваши сомнения. Задача в том и состоит, чтобы найти наилучшие позиции на доске для белого короля и одной белой пешки. Такие позиции, чтобы белые могли, начиная игру, дать мат в три хода черному королю.

Понятно задание? Итак, где должны стоять белые король и пешка, чтобы дать мат в три хода черным?

ЧЕРНЫЕ ЕЩЕ НЕ РОКИРОВАЛИ...

Не мудрено было бы дать здесь мат черному королю, если бы черные не могли провести рокировку. Даже не в четыре, а в два хода заматовали бы белые черных. После 1. Фс7—d6 уже не

было бы защиты от угроз. 2. Фе7✕ или 2... Лh8✕.

Но в том-то и дело, что король и ладья черных еще не двигались со своих исходных позиций и рокировка вполне возможна. Сыграют белые 1. Фс7—d6, а черные ответят 1... 0—0—0— и ищи в чистом поле черного короля.

Вот в том-то и хитрость задачи. Попробуйте найти, как белые дают мат в четыре хода черным.

РЕШИЛ САМ — ОБЪЯСНИ ТОВАРИЩАМ

Вот и все задания моего конкурса. Хочу только дать вам такой совет. Найдете решения, покажите эти задачи школьным товарищам или в шахматном кружке Дворца пионеров. Пусть и другие ребята свои силы испытают. А не будет у них получаться, объясните, как надо задачи эти решать.

Жду ваших писем, дорогие мои друзья!

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Вот какое письмо прислал нам Сережа Панько, ученик 7-го класса школы № 1 города Ужгорода.

«У нас в школе много любителей шахмат,— пишет нам Сережа.— **И вот мы решили организовать свой шахматный кружок. Хотелось научиться лучше играть, познакомиться с теорией. У нас не было руководителя, и мы попросили городскую секцию прислать к нам кого-нибудь из взрослых шахматистов, чтобы он помог ребятам.**

А нам сказали, что прислать к нам никого не могут, и кружок распался. И в городском Дворце пионеров шахматный клуб пионеров не работает. Причина все та же — нет руководителя.

Как же нам быть!».

Что можно посоветовать тебе, Сережа, и твоим друзьям? Конечно, не следует и самим опускать руки, ждать, пока к вам придут и за вас сделают. Школьный кружок должен быть у вас организован. Вы сами можете учить начинающих, можете проводить свои школьные соревнования.

А что касается городской шахматной секции, то и она поступила неправильно. Мы надеемся, что эта секция найдет возможности оказать помощь юным шахматистам.

ЛЕДЯНЫЕ ЦВЕТЫ

Вы уже видели последнюю страницу обложки? Как и почему растут и расцветают ледяные цветы? Мы спросили об этом известного геофизика и метеоролога профессора Касаткина. Андрей Михайлович Касаткин внимательно рассмотрел фотографии и спросил:

— Где, в какое время, при какой погоде были сделаны эти снимки?

Мы ответили:

— На Кольском полуострове, в марте. Ночью бывало до пятнадцати градусов мороза, а днем хотя и теплело, но не таяло.

И тогда Андрей Михайлович Касаткин сказал вот что. Серебряные цветы-звездочки и ледяные пластинки, похожие на опавшие листья, сродни друг другу. Только звездочки моложе, а листья старше. Игольчатые ледяные кристаллы образовались не из замерзающей воды, а прямиком из пара. Такое бывает в тихую морозную погоду, если в воздухе очень большой избыток водяных паров. Вспомните: был март. Светило солнце, снег испарялся. Да, да! Снег может не только таять, но и испаряться. Воздух насыщался влагой, а у поверхности льда он резко охлаждался, и вот водяные пары выпадали из воздуха колючими, твердыми ледяными иголочками. Рядом с одной появлялась другая, третья, они располагались лучиками. Так и получились на прозрачной ледяной лужайке серебряные ледяные цветы.

А история опавших листьев — как бы продолжение того же рассказа. Новые иголочки располагались уже не вдоль, а поперек лучиков, заполняя пространство между ними и сливаясь в прозрачные ледяные пластинки. Если смотреть в лупу на такую пластинку, будет виден тонкий и нежный рисунок. Это следы составляющих ее иголочек.

А ледяная кувшинка? Эта выросла по-другому и даже в другое время года, когда еще только образовывался лед. На Кольском полуострове реки быстрые, долго не могут замерзнуть. Вода переохлаждается. В такой воде ледяные кристаллы образуются быстро, а иногда даже внезапно.

Тонкая корочка «новорожденного» льда не была еще плотной, в ней оставались микроскопические просветы и щели между кристаллами. Сквозь эти щели вырывались на мороз пары воды и кристаллизовались, наращивая пышные цветы. А когда лед стал плотным, цветы продолжали расти за счет водяных паров воздуха.

* * *

Пожалуйста, напечатайте!

Я шел по улице, и все прохожие оглядывались на меня. А несколько человек не выдержали и спросили:

— Что это у вас такое интересное в руках?

— Что это? — говорю я.— **Это библиотечка пионера.**

...Пришел я в редакцию и разложил на столе три картонных футляра: зеленый, желтый, синий. Что в них? Маленькие тоненькие книжечки, тридцать две штуки. Это совершенно особые книги. Их не стоит читать все подряд. В них надо как следует разобраться.

Ну, с какого футляра начнем мы рассматривать библиотечку? Это зависит от того, на какой ты ступеньке, друг. Предположим, что у тебя уже есть значок пионера первой ступени и тебе очень хочется поскорее получить новый значок, перебраться на вторую ступеньку. Тогда возьмем с тобой в руки желтый футлярчик.

Ого, какое богатство — двенадцать разноцветных книг! И на каждой написано: «Знай-умей-сделай».

Это девиз пионерских ступенек. В требованиях ступенек сказано: «Знай памятные места, связанные с именем Ленина, с именами выдающихся деятелей Коммунистической партии...»

И вот у нас в руках книжечка «В дни боевые». Здесь написано про вождя нашей партии Владимира Ильича Ленина, и про Ворошилова, и про Фрунзе, и про Щорса, и про Николая Руднева...

Конечно, тут не памятные места перечислены, тут рассказано про замечательных людей. Но прочитаешь — и сразу захочется побывать в том доме, где, например, жил луганский слесарь Клим Ворошилов. А разыскивать такие интересные места надо самому: никакая книжка не поможет. Ступеньки, друг, дело не простое. И только по книжкам их, конечно, не одолеешь. Но книги помогут тебе.

Сказано в ступеньках: «Знай революционные песни». А у нас с тобой и тут есть книжка — «Вперед, народ, иди!» В ней четырнадцать боевых песен. Мы будем их разучивать, и не в одиночку, а всем отрядом. И если мы с тобой пройдем по всем требованиям второй ступеньки, то почти для каждого найдем книжечку. Обо всем тут есть: как оказать первую помощь, как укрепить мускулы, как снарядиться в поход и как устроить в отряде веселые игры, как работать в поле и как самому сделать прибор гелиограф или, например, модель «ТУ-104»...

Но тебе, наверное, захотелось узнать, где купить такую библиотечку?

И тут я должен огорчить тебя: на русском языке она еще не вышла. Ее выпустило Украинское детское издательство.

Честное слово, можно позавидовать украинским ребятам, которые уже получили все это богатство!

Поэтому я не буду говорить, как обычно принято в отделе «ЧНЧ»: «Товарищи **пионеры, прочитайте** эти книги». Я скажу так: «Товарищи **взрослые, напечатайте** эти книги!» И если можно, то, пожалуйста, побыстрее. Время идет, а без такой библиотечки очень трудно шагать по ступенькам.

С. Семенов

НАЧАЛО ПУТИ

Ты находишься в начале долгого жизненного пути. Все у тебя в будущем. И эту будущую жизнь ты хочешь прожить достойно. Потому с такой жадностью ты ищешь для себя благородные примеры в настоящем и прошлом, читаешь книги о выдающихся революционерах, тружениках науки, героях труда.

Небольшая повесть **Лины Нейман «Пятница»** расскажет тебе о замечательном революционере, соратнике Ленина, одном из создателей нашей партии.

Почему эта книжка называется «Пятница»? «Пятница» — партийная кличка Иосифа Ароновича Таршиса. О его детстве и юности эта повесть.

С первых же страниц ты захочешь взять себе в товарищи этого смуглого мальчика с живыми светлыми глазами. Ты будешь жить его заботами, горестями и радостями. Иося, сын столяра,— честный, смелый, благородный и верный товарищ. Ты можешь довериться ему — и не ошибешься. Можешь во всем подражать ему — и будешь прав. Когда Иося вырос и стал революционером-подпольщиком, Владимир Ильич Ленин сказал, что на Пятницу можно положиться, что он не подведет.

Первое революционное поручение Пятница выполняет еще мальчиком. Потом одно задание труднее другого. Вот он везет в корзине запрещенную литературу. В дилижанс ворвались жандармы. Как быть? А сколько нужно самообладания, чтобы, обманув пограничную стражу, провести через границу товарища! Или доставить по назначению партийные листовки, книжки!

На обложке книги высокий человек с темной бородкой идет по тускло освещенной фонарем улице. За ним крадется шпик. Всюду и везде за Пятницей в дореволюционные годы шпионили царские жандармы и шпики. Но всегда Пятницу спасали смелость, упорство, верность партийному долгу. Так прожил он всю жизнь. Взволнованно, с большой любовью написала о ней Л. Нейман. Пусть эта жизнь служит тебе примером. Пятница бесстрашно шел вперед, верил, что подвиг революционеров-подпольщиков приведет к победе, что настанет для народа жизнь светлая и счастливая. Та жизнь, которой ты живешь сейчас.

Е. Немирова

Серебряный бегун

Тебе хорошо знаком маленький значок с серебристой фигуркой бегуна и крупными буквами «БГТО». Ты, наверное, сам носишь значок на груди или готовишься получить его.

Об этом маленьком, но очень нужном значке, о том, когда он появился, где были обнаружены первые лыжи, сколько весит удар боксера, и о многом другом рассказывает писатель А. Дорохов в своей книге «Серебряный бегун». Конечно, бегать, прыгать или плавать по книге не научишься. Но она расскажет тебе о спорте много интересного, даст хорошие советы.

Знаешь ли ты, например, что футбол выдумали английские школьники? Что значат для спортсмена цифры 2, 4 и 8? Автор говорит, что об этих цифрах более ста лет мечтали легкоатлеты всего мира!..

Чемпионом стать непросто. Но возможно. Даже в юном возрасте! Нужны сильная воля, терпение и умение трудиться. И совсем не обязательно для этого быть каким-то особенным, очень рослым или очень широкоплечим...

Книга расскажет тебе, как Толя Булаков стал в шестнадцать лет чемпионом Москвы по боксу, а Нина Никифорова еще пятиклассницей сумела выполнить высокие нормы мастера по акробатике... Много можно назвать школьников — мастеров спорта и чемпионов. Может быть, они есть и в твоей школе...

Многие замечательные спортсмены начинали серьезно заниматься спортом на школьной спортивной площадке, и все они бережно хранят свою первую спортивную награду — значок «БГТО».

Книга эта — рассказ хорошего, внимательного друга. И, заканчивая ее, он говорит тебе: «Так начинай же заниматься спортом, не теряя ни дня! Пусть серебряный бегун украсит и твою грудь!»

Н. Александрова

А у вас был такой сбор?

...В вестибюле школы ребята тесной гурьбой окружили красочно оформленное объявление: «Сегодня сбор отряда посвящается здоровью». Действительно, тема сбора может показаться несколько необычной... Но так ли это?

Среди вас, ребята, ведь наверняка найдутся такие, которые носят очки и даже... испытывают насмешки товарищей. А задумывались ли вы над тем, почему вынуждены пользоваться очками? Может быть, в этом есть и ваша вина? Да и вообще: как устроены наши глаза, как сохранить хорошее зрение?

В проведении сбора на эту тему вам поможет книга **Е. М. Белостоцкой «Наши глаза»**.

Может быть, прошлой зимой заболел один из ваших товарищей, отстал в занятиях, и ему пришлось остаться на второй год. Может быть, вам тоже приходилось болеть, и вы знаете, как это неприятно... Тогда у вас было одно желание: выздороветь и больше не болеть!

Почему болеет человек? Кто эти враги-невидимки, которые разрушают здоровье человека, и как с ними бороться? Можно ли избежать болезни? Если вы сами на сборе не сможете ответить на эти вопросы, то обратитесь к книгам **Г. М. Александрова «Чудесные очки»** и **И. Н. Потаповой «Опасные жильцы»**.

Признайтесь: в те дни, когда мы с волнением следили за блестящими выступлениями наших спортсменов на XVII Олимпийских играх в Риме, вам тоже захотелось быть такими, как они. А знаете ли вы, что многие из наших прославленных олимпийцев свой путь к рекордам начинали с занятий спортом в школе, в пионерском отряде?

Как овладеть спортивным мастерством? Как развить у себя силу, ловкость и выносливость? Что, чемпионами рождаются или ими становятся?

Об этом вам расскажет книга **Е. И. Янкелевич, Е. А. Флеровского «Будь ловким и сильным!»**.

Кто из вас не мечтает об интересном, увлекательном путешествии?! Да, но куда отправиться? Ведь почти уже все открыто... Впрочем, не спешите с выводами: есть такая страна. Где она находится? Об этом вы узнаете из книги **Г. И. Косицкого «Путешествие в страну сновидений»**.

Об одном из сборов, посвященных здоровью, рассказывает в своем дневнике пионер Саша Санников (книга **Л. В. Канель «Дневник Саши Санникова»**).

Все эти книги вы можете найти у себя в школьной библиотеке: медицинское издательство позаботилось о вас, ребята!

В. Николаев

ЛЮБИМАЯ ПАПКА ПРОФЕССОРА КОЛЛЕКЦИАНИ-СОБИРАЙЛОВА

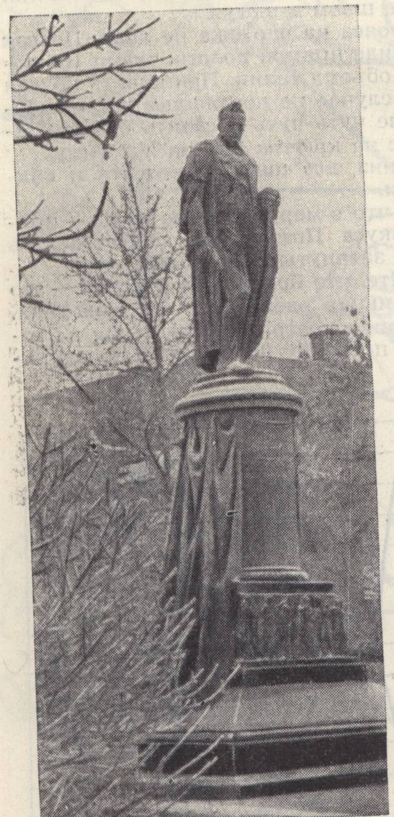
Да, ведь когда все это началось, дорогие читатели, многие из вас читали еще не «Пионер», а «Мурзилку», и, может быть, вы не знаете, как редакция получила **любимую папку профессора Евгения Модестовича Коллекциани-Собирайлова,** который собирает не марки, не монеты, не спичечные этикетки, а факты.

В своей любимой папке профессор хранил всевозможные факты, случаи, события, истории, касающиеся книг, литературных героев, писателей и даже читателей. Здесь есть истории тысячелетней давности, есть события не столь отдаленного времени, есть и сообщения, взятые из свежих газет. За точность некоторых фактов Евгений Модестович готов поручиться чем угодно. О других же он говорит уклончиво: «Рассказывают, что это было на самом деле».

Мы сказали «хранил», а не «хранит», потому что эту папку профессор подарил редакции, чтобы мы могли печатать в журнале то, что в ней собрано. Сам профессор время от времени и сейчас пишет нам или заходит в «Пионер», чтобы добавить в папку еще что-нибудь интересное.

На этой страничке мы публикуем два сообщения из знаменитой папки.

ЕСТЬ ТАКАЯ КНИГА,—

вероятно, вы, ребята, еще не читали ее. Но когда в первый раз она попадет к вам в руки, когда ваш взгляд побежит по стихотворным строчкам, вдруг выяснится удивительная вещь: оказывается, вы знаете эту книгу давным-давно, но не целиком, а по частям, отдельными фразами. Вы их тысячи раз слыхали, вы, может быть, повторяли их сами, считая поговорками: «Нельзя ли для прогулок подальше выбрать закоулок», «Словечка в простоте не скажет», «Счастливые часов не наблюдают».

Все это из комедии «Горе от ума». Недаром, услышав ее впервые, Пушкин сказал: «Здесь каждая строка войдет в пословицу».

Великому писателю Александру Сергеевичу Грибоедову, автору «Горя от ума», в Москве, на Чистых прудах, поставлен памятник. Это памятник и его бессмертной комедии. Посмотрите: вокруг постамента, из-за тяжелых складок театрального занавеса, идут вереницей грибоедовские персонажи: самодовольный и напыщенный барин Фамусов; тупой, ретивый служака Скалозуб; злобная сплетница Хлестова; угодливо изогнувшийся Молчалин; расчетливая, ограниченная Софья; хитроватая служанка Лиза... Прочь от этой компании устремляется Чацкий. Он полон гнева и отчаяния.

А Грибоедов, внимательный, насмешливый, стоит на постаменте, чуть наклонив голову, словно вслушивается в голоса своих героев.

Авторы памятника — скульптор А. Мануйлов и архитектор А. Заварзин.

СКАЗОЧНИК И ДЕВОЧКА

Знаменитые сказочники братья Гримм собрали и записали множество веселых, забавных, остроумных немецких народных сказок. Одна из сказок о пройдохе портном заканчивается присказкой: «Кто этой сказке не поверит, должен заплатить талер».

И вот однажды к старшему из братьев пришла маленькая светловолосая девочка лет восьми и сказала, что ей надо видеть профессора. Ее проводили к нему в кабинет.

— Это ты Гримм, профессор? — спросила девочка.

— Я, милое дитя,— ответил старик.

— Ну, так вот что. Я все твои сказки прочитала и ту, о портном, тоже, и я ей не верю. И я должна заплатить талер. Вот тебе пять зильбергрошей, у меня пока больше нет. Я тебе потом понемножку отдам, ты не беспокойся.

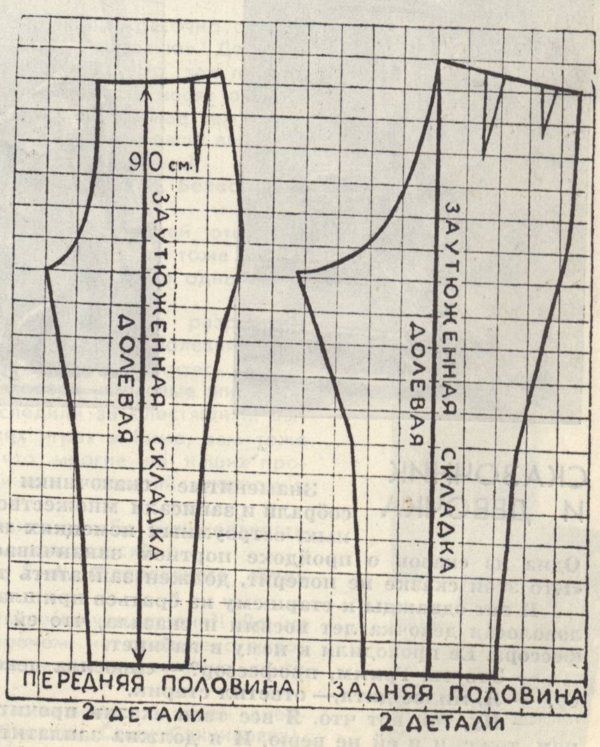

ХРАБРЫЕ ПОРТНЯЖКИ ШЬЮТ БРЮКИ

Сегодня храбрым портняжкам дают урок их друзья из Германской Демократической Республики. Вот чертеж из «Ракеты», журнала немецких пионеров. В журнале написано: такие брюки — вещь удобная и практичная. Наверное, многие девочки с удовольствием сами сошьют их себе.

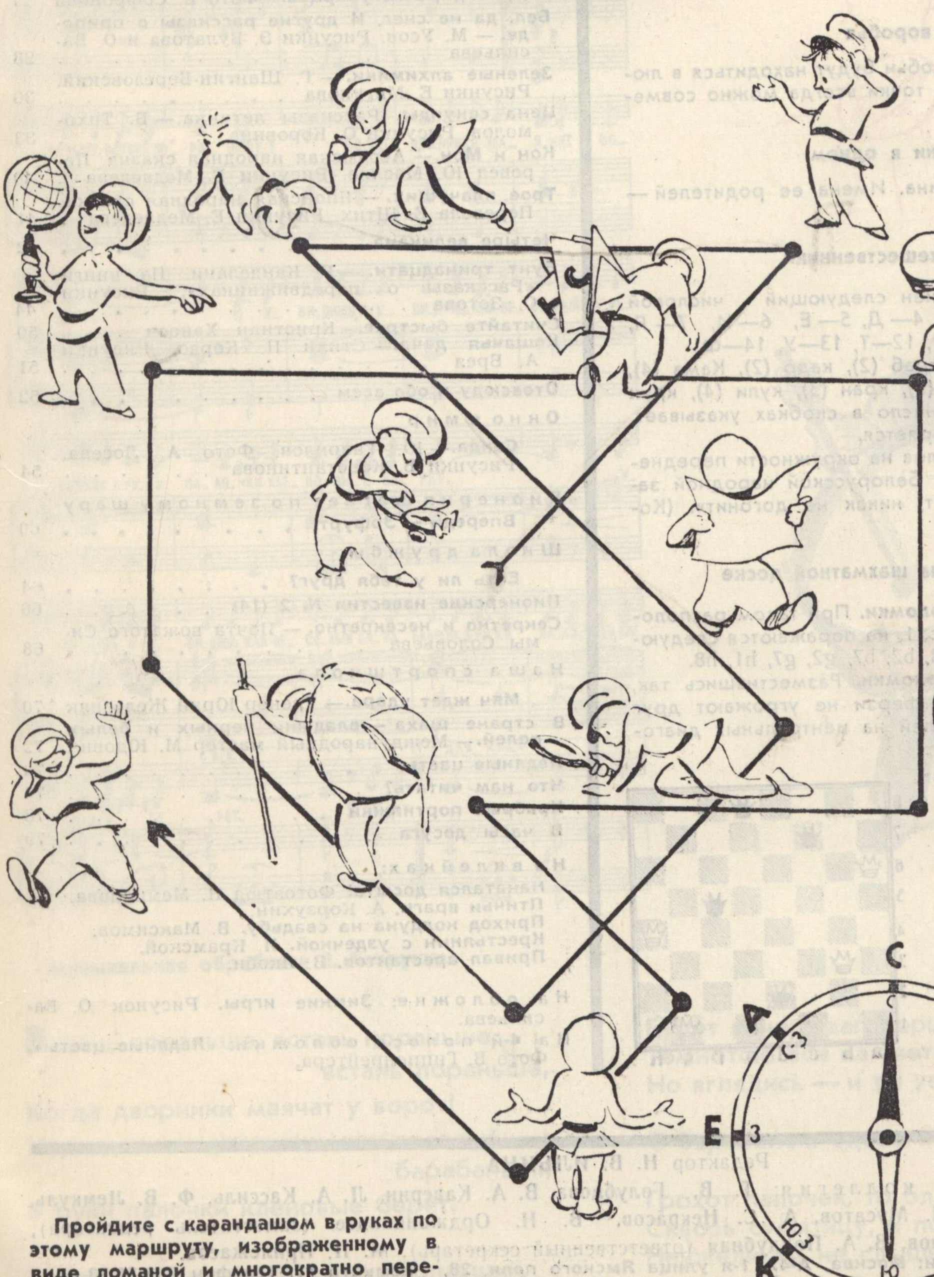
Выкройка дается на 44-й размер, примерно для девочки лет четырнадцати-пятнадцати.

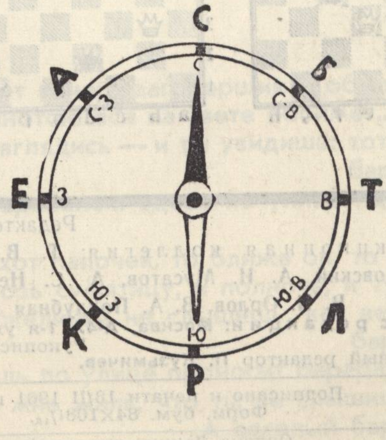
1. Выкройку по чертежу надо увеличивать из расчета: сторона квадратика равняется 5 сантиметрам.
2. Прежде чем начать кроить материал, прикиньте бумажную выкройку на себя и проверьте, правильно ли вы ее пересняли, сходятся ли между собой отдельные части.
3. Раскраивая материю, не забудьте добавлять на швы.
4. В первую очередь сметайте, застрочите и отутюжьте все шесть вытачек.
5. Наружные боковые швы сметывают и застрачивают не до конца. В зависимости от того, хотите ли вы сделать застежки с двух сторон или с одной, вы оставляете несшитыми сверху либо оба шва, либо только левый. Отгладив швы, встрочите в оставленные разрезы застежки-молнии.
6. Затем вы сшиваете и отглаживаете внутренние боковые швы. После этого обе половинки брюк соединяете швом в шагу.
7. Выкройка пояса на чертеже не дана. Поясок выкраиваете в виде прямой полосы ткани (по долевой нитке) по объему талии. Пришивать поясок надо ни в коем случае не посаживая (не присборивая) его, лучше чуть-чуть посадить брюки. Застегивается пояс на крючок или на пуговицу.
8. Подрубить низ, все швы отутюжить и очистить от наметки.
9. Все хорошо, что в меру. Чувство меры — признак хорошего вкуса. Поэтому не следует делать брюки чересчур затянутыми в поясе.
10. Не забывайте, что брюки для девочки — это рабочая и спортивная одежда, а не выходная. В них не ходят ни в театр, ни в гости, ни на вечер, ни даже на прогулку по городу в праздничный день.

Длина брюк — 90 см, ширина внизу — 36 см, объем талии — 68 см, бедер — 100 см.

Отважные путешественницы

Пройдите с карандашом в руках по этому маршруту, изображенному в виде ломаной и многократно пересекаемой линии. В местах, отмеченных точками (ими завершается каждый отрезок маршрута), поставьте буквы, выбрать которые в нужном порядке вам поможет нарисованный справа компас. По буквам вы прочитаете имена двух наших отважных путешественниц.

Н. Васильев

ОТВЕТЫ на задачи, помещенные в № 1

Три воробья

В одной плоскости воробьи будут находиться в любой момент, так как три точки всегда можно совместить с плоскостью.

Два имени в одном

Имя девочки — Антонина. Имена ее родителей — Антон и Нина.

Веселые путешественники

В головоломке применен следующий числовой шифр: 1— А, 2— Б, 3— Г, 4— Д, 5— Е, 6— И, 7— Л, 8—М, 9—Н, 10—О, 11—Р, 12—Т, 13—У, 14—Ф.

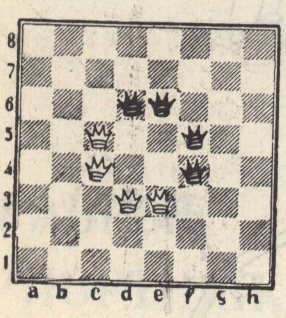
Зашифрованы слова: краб (2), кадр (2), Кама (4), Крит (4), круг (2), кино (3), кран (3), кули (4), крик (2), кофе (1), клад (1). Число в скобках указывает, сколько раз слово повторяется.

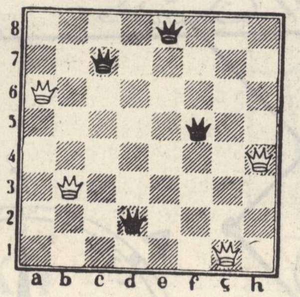
По конечным буквам слов на окружности переднего колеса читается текст белорусской народной загадки: «Брат брата гонит, никак не догонит». (Колеса.)

Восемь ферзей на шахматной доске

Решение первой головоломки. При таком расположении ферзей, как на рис. 1, не поражаются следующие восемь полей: a1, a8, b2, b7, g2, g7, h1, h8.

Решение второй головоломки. Разместившись так, как показано на рис. 2, ферзи не угрожают друг другу и не занимают полей на центральных диагоналях.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе** (заместитель редактора), **В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28, комната 11. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.
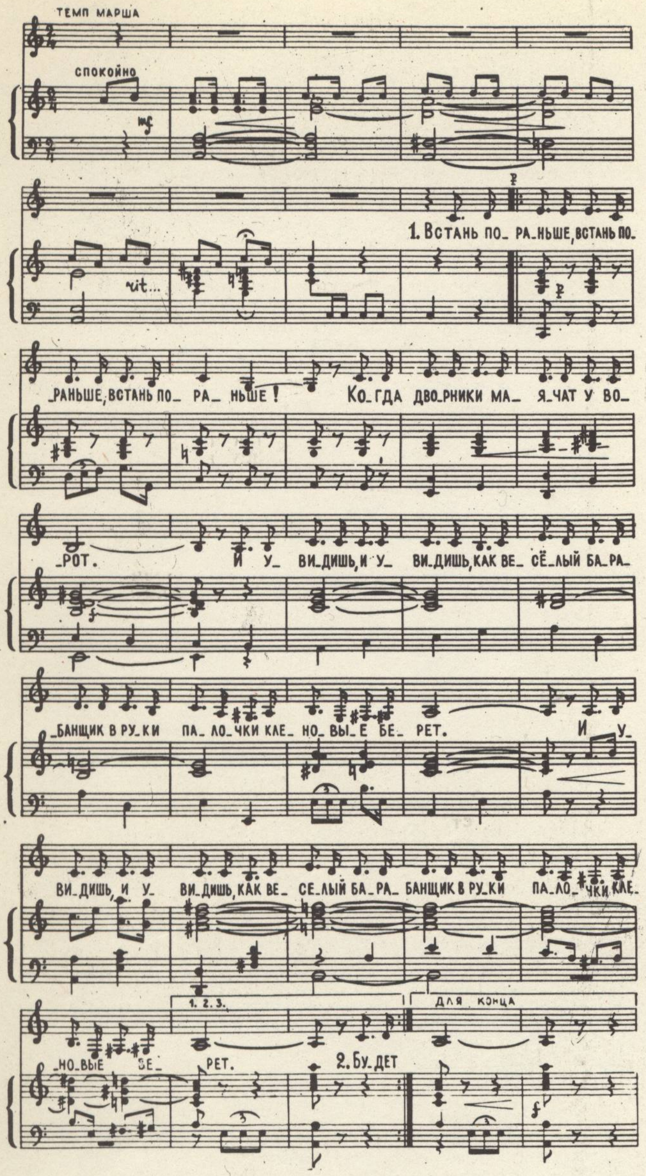
Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 01233. Подписано к печати 18/II 1961 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 403. Заказ 3689.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Булат Окуджава.

Песенка о весёлом барабанщике

Музыкальная обработка Е. Безруких.

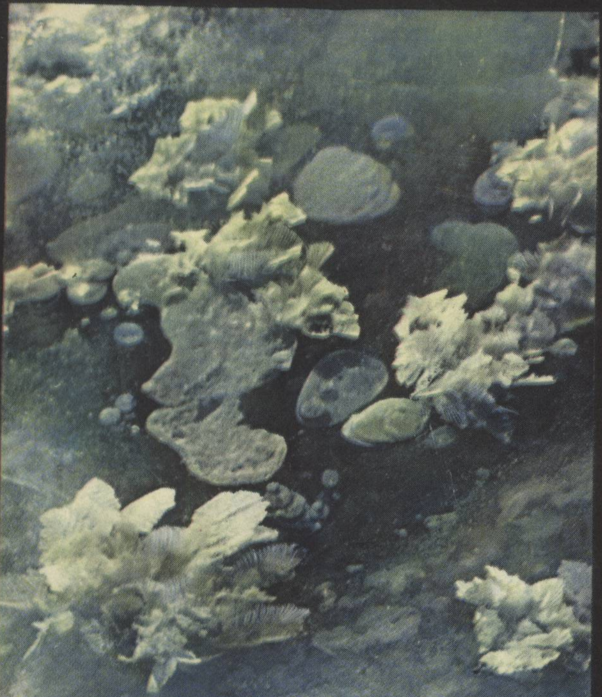
Встань пораньше, встань пораньше,
встань пораньше,
Когда дворники маячат у ворот!
И увидишь, и увидишь, как веселый
барабанщик
В руки палочки кленовые берет.

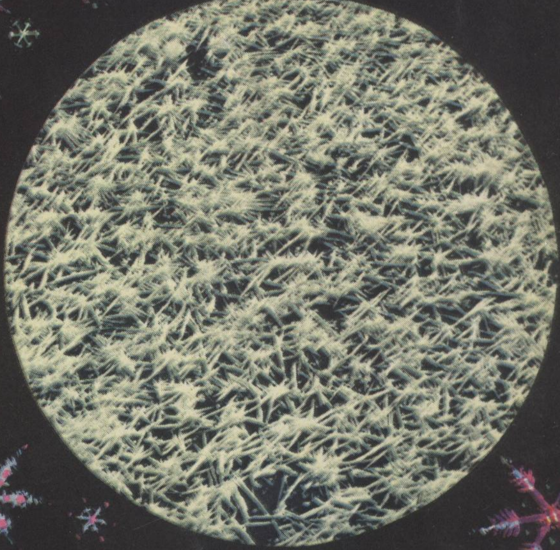
Будет полдень, суматохою пропахший,
Звон трамваев и людской водоворот...
Но прислушайся — услышишь: тот веселый
барабанщик
С барабаном вдоль по улице идет.

Будет вечер, заговорщик и обманщик,
Темнотою все на свете обоймет...
Но вглядись — и ты увидишь: тот веселый
барабанщик
С барабаном вдоль по улице идет.

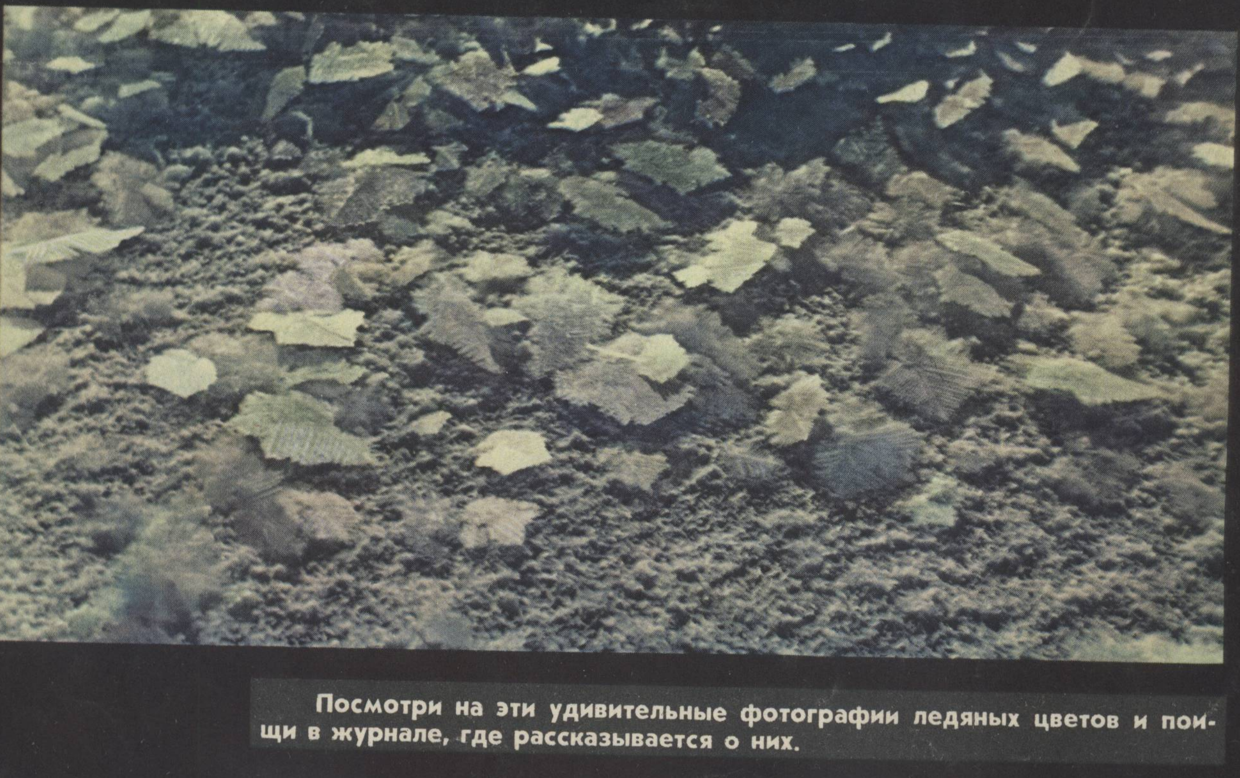
Грохот палочек, то ближе он, то дальше...
Сквозь сумятицу, и полночь, и туман...
Неужели ты не слышишь, как веселый
барабанщик
Вдоль по улице проносит барабан?
Как мне жаль, что ты не слышишь!
А веселый барабанщик
Вдоль по улице проносит барабан.

Цена 25 коп.

Ледяные цветы

Посмотри на эти удивительные фотографии ледяных цветов и поищи в журнале, где рассказывается о них.